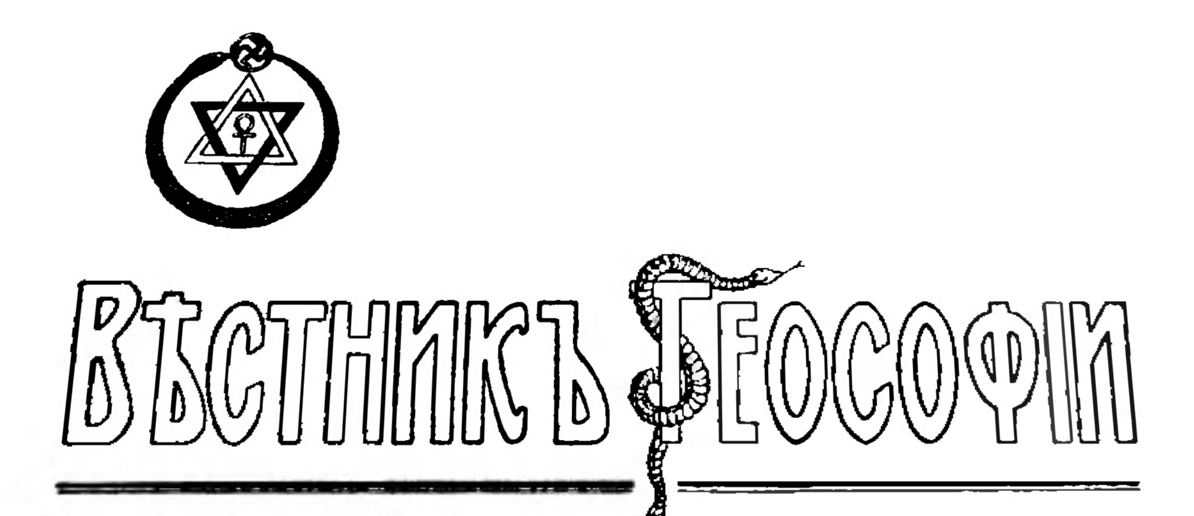

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah

(Нѣтъ религіи выше истины).

7 октября.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ“.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія;

2) свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ;

3) біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцію журнала по вопросамъ теософіи, психологіи и др.;

6) справочный отдѣлъ: вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей *А. А. Каменской,* при участіи **Анни Безантъ,** доктора **Рудольфа Штейнера,** *Alba, П. Н. Батюшкова, А. Ф. Вельцъ, Н. Г., М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, М. Летрэ, Н. Лихачевой, А. Минцловой, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф.* и др.

Въ Журналѣ печатаются слѣдующія статьи: Древняя Мудрость, **А. Безантъ;** Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ, д-ра **Р. Штейнера;** Великіе посвященные, *Э. Шюре* и др.

Цѣна **4** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**2** р. **20** к., за 3 мѣсяца—**1** р. **10** к. Отдѣльный №—**50** к. За перемѣну адреса—**20** к.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ контору Редакціи.**

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакціи (СПБ., Кабинетская ул., д. 7, кв. 1) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 12—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11—12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

По дѣламъ Редакціи издательница принимаетъ лично по вторникамъ и пятницамъ отъ 4—5 час. дня.

Отъ Редакціи. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософія“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ

октябрьской книжки „Вѣстника Теософіи".

30 сентября 1908 г. определенiемъ Спб. городскаго по дѣламъ объ обществахъ присутствiя внесено въ реестръ обществъ г. С.-Петербурга „Россiйское Теософическое Общество“, имѣющее право открывать свои отдѣленiя въ другихъ городахъ Имперiи.

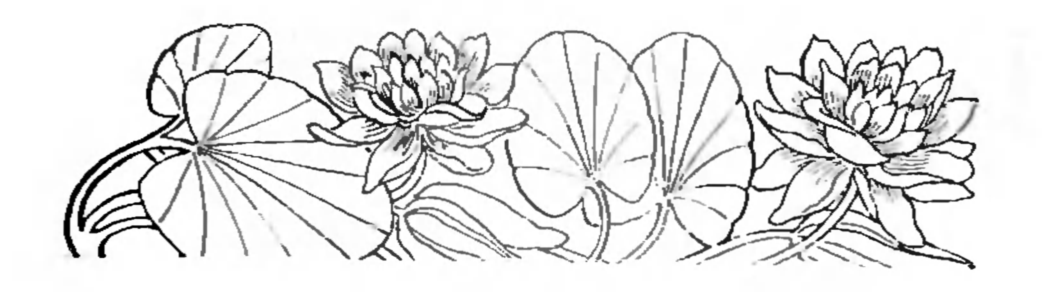
Россiйское Теософическое Общество преслѣдуетъ тѣ же цѣли, что и Всемiрное Теософическое общество, а именно:

1) служенiе идеѣ международнаго братства безъ различiя расы, вѣроисповѣданiя, нацiональности, касы и пола;

2) сравнительное изученiе религiй, философiй и наукъ, и

3) изслѣдованiе необъясненныхъ законовъ природы и психическихъ силъ человѣка.

Уставъ Общества будетъ напечатанъ въ ближайшемъ будущемъ и можетъ быть выписываемъ изъ редакцiи журнала „Вѣстникъ Теософiи“ за одну семикопѣечную марку.

Теософія и основныя ея положенія.

Лекція, читанная въ Соляномъ городкѣ въ мартѣ 1908 г.

Что такое Теософія?

Въ настоящее время очень распространено мнѣніе, что изученіе вопросовъ вѣчныхъ безплодно. Зачѣмъ изучать то, чего, все равно, познать нельзя? Познать же мы можемъ только то, что подлежитъ изслѣдованію нашихъ 5 чувствъ. Такова позиція агностиковъ. Діаметрально противоположное заявленіе дѣлаетъ Теософія. „Сверхчувственное не есть сверхъопытное“—говоритъ она. Кромѣ того, если все растетъ и развивается, то и организмъ нашъ подлежитъ эволюціи. Въ немъ могутъ родиться новые органы воспріятія и развиться новыя способности. Такую возможность не разъ уже отмѣчали многіе представители современной науки. Больше того, они уже констатировали раскрытіе новыхъ способностей въ человѣчествѣ, хотя бы такихъ, какъ ясновидѣніе, яснослышаніе, передача мысли и чувства на разстояніе и многія другія **явленія изъ области телепатіи и телестезіи. Тотъ фактъ, что эти явленія въ большинствѣ случаевъ наблюдаются у субъектовъ истеричныхъ и слабонервныхъ, нисколько не измѣняетъ значенія самого факта. Вполнѣ возможно, какъ недавно авторитетно было сказано съ высоты университетской кафедры, что человѣческій организмъ проходитъ черезъ какой-то важный кризисъ; въ его нервной системѣ совершаются глубокія измѣненія въ сторону утонченія и осложненія ея, и всѣ тѣ болѣзненныя явленія, которыя нынѣ сопровождаютъ дѣятельность новыхъ, загадочныхъ**

органовъ, могутъ быть естественными явленіями перехода, перелома. Когда организмъ приспособится и придетъ въ равновѣсіе, то новыя способности будутъ проявляться при нормальныхъ условіяхъ и безъ сопровожденія какихъ-либо болѣзненныхъ явленій.

Итакъ, первое положеніе Теософіи, въ противоположность заявленію агностиковъ, слѣдующее: *Мы можемъ познать сверхчувственное.* Въ насъ самихъ лежитъ путь къ этому познанію. Изученіе вопросовъ вѣчныхъ полно смысла и значенія.

Теософія (въ переводѣ съ греческаго: Божественная мудрость) и есть наука о вѣчномъ, научно-религіозный синтезъ, составляющій какъ бы философію всѣхъ религіозныхъ ученій и примиряющій религію и науку.

Второе положеніе Теософіи, вытекающее изъ перваго: „Наука и религія враги по недоразумѣнію. Въ нашемъ сознаніи мы ихъ разъединяемъ, потому что наши знанія не достаточны. Когда мы будемъ больше знать, мы поймемъ, что *наука и религія—два полюса одной и той же Вѣчной Истины*".

Какъ достигаетъ Теософія своего научно-религіознаго синтеза.

Наукѣ мы привыкли отводить область, гдѣ царитъ строгій законъ, гдѣ все имѣетъ свою причину и свое значеніе, гдѣ каждое явленіе можетъ быть логически объяснено и разумно доказано. На область религіи мы привыкли смотрѣть какъ на область чувства, гдѣ нѣтъ мѣста разуму и логикѣ, гдѣ все рѣшаетъ одна вѣра. При такой постановкѣ вопроса мыслящему человѣку приходится или отказаться отъ разума и принять все на вѣру, или отказаться отъ религіи и уйти въ науку. Середины нѣтъ. Немудрено, что разладъ между сердцемъ и разумомъ дѣлается съ каждымъ днемъ мучительнѣе въ современномъ обществѣ, что ядовитый скептицизмъ съ одной стороны и грубое суевѣріе съ другой все больше и больше затуманиваютъ истину. Въ этотъ моментъ тяжелыхъ переживаній матеріалистически настроеннаго европейскаго общества явилась Теософія. Она явилась на помощь измученному человѣчеству и напоминаетъ ему старую позабытую истину о единствѣ религіи и науки и о полной возможности все провести черезъ сознаніе. Отъ разума не надо отказываться, чтобы вѣрить; вѣра не требуетъ безсознательной слѣпоты.

Въ мірѣ психическомъ и духовномъ царятъ такіе же незыблемые и точные законы, какъ и въ мірѣ физическомъ, болѣе

того: это тѣ же самые законы, дѣйствующіе въ болѣе тонкой сферѣ.

Офиціальная наука опирается на 3 основныхъ закона: 1) законъ сохраненія энергіи; 2) законъ причинности; 3) законъ эволюціи. Въ мірѣ психическомъ и духовномъ эти законы проявляются какъ *законъ Кармы, законъ Перевоплощенія и законъ Духовной Эволюціи.*

Ничто не пропадаетъ и не исчезаетъ—говоритъ наука—ни одинъ атомъ пыли, ни одна капля воды, ни одна морская песчинка. Все продолжаетъ жить, преображаться и совершенствоваться въ великой экономіи природы. Таковъ *законъ сохраненія энергіи.*

Ничто не пропадаетъ—говоритъ Теософія—ни одно движеніе воли, ни одинъ порывъ чувства, ни одна мечта. Наши желанія и мысли—реальныя сущности, которыя продолжаютъ жить и дѣйствовать, участвуя въ безпрерывномъ творчествѣ вселенной. Таковъ *законъ Кармы.*

Все имѣетъ свою логическую причину и будетъ имѣть свои послѣдствія—говоритъ наука. Извѣстное явленіе было рождено при извѣстныхъ условіяхъ. Измѣните условія и вы измѣните явленіе. Таковъ *законъ причинности.*

Все въ жизни имѣетъ свою разумную причину въ прошломъ и будетъ имѣть свои опредѣленныя послѣдствія въ будущемъ—говоритъ Теософія. Мы живемъ не разъ на землѣ, а много разъ. Каковы были ваши мысли, чувства и дѣла въ прошломъ воплощеніи, таковы условія вашей настоящей жизни. Каковы ваши мысли и желанія въ настоящей жизни, такими будутъ условія вашей будущей жизни на землѣ. Введите въ ваши обычныя думы и чувства рядъ новыхъ мыслей и желаній, и вы измѣните условія будущаго вашего воплощенія. Таковы *законы Кармы и Перевоплощенія.*

Все растетъ, развивается и совершенствуется въ этомъ мірѣ, постоянно измѣняясь и возрождаясь—говоритъ наука.—Таковъ *законъ Эволюціи.*

Все растетъ и совершенствуется—говоритъ Теософія—и этотъ процесъ совершается во всѣхъ мірахъ.

Параллельно съ развитіемъ формы идетъ процессъ раскрытія духа. Путемъ разносторонняго опыта человѣкъ растетъ и развивается, съ каждымъ воплощеніемъ дѣлаясь сложнѣе, многостороннѣе и совершеннѣе, пока не раскроются всѣ скрытыя въ немъ духовныя способности и онъ не достигнетъ совершенства. Таковъ *истинный законъ эволюціи, принятый и дополненный Теософіей.*

Итакъ, Теософія исходитъ изъ тѣхъ же основныхъ законовъ, на которыхъ строитъ свое зданіе и наука: законъ сохраненія энергіи, законъ причинности и законъ эволюціи. На нихъ она обосновываетъ свой научно-религіозный синтезъ.

Этотъ научно-религіозный синтезъ существовалъ уже въ древности; мы его находимъ во всѣхъ великихъ религіозныхъ системахъ. Онъ озарялъ міропониманіе древняго Египта и Халдеи, онъ до сихъ поръ сіяетъ въ Св. Писаніи Индіи, Ведахъ, Упанишадахъ. Свѣтъ его и придавалъ міросозерцанію древнихъ ту величавую гармонію, которая насъ такъ поражаетъ и которая такъ далека отъ нервнаго и тревожнаго склада ума западно-европейскихъ народовъ. Этотъ синтезъ проникалъ всю жизнь древняго міра, личную, семейную и общественную. Законы космическіе руководили какъ изученіемъ отвлеченныхъ наукъ, такъ и укладомъ всего семейнаго и гражданскаго строя. Законы небесной механики лежали въ основѣ человѣческой дѣятельности и прикладывались (въ сферѣ технологіи) къ постройкамъ и земледѣлію, къ всевозможнымъ культурнымъ сооруженіямъ. Вездѣ царствовала наука и собой все проникало глубоко-религіозное настроеніе. Реальное существованіе этого грандіознаго синтеза въ настоящее время твердо установлено, благодаря раскопкамъ въ Вавилонѣ и тѣмъ удивительнымъ археологическимъ изслѣдованіямъ, которыя даютъ намъ возможность воскресить жизнь Востока во всѣхъ ея подробностяхъ. Научно-религіозный синтезъ, озарявшій всю древнюю культуру, былъ утерянъ. Его провозглашаетъ и снова возстановляетъ Теософія, устанавливаетъ на основаніи тѣхъ самыхъ законовъ, на которыхъ построена вся современная наука. Законъ Кармы и ученіе о перевоплощеніи не что иное, какъ реальное осуществленіе въ мірѣ духовномъ закона эволюціи.

Принявъ законъ духовной эволюціи, нельзя не принять и ученія о перевоплощеніи. Какъ возможно было бы всѣмъ достигнуть совершенства при одной краткой жизни и при столь различныхъ условіяхъ? Одни рождаются въ роскоши, другіе въ нищетѣ; одни окружены съ колыбели любовью и самой нѣжной заботой, другіе съ дѣтства видятъ картины пьянства и разврата. Однихъ все толкаетъ на добро, другихъ все какъ-будто обрекаетъ на погибель. Какимъ же образомъ (оставляя въ сторонѣ проблему о Высшей Справедливости) могутъ люди въ одномъ воплощеніи достигнуть совершенства? Ибо намъ ясно сказано: „Будьте совершенны, какъ совершененъ Отецъ вашъ Небесный". Ясно, что нужно много разъ воплотиться для того, чтобы, познавъ законъ

жизни, слиться съ нимъ и сознательно итти къ свѣтлой цѣли. Что такое страданіе? Это дисгармонія, сознательное или безсознательное отклоненіе отъ мірового закона. Какой же это міровой законъ? *Законъ любви, вытекающій изъ единства всего существующаго.* Только тогда, когда человѣкъ познаmъ законъ любви, руководящій эволюціей вселенной, только тогда онъ на вѣрномъ пути. Все, что въ гармоніи съ этимъ закономъ, даетъ счастье; все, что въ разладѣ съ нимъ, приноситъ страданіе. И такъ *страданіе не что иное, какъ путь къ познанію закона.* Несогласіе съ нимъ—зло. Зло и страданія—это диссонансы въ міровой гармоніи, то, что должно быть понято и преодолено, чтобы совершенное добро и совершенная радость могли проявиться, ибо въ сердцѣ вселенной живетъ радость, а не скорбь. Помогать этому раскрытію становится категорическимъ императивомъ для сердца, познавшаго міровой законъ, что сильно и пламенно выражено въ „Голосѣ безмолвія":

„Да внимаетъ душа твоя каждому крику страданія подобно священному лотосу обнажающему сердце свое, чтобы упиться лучами утренняго солнца".

„Не допускай, чтобы палящее солнце осушило хотя единую слезу страданія прежде, чѣмъ ты самъ не сотрешь ее съ очей скорбящаго".

„И да ниспадетъ каждая жгучая слеза человѣческая въ глубину твоего сердца и да пребываетъ она тамъ; не удаляй ее, пока не устранится печаль, ее родившая".

Законъ Кармы часто разсматривается какъ нѣчто фатальное, что заранѣе обрекаетъ человѣка на ту или иную судьбу. Но если разсматривать человѣческую жизнь какъ уравненіе, то ясно станетъ, что стоитъ ввести новую величину въ это уравненіе, чтобы измѣнился и результатъ ея. Мысль, этотъ „вѣчный ткачъ жизни" безконечно видоизмѣняетъ нашу карму. Каковы были ваши чувства и мысли въ прошломъ, таковы вы въ настоящемъ; каковы ваши чувства и мысли теперь, таковыми вы будете. Въ свѣтѣ закона Кармы проблемма о свободной волѣ разрѣшается. Мы связаны, пока не познали закона; мы начинаемъ освобождаться отъ цѣпей Кармы, когда познаемъ его; мы дѣлаемся свободными, когда совершенно слились съ міровымъ закономъ и сознательно участвуемъ въ творчествѣ жизни. „Свободно творите Карму свою"!—говоритъ Учитель Востока. „Познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными"—говоритъ Христосъ.

Всѣ религіи міра ведутъ насъ къ познанію божественнаго закона, лежащаго въ основѣ вселенной. Углубляясь въ религію,

мы находимъ путь къ познанію тѣхъ вѣчныхъ истинъ, которыя должны насъ „сдѣлать свободными".

Теософія утверждаетъ, что всѣ религіи открываютъ намъ этотъ путь. Такимъ образомъ, Теософія объединяетъ не только науку и религію, но и всѣ религіозныя системы міра.

Какимъ же образомъ Теософія достигаетъ этого синтеза? На первый взглядъ религіозныя ученія столь различны, что синтезъ кажется невозможнымъ. Съ другой стороны, если принять гипотезу объ ихъ общемъ происхожденіи, то не придется ли тогда сдѣлать вывода позитивизма, что всѣ они исходятъ изъ первоначальнаго невѣжества и что корень ихъ суевѣріе? Ключъ къ пониманію религій Теософія видитъ въ изученіи ихъ эзотеризма, т. е. сокровенной ихъ части, той, которая раскрывалась только ученикамъ Великихъ Учителей, Основателей религій, тѣмъ, кто былъ готовъ къ принятію болѣе глубокихъ духовныхъ знаній. Вспомнимъ, что Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ: „Вамъ дано знать тайны Царствія Божія, а тѣмъ внѣшнимъ все бываетъ въ притчахъ".

Изучая религіозный эзотеризмъ при помощи того ключа, который намъ даетъ Теософія, мы находимъ *въ основѣ всѣхъ религіозныхъ ученій одни и тѣ же духовныя положенія.*

Эти духовныя истины сводятся къ слѣдующимъ тремъ: 1) Божественное происхожденіе вселенной и человѣка; все отъ камня до человѣка и выше его—все одухотворено. Богъ вездѣ и во всемъ. 2) Въ человѣкѣ пребываетъ скрытый богъ, въ немъ живутъ божественныя способности. 3) Эти божественныя свойства должны раскрыться въ процессѣ міровой эволюціи. Поразительное тожество этихъ ученій во всѣхъ религіозныхъ системахъ, въ какую бы глубь вѣковъ мы ни заглянули, отъ древней Халдеи и Египта до нашихъ временъ, приводитъ насъ къ убѣжденію, что всѣ они происходятъ изъ одного и того же источника—Божественной Мудрости, которая у колыбели народовъ въ разныя времена давалась человѣчеству Духовными Вождями его, тѣмъ Сверхчеловѣчествомъ, которое всегда руководило эволюціей человѣчества. Грубыя толкованія и суевѣрія являлись не на зарѣ новыхъ откровеній, а гораздо позже—тогда, когда первоначальныя чистыя ученія затемнялись человѣческимъ непониманіемъ и пыль вѣковъ садилась на богатыя наслѣдія. Вотъ почему, признавая общее происхождеіе религій, Теософія дѣлаетъ діаметрально-противоположный выводъ тому, что дѣлаетъ критицизмъ. Она говоритъ: „Происхожденіе это божественно". Увидя зажженную свѣчу, ни одинъ человѣкъ не

сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что какая-то разумная сила ее приготовила и зажгла; но мы дошли до такого скептицизма, что видимъ, какъ зажигаются цѣлыя солнечныя системы на небесахъ, а на землѣ являются религіозныя ученія такой божественной красоты, что ни одинъ человѣческій геній не могъ еще ничего создать подобнаго, и все же мы продолжаемъ утверждать: „Эти солнечныя системы явились случайно, эти религіозныя ученія выросли изъ суевѣрія"—другими словами: самое прекрасное и великое, что есть во вселенной, родилось изъ ничего, изъ простого случая. Все въ природѣ, каждый атомъ пыли, вызываетъ въ людяхъ науки желаніе объяснить его происхожденіе и обосновать его,—все, кромѣ Творчества Бога, зажегшаго вселенную! Въ вѣкъ глубочайшаго скептицизма Теософія провозглашаетъ божественное происхожденіе вселенной и человѣка и говоритъ: „Есть путь къ Богопознанію. По тожеству своей природы съ Божественнымъ Источникомъ жизни *человѣкъ можетъ познать Бога*". Объ этомъ Пути говорятъ всѣ религіи міра; о немъ мечтаютъ русскіе мистики; о немъ вдохновенно говоритъ Владиміръ Соловьевъ. На Востокѣ не ищутъ Бога, какъ у насъ, и не доказываютъ Его существованія. Говорятъ: „Найди Бога въ себѣ". Нашедшій Бога въ себѣ не нуждается больше ни въ какихъ доказательствахъ. Человѣкъ называется „божественнымъ градомъ Брамы—Богомъ, обрѣтающимся въ глубинѣ сердца". Въ Египтѣ, въ гимнѣ Амону-Ра, говорится о поклоненіи „каждой Бого-Душѣ, которая спускается отъ Тебя и живетъ въ насъ". „Взгляни въ себя, ты, Будда!"—говоритъ буддизмъ, а въ Евангеліи человѣкъ названъ „жилищемъ, храмомъ Божіимъ", „храмомъ Духа Святаго".

„Развѣ вы не знаете, что вы храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ?"—говоритъ Ап. Павелъ (I посл. къ Кориѳ. Гл. 3, 16).

Но человѣкъ себя не знаетъ. Онъ не знаетъ, что въ немъ живетъ скрытый Богъ, что въ немъ дремлютъ божественныя способности, которымъ суждено раскрыться и развиться до совершенства. Онъ не знаетъ, что міровой эволюціей управляетъ законъ любви, и что только то, что въ согласіи съ міровымъ закономъ, имѣетъ будущее. Отсюда его тоска, его скорбь и всѣ его муки. Постоянно онъ грѣшитъ противъ мірового закона и постоянно отклоненіе это, сознательное или безсознательное, неминуемо ведетъ его къ страданію, которое не что иное, какъ скорбный опытъ, какъ тяжелый урокъ. Въ этомъ свѣтѣ вся жизнь представляется великой школой, а жизни наши—классами въ этой школѣ отъ дѣтскаго сада до университета. Испытанія и горе это экзамены,

которые требуются отъ насъ для перехода изъ класса въ классъ, а вся наука сводится къ одному познанію закона. *Міровому закону, закону любви и учатъ насъ всѣ религіи міра.* Это особенно ярко выступаетъ при изученіи моральной ихъ части. Единство въ области міровой этики поразительно. Всѣ великія религіи учатъ чистотѣ, милосердію и совершенствованію.

„Не причиняя страданія ни одному созданію, ты постепенно разовьешься духовно... Благословляй, когда тебя проклинаютъ...“ говоритъ Кришна.

„Ненависть не побѣждается ненавистью, ненависть побѣждается любовью,—говоритъ Будда.—Тотъ, кто совершененъ, кто терпимъ съ нетерпимыми, тотъ живетъ въ послѣдній разъ, тотъ на пути къ Нирванѣ“...

Во всѣхъ молитвахъ парсовъ повторяются знаменитыя слова Заратустры:

„Чистыя мысли, чистыя слова, чистыя дѣла“.

Въ священныхъ книгахъ Китая (Чингъ-Чангъ-Чинъ и Тао-Те-Чингъ) мы находимъ слѣдующія изреченія: „Съ тѣми, кто добръ со мной, я добръ, и съ тѣми, кто не добръ со мной, я тоже добръ; и такимъ образомъ всѣ станутъ добрыми. Съ тѣми, кто искрененъ со мной, я искрененъ, и съ тѣми, кто неискрененъ, я тоже искрененъ; и такимъ образомъ всѣ станутъ искренними“.

А Христосъ сказалъ: „Любите враговъ вашихъ, благословляйте ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“...

Въ своей интересной книжкѣ „La mission des Juifs“ Saint-Yves приводитъ въ стихахъ отрывокъ изъ поученій Кришна:

L'arbre assailli d'un noir tourbillon de cailloux
Se venge en répondant par une douce pluie
De belles fleurs, de purs parfums, d'excellents fruits.
La coquille des mers, quand le plongeur la tue.
Lui répond en mettant des perles dans sa main.
Le rocher que le pic du mineur frappe et brise
L'enrichit de rubis et l'orne de saphirs;
Le mineral. que fond le feu de la coupelle,
Pleure, et des gouttes d'or restent quand il n'est plus.
L'homme seul, o Seigneur. mais o douce Sagesse,
Celui qui t'aime a beau se sentir détesté:
En vain la haine attaque et déchire sa vie;
Jusque dans le supplice il ne cesse d'aimer;
Il bénit jusqu'au bras sanglant qui le torture,
Et meurt d'amour. pareil à l'arbre de sandal
Qui parfume en tombant le fer de la cognee.

Это ученіе милосердія и любви мы встрѣчаемъ всюду, во всѣхъ религіяхъ міра. Такимъ образомъ, Теософія, провозглашая свой религіозный синтезъ, опирается на реальные факты.

Мы должны познать законъ, чтобы быть въ гармоніи съ нимъ. Но, чтобы познать его, мы должны прежде всего себя познать. Наука самопознанія—самая трудная изъ всѣхъ наукъ. На вратахъ древнихъ философскихъ школъ стояла надпись: „Познай самого себя". Наука начинаетъ догадываться о сложности человѣческой сущности, и въ новой психологіи все чаще и чаще мы встрѣчаемъ ученіе о множественности „я" въ человѣкѣ и о необходимости привести всѣ эти состоянія сознанія къ единству. Теософія, которая черпаетъ свои знанія изъ богатой сокровищницы Восточной психологіи, указываетъ, что въ человѣкѣ постепенно раскрываются новыя начала. Чувственное, страстное и интеллектуальное начала уже раскрылись; должно раскрыться новое, духовное начало, которое поможетъ человѣку стать на слѣдующую, высшую ступень эволюціи. Духовное начало открывается тогда, когда, по выраженію ап. Павла, въ душѣ человѣка „рождается Христосъ". Это тотъ моментъ, когда человѣкъ сознательно и безповоротно сливается съ міровымъ закономъ любви, съ закономъ жертвы, двигающимъ мірами. Каждому началу соотвѣтствуетъ особое тѣло, особая оболочка, которая имѣетъ свои законы развитія и которая вибрируетъ по своему, излучая особую атмосферу, такъ-называемую „ауру", уловимую на бумагѣ чувствительными фотографическими пластинками. Наука установила постоянный обмѣнъ физическихъ частицъ между людьми, но люди обмѣниваются не только здоровыми или зараженными частицами своего физическаго тѣла, но и своимъ чистымъ или нечистымъ магнетизмомъ, своими дурными или хорошими мыслями, своими благородными или низкими желаніями, исцѣляя или заражая тѣхъ, кто приходитъ съ ними въ соприкосновеніе. Отсюда наша отвѣтственность не только за наши поступки, но и за наши мысли и чувства, за всѣ тѣ вибраціи, которыя мы непрерывно посылаемъ въ міръ. Мы всѣ такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, что всякое переживаніе одного отражается на всѣхъ. Наша солидарность, наше братство не есть утопія или отдаленная мечта; это фактъ природы, съ которымъ мы не можемъ не считаться. Отсюда духовная культура, какъ долгъ не менѣе элементарный, чѣмъ долгъ физической чистоплотности. Слишкомъ часто работу самосовершенствованія ставятъ въ противоположность съ работой общественной, забывая, что общественныя формы не болѣе какъ кри-

сталлизація той работы, которую человѣкъ производитъ внутри себя. Только то, что вынесено и выстрадано въ глубинахъ человѣческаго духа имѣетъ цѣнность и будущее. Какъ переполненный сосудъ неудержимо изливается и влага его льется черезъ край, такъ и человѣкъ, въ которомъ происходитъ глубокая духовная работа, изливаетъ свой свѣтъ и свою силу на окружающихъ и выросшія въ немъ духовныя потребности неудержимо его влекутъ къ преображенію всей жизни, личной, общественной и міровой, влекутъ его къ сознательному участію въ творчествѣ вселенной.

Человѣкъ, который сознаетъ необходимость духовной культуры, оставляетъ навсегда широкую спиральную дорогу стихійной эволюціи, по которой идетъ большинство человѣчества, и сознательно вступаетъ на ту крутую горную дорогу, которая прямо ведетъ къ вершинѣ. Объ этой тропѣ говорится во всѣхъ религіяхъ міра. О ней сказано въ Евангеліи, что „тѣсны врата, узокъ путь, ведущій въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ". Въ Св. Писаніяхъ Востока этотъ путь названъ „опаснымъ путемъ, узкимъ и острымъ какъ лезвіе ножа". Въ религіозномъ эзотеризмѣ всего міра путь духовный символизированъ крестомъ. „Кто хочетъ слѣдовать за Мной, пусть возьметъ крестъ Мой и идетъ за Мной", говоритъ Христосъ. „Черезъ всѣ дѣянія ученика долженъ сіять свѣтъ креста", говоритъ Учитель Востока, а въ другомъ мѣстѣ мы находимъ слова: „Когда ученикъ вступаетъ на путь, онъ возлагаетъ сердце свое на крестъ. Когда сердце и крестъ сольются, путь пройденъ и цѣль достигнута".

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ Теософіи:

1) Религія и наука – два полюса одной и той же вѣчной Истины.

2) Законы міра физическаго и міра духовнаго находятъ свое примиреніе въ ученіи объ эволюціи.

3) Эти законы раскрываются намъ въ эзотеризмѣ всѣхъ религіозныхъ системъ міра.

4) Опытъ и страданіе многихъ жизней ведутъ къ познанію мірового закона, закона любви.

5) Зло—ничто иное, какъ диссонансъ, нарушеніе мірового закона.

6) Чтобы познать божественный законъ, надо познать себя. Нашъ организмъ не есть нѣчто завершившееся и законченное, а находится въ процессѣ развитія и совершенствованія. Въ немъ зарождаются новые органы воспріятія, новые проводники сознанія.

7) Путь къ познанію есть путь Богочеловѣческій, тотъ путь о которомъ намъ говорятъ всѣ великія религіи міра.

Эти положенія, примиряя нашъ разумъ и сердце, приводятъ нашъ внутренній міръ въ гармонію.

Итакъ, Теософія даетъ *новое міропонимамie*, въ которомъ нѣтъ мѣста эгоизму или обособленности. Сердце и разумъ находятъ примиреніе и все въ мірѣ получаетъ новое значеніе и новый смыслъ. Въ свѣтѣ Теософіи каждое явленіе принадлежитъ извѣстной ступени, что, естественно, вызываетъ терпимость и братское отношеніе къ людямъ иного міровоззрѣнія. Является бодрое, свѣтлое отношеніе къ жизни, въ высшей степени активное. Въ свѣтѣ многихъ жизней страданіе и смерть теряютъ свое жало, а пессимизмъ—свою лучшую опору. Это настроеніе хорошо выражено у поэта Rickert'a:

«Wer den Ton gefunden
«Der im Grund gebunden
«Hält den Weltgesang,
«Der hört im grossem Ganzen
«Keine Dissonansen,
«Lauter Ubergang...» *).

Познаніе духовныхъ законовъ ведетъ къ стремленію преобразить жизнь и порождаетъ интенсивный трудъ на пользу всѣхъ. *Познавъ Бога въ себѣ, человѣкъ стремится сознательно участвовать въ творчествѣ жизни.* Не во имя личнаго спасенія, а во имя всѣхъ, онъ работаетъ надъ собой и совершаетъ подвигъ любви. Настроеніе теософической работы прекрасно выражено въ рѣчи Анни Безантъ, въ которой она призываетъ къ духовному возрожденію Эта рѣчь кончается такими словами:

„Боритесь, чтобы быть сильными, не для того, чтобы *вамъ* быть сильными, а для того, чтобы весь міръ сдѣлался сильнѣе.

„Боритесь, чтобы быть чистыми, не для того, чтобы *вамъ* быть чистыми, а для того, чтобы весь міръ приблизился къ небесной чистотѣ.

„Боритесь, чтобы быть мудрыми, не для того, чтобы *вамъ* быть мудрыми, но для того, чтобы весь міръ сдѣлался немного мудрѣе.

„И по мѣрѣ того, какъ вы будете бороться и подниматься, съ вами будетъ подниматься и міръ".

Alba.

---

*) Кто нашелъ основной тонъ міровой пѣсни, тотъ въ великомъ цѣломъ не слышитъ диссонансовъ, а только переходъ...

Древняя мудрость.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава VI.

Духовныя сферы (Будди и Нирвана).

Мы видѣли, что человѣкъ есть разумная самосознающая сущность, Мыслитель, облеченный въ тѣла, принадлежащія низшей ментальной, астральной и физической сферамъ. Теперь мы подходимъ къ изученію Духа, который является его сокровеннымъ Я, источникомъ, откуда онъ произошелъ.

Этотъ Божественный Духъ—лучъ, исходящій изъ Логоса, раздѣляя Его Сущность, обладаетъ троичной природой самого Логоса, и эволюція человѣка, какъ такового, состоитъ въ постепенномъ проявлеиіи всѣхъ трехъ божественныхъ аспэктовъ въ ихъ развитіи изъ скрытаго состоянія въ состояніе активное. Путемъ этого проявленія человѣкъ повторяетъ въ маломъ видѣ эволюцію вселенной; отсюда и произошло наименованіе его микрокосмомъ, въ противоположность макрокосму, вселенной: онъ являетъ собой какъ бы зеркало вселенной, отраженіе или подобіе Бога **), и отсюда же происходитъ древнее оккультное изреченіе: „какъ вверху, такъ и внизу". Именно это заключенное въ человѣкѣ божественное начало и является ручательствомъ конечнаго торжества человѣка; оно и служитъ скрытой двигательной силой, которая дѣлаетъ эволюцію одновременно и возможной и неизбѣж-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи" 1908 г., № 9, стр. 15.

**) „Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію Нашему". Бытіе гл. 1-я ст. 26.

ной, той поднимающей человѣка энергіей, которая медленно преодолѣваетъ всѣ трудности и всѣ преграды.

Эта скрытая въ человѣкѣ божественная Сущность, его высшее безсмертное Я, носитъ наименованіе Монады*), и намъ необходимо помнить, что Монада есть изліяніе жизни самого Логоса, содержащей въ зародышѣ или въ скрытомъ состояніи, всѣ божественныя силы и свойства. Эти силы приводятся къ проявленію благодаря толчкамъ, возникающимъ отъ соприкосновенія съ объектами вселенной, куда спускается Монада; тренія, происходящія благодаря этимъ толчкамъ, вызываютъ отвѣтныя вибраціи въ жизненномъ началѣ, подвергаемомъ возбужденію, и, одна за другою жизненныя энергіи переходятъ изъ скрытаго состоянія въ дѣятельное. Человѣческая Монада обладаетъ, какъ уже сказано, тремя божественными аспэктами, будучи совершеннымъ подобіемъ Бога, и въ теченіе человѣческаго цикла всѣ три ея аспэкта развиваются одинъ за другимъ.

Аспэкты эти представляютъ собою три атрибута Божественной Жизни, проявленной во вселенной: бытіе, блаженство и разумъ, три Логоса, каждый въ отдѣльности выражающій ихъ со всѣмъ совершенствомъ, возможнымъ въ предѣлахъ проявленія. Въ человѣкѣ эти аспекты развиваются въ обратномъ порядкѣ: разумъ, блаженство, бытіе; послѣднее въ смыслѣ проявленія божественныхъ силъ. Въ эволюціи человѣка мы наблюдали до сихъ поръ развитіе третьяго аспэкта скрытой божественности—развитіе сознанія или разума. Manas, Мыслитель, человѣческая душа, есть подобіе Мірового Разума, Третьяго Логоса, и все его долгое странствіе въ трехъ низшихъ космическихъ сферахъ посвящено развитію этого третьяго аспэкта, разумной стороны божественной природы человѣка. Пока происходитъ этотъ процессъ, можно сказать, что двѣ другія божественныя энергіи остаются пассивными, онѣ еще не проявлены въ человѣкѣ. Тѣмъ не менѣе, подготовленіе для проявленія этихъ силъ уже происходитъ; онѣ пробуждаются изъ той непроявленной жизни, которую мы называемъ „скрытымъ состояніемъ", посредствомъ все усиливающейся энергіи вибрацій разума, и второй аспэктъ начинаетъ высылать свои первыя вибраціи, еле замѣтную дрожь жизни. Этотъ второй аспэктъ

*) Она называется Монадой, подразумѣвается ли при этомъ Монада духа-матеріи, *Atmâ*; или Монада формы *Atmâ-Buddhi*; или же человѣческая Монада *Atmâ-Buddi-Manas*. Въ каждомъ случаѣ она представляетъ изъ себя единицу и дѣйствуетъ, какъ единица, проявляется ли она въ одномъ, въ двухъ, или въ трехъ аспэктахъ.

человѣческаго духа называется въ теософической терминологіи „Buddhi“, имя произведенное отъ санскритскаго названія *мудрости*, и онъ соотвѣтствуетъ четвертой или *духовной* сферѣ нашей вселенной, сферѣ, въ которой все еще продолжается двойственность, но въ которой уже нѣтъ разъединенія. Слова не могутъ передать этой идеи, ибо слова принадлежатъ нашимъ сферамъ бытія, гдѣ двойственность и разъединеніе существуютъ одновременно, хотя нѣкоторыя попытки дать приблизительное представленіе о томъ, все еще возможны. Это состояніе, въ которомъ каждый остается самимъ собою, съ ясностью и яркой интенсивностью, которая не доступна въ низшихъ мірахъ, и въ то же время каждый чувствуетъ, что всѣ остальные заключены въ немъ, нераздѣльно и нераздѣлимо *). Ближайшей аналогіей этого состоянія на землѣ является отношеніе между двумя личностями, соединенными сильной и горячей любовью, которая заставляетъ ихъ чувствовать, думать, дѣйствовать и жить какъ одинъ человѣкъ, не признавая ни преградъ, ни различій, ни „моего“, ни „твоего“, и не допуская разлуки **). Слабый отголосокъ изъ этой сферы, достигающій до земли, и заставляетъ людей искать счастья въ соединеніи съ объектомъ своего желанія, каковъ бы ни былъ этотъ объектъ. Полнота одиночества есть въ то же время и полнота страданія; быть обнаженнымъ до полной наготы отъ всего, какъ бы висѣть въ пустомъ пространствѣ въ полнѣйшемъ одиночествѣ, не соприкасаясь ни съ чѣмъ, кромѣ своей одинокой индивидуальности, быть замкнутымъ отъ всего остального въ свое отдѣльное Я—воображеніе не можетъ представить себѣ болѣе леденящаго ужаса. Антитезой этого состоянія является единеніе, совершенное же единеніе есть и совершенное блаженство.

Когда этотъ второй аспэктъ человѣческаго Я начиниаетъ высылать наружу свои вибраціи, эти вибраціи притягиваютъ къ себѣ, такъ же какъ и въ низшихъ мірахъ, частицы матеріи своей сферы и такимъ образомъ постепенно возникаетъ духовное (buddhi)

*) Читатель долженъ бы вернуться къ введенію и перечитать описаніе этого состоянія, данное Плотиномъ, которое начинается такъ: „Они также видятъ во всѣхъ вещахъ“ и замѣтить два выраженія: „Каждая вещь подобнымъ же образомъ являетъ собою все“ и „Тѣмъ не менѣе въ каждой преобладаетъ иная особенность, и въ то же время всѣ вещи видимы въ каждой“.

**) Это объясняетъ, почему блаженство божественной любви во многихъ св. писаніяхъ изображается въ видѣ глубокой любви между супругомъ и супругой, какъ въ *Bhagavad Purâna* Индусовъ и въ *Пѣсни Пѣсней* Соломона Евреевъ и Христіанъ. Также изображается оно и у мистиковъ Суфи и вообще у всѣхъ мистиковъ.

тѣло или тѣло „блаженства“, какъ оно иногда удачно называется *). Единственнымъ способомъ для человѣка содѣйствовать построенію этого высшаго своего тѣла является неустанное упражненіе въ чистой, самоотверженной, всеобъемлющей, полной милосердія любви,—любви, которая „не ищетъ своего“, слѣдовательно, и не можетъ добиваться возврата за свои дары. Это добровольное изліяніе безкорыстной любви есть наиболѣе опредѣленное изъ божественныхъ признаковъ той любви, которая все отдаетъ и ничего не ищетъ взамѣнъ. Чистая любовь вызвала вселенную къ бытію, чистая любовь поддерживаетъ ее и она же ведетъ ее къ совершенству и къ полнотѣ блаженства. И всегда, когда человѣкъ изливаетъ любовь на тѣхъ, кто нуждается въ ней, не дѣлая никакого различія и не ища ничего взамѣнъ, изъ чистой непосредственной радости отдавать себя, онъ развиваетъ внутри себя второй аспэктъ божественности и строитъ то тѣло неизрѣченной радости и красоты, въ которомъ Мыслитель возстанетъ, сбрасывая съ себя всѣ ограниченія, чтобы найти себя какъ безсмертную индивидуальность и въ то же время какъ единое со всѣмъ, что живетъ и дышитъ. Это и есть тотъ „домъ, построенный не руками, вѣчный въ небесахъ“, о которомъ писалъ св. Павелъ, великій христіанскій Посвященный; и онъ ставилъ милосердіе и чистую любовь выше всѣхъ другихъ качествъ, потому что лишь они могутъ содѣйствовать къ постройкѣ этого славнаго жилища. По той же причинѣ разобщеніе называется „великой ересью“ у Буддистовъ, и „единеніе“ есть высшая цѣль Индуса; освобожденіе, въ его представленіи, есть не что иное, какъ уничтоженіе тѣхъ ограниченій, которыя держатъ насъ врозь, а эгоизмъ корень зла, разрушеніе котораго ведетъ къ уничтоженію страданій.

Пятая сфера — нирваническая — соотвѣтствуетъ высшему аспэкту Бога, внутри насъ, и этотъ аспэктъ называется въ Теософіи *Atmâ* или высшее Я. Это—сфера чистаго бытія и божественныхъ силъ въ ихъ наиболѣе полномъ проявленіи въ нашей пятиричной вселенной, ибо все, что превышаетъ ее, что находится въ шестой и седьмой сферахъ, то скрыто въ недоступномъ для насъ Божественномъ Свѣтѣ; сознаніе „атмическое“ или „нирваническое“, принадлежащее жизнедѣятельности пятой сферы, есть сознаніе, которымъ владѣютъ лишь немногіе опередившіе все человѣчество

*) Anandamayakoska или „тѣло блаженства“ послѣдователей Веданты. Также называется и тѣло солнца, о которомъ упоминается въ Упанишадахъ и въ другихъ мѣстахъ.

и уже закончившіе циклъ человѣческой эволюціи, которыхъ мы называемъ Учителями *). Они разрѣшили въ себѣ проблему соединенія самой сути индивидуальности съ нераздѣльностью отъ другихъ, и они живутъ, совершенные въ мудрости, въ блаженствѣ и въ силѣ.

Когда человѣческая Монада отдѣляется отъ Логоса, это можно бы сравнить съ тонкой нитью свѣта, отдѣляющейся отъ свѣтового океана Атмы посредствомъ невообразимо тонкой оболочки изъ буддической субстанціи, и нить эта заканчивается искрой, которая заключается въ овоидную оболочку изъ матеріи высшихъ отдѣловъ (*Агира*, безъ формы) ментальной сферы. „Искра спускается изъ пламени посредствомъ тончайшей нити Fohat'a“ **). По мѣрѣ того, какъ эволюція подвигается, эта сіяющая овоидная оболочка растетъ и пріобрѣтаетъ опаловый оттѣнокъ, а тонкая нить расширяется все въ большій и большій проводникъ, черезъ который изливается все болѣе атмической жизни. Подъ конецъ они сливаются—третье со вторымъ, и оба сливаются съ первымъ, какъ пламя сливается съ пламенемъ, нарушая всякое разобщеніе.

Эволюція въ условіяхъ четвертой и пятой сферъ принадлежитъ будущему нашей расы, но тѣ, которые избираютъ трудный путь ускореннаго движенія, могутъ пріобщиться къ ней и теперь, о чемъ будетъ сказано далѣе ***). На этомъ пути духовное тѣло (буддическое) развивается быстро, и человѣкъ начинаетъ раздѣлять сознаніе этой высокой области и познавать блаженство, которое происходитъ отъ отсутствія раздѣляющихъ препонъ, и мудрость, свободно вливающуюся, когда предѣлы сознанія уничтожены. И тогда человѣкъ освобождается отъ колеса, къ которому душа привязана въ низшихъ мірахъ, и здѣсь онъ впервые предвкушаетъ свободу, совершенство которой ожидаетъ его въ состояніи Нирваны.

Нирваническое сознаніе представляетъ собою антитезу уничтоженію; это—бытіе повышенное до такой высокой степени жизненности и интенсивности, которая невообразима для тѣхъ, кто знаетъ одну лишь жизнь чувствъ и земного разума. Какъ еле тлѣющій

*) Извѣстны также подъ именемъ *Махатмъ* и *Jivanmuktas*; это—освобожденныя души, остающіяся связанными съ физическими тѣлами для воздѣйствія на прогрессъ человѣчества. Многія другія Великія Существа пребываютъ также въ сферѣ Нирваны.

**) Книга Dzyan. Stanza VII, 5. Secret Doctrine, v. I.

***) См. главу XI „Восхожденіе Человѣка“.

ночникъ по сравненію съ сіяніемъ полуденнаго солнца, такъ же темно и наше прикованное къ землѣ сознаніе по сравненію съ сознаніемъ Нирваны, и смотрѣть на него какъ на уничтоженіе только потому, что границы земного сознанія исчезли, похоже на то, какъ если бы человѣкъ, не видавшій ничего кромѣ ночника, сталъ утверждать, что свѣтъ не можетъ существовать безъ свѣтильни, погруженной въ масло. Что Нирвана *существуетъ*, о томъ свидѣтельствуютъ въ священныхъ писаніяхъ Тѣ, которые переживали ея славу, и о томъ же свидѣтельствуютъ и въ настоящее время тѣ представители нашей расы, которые уже поднялись на высшую ступень совершеннаго человѣчества и понынѣ сохраняютъ связь съ землей лишь для того, чтобы помочь восходящей расѣ подниматься по тѣмъ же ступенямъ безъ колебанія.

Въ Нирванѣ пребываютъ Великія Сущности, которыя закончили свою собственную человѣческую эволюцію въ исчезнувшихъ мірахъ и которыя выступали вмѣстѣ съ Логосомъ, захотѣвшимъ проявить Себя въ новой вселенной. Онѣ являются совершенными исполнителями Его воли. И всѣ представители различныхъ областей вселенной, о дѣятельности которыхъ въ различныхъ сферахъ было упомянуто, имѣютъ здѣсь свою обитель, ибо Нирвана представляетъ собою сердце вселенной, откуда истекаютъ всѣ его жизненные токи. Отсюда исходитъ Великое Дыханіе, жизненное начало всего, и сюда же оно возвращается, когда проявленная вселенная достигаетъ своего предѣла. Тамъ можно зрѣть Блаженство, къ которому стремятся мистики, тамъ пребываетъ Слава безъ покрова, Высочайшая Цѣль бытія.

Братство всего живого имѣетъ свою незыблемую основу въ области духа (сферы Атмы и Будди), ибо лишь здѣсь существуетъ единство, лишь здѣсь можно найти совершенное согласіе. Интеллектъ есть начало разъединяющее въ человѣкѣ, оно различаетъ „я“ отъ „не я“, оно сознаетъ только одного себя, а все остальное мыслитъ какъ внѣшнее и чуждое для себя. Это начало борящееся, враждующее, самоутверждающее, и съ точки зрѣнія интеллекта весь міръ является ареной всевозможныхъ столкновеній, ожесточающихся въ той мѣрѣ, въ какой интеллектъ участвуетъ въ нихъ. Даже и страстное начало въ человѣкѣ наклонно къ враждебности лишь тогда, когда его волнуютъ желанія и когда что-либо становится между нимъ и предметомъ его желанія; но оно становится все болѣе и болѣе враждебно-наступательнымъ по мѣрѣ того, какъ умъ подталкиваетъ его къ дѣятельности, ибо тогда оно начинаетъ изыскивать средства для удовлетворенія не только на-

стоящихъ, но и будущихъ желаній, и стремится присвоить себѣ какъ можно больше изъ запасовъ природы. Въ человѣкѣ лишь его интеллектъ по природѣ своей наклоненъ къ враждѣ, ибо онъ утверждаетъ себя какъ величину отдѣльную отъ всѣхъ остальныхъ, и именно въ немъ заключается корень разъединенія, вѣчно возобновляющійся источникъ отчужденія человѣка отъ человѣка.

Но какъ только человѣкъ вступаетъ въ сферу Будди, онъ немедленно начинаетъ чувствовать единство, подобно тому, какъ отдѣльные лучи солнца, расходящіеся въ разныя стороны, возвращаясь назадъ въ солнце, изъ котораго изошли, сливаются вновь воедино. Существо, находящееся на солнцѣ, проникнутое его свѣтомъ и само изливающее этотъ свѣтъ, не могло бы чувствовать различія между однимъ лучемъ и другимъ и совершенно одинаково посылало бы свѣтовые токи по всѣмъ направленіямъ; тоже и съ человѣкомъ, который сознательно достигъ сферы Будди: онъ *чувствуетъ* Братство, о которомъ другіе лишь говорятъ какъ объ идеалѣ, и онъ изливаетъ свою силу въ пользу каждаго, кто нуждается въ его помощи; онъ видитъ во всѣхъ существахъ какъ бы себя самого, и все, что онъ имѣетъ, считаетъ принадлежащимъ столько же имъ, сколько и себѣ, болѣе того—скорѣе имъ, потому что нуждаются они больше, а силъ у нихъ меньше, чѣмъ у него. Такъ старшіе братья въ дружной семьѣ берутъ на себя бремя семьи, охраняя младшихъ братьевъ отъ горя и нужды; для духа братства слабость есть право на помощь и на любовное покровительство, а не поводъ для угнетенія. Всѣ великіе основатели религій дѣйствовали изъ этой сферы единства и отличались всегда великимъ состраданіемъ и нѣжностью, отзываясь на всѣ внѣшнія и внутреннія нужды людей. Сознаніе этого внутренняго единства, признаніе единаго я, пребывающаго во всемъ, есть единственное незыблемое основаніе Братства; все остальное измѣнчиво.

Сознаніе это сопровождается увѣренностью, что ступень эволюціи, достигнутая различными живыми существами, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что можно бы назвать ихъ возрастомъ. Одни начали свое странствіе гораздо позднѣе, чѣмъ другіе, и хотя основныя свойства у всѣхъ равны, нѣкоторые развернули гораздо большее количество изъ этихъ свойствъ потому, что въ ихъ распоряженіи было болѣе времени, чѣмъ у младшихъ братьевъ Такъ же не мудро было бы осуждать зерно, что оно еще не превратилось въ цвѣтокъ, или младенца, что онъ не проявляетъ свойствъ взрослаго человѣка, какъ осуждать молодыя души,

окружающія насъ, что онѣ еще не развились до степени, которая уже достигнута нами. Вѣдь мы не осуждаемъ себя за то, что не достигли еще до божественнаго совершенства, а между тѣмъ современемъ и мы будемъ стоять тамъ, гдѣ стоятъ наши старшіе братья. Какое же право имѣемъ мы осуждать тѣхъ, кто моложе насъ? Самое слово *Братство* заключаетъ идею одинаковой крови и неодинаковаго развитія; поэтому-то оно и представляетъ истинное звено между всѣми созданіями вселенной—единство сущности жизни и различіе въ ступеняхъ, достигнутыхъ проявленіями этой жизни.

Мы всѣ едины по нашему происхожденію, едины по способу нашей эволюціи и едины по общей цѣли нашего бытія, а различіе въ нашихъ возрастахъ и въ достигнутомъ размѣрѣ должно лишь вызывать въ насъ взаимную тѣсную и нѣжную связь. Все, что человѣкъ могъ бы сдѣлать для своихъ братьевъ по плоти, которые иногда бываютъ для него дороже самого себя, является истинной мѣрой того, что онъ долженъ дѣлать для каждаго, кто раздѣляетъ съ нимъ единую жизнь. Люди бываютъ исключены изъ сердца своихъ братьевъ вслѣдствіе различія расы, класса и происхожденія; человѣкъ, мудрый любовью, поднимается надъ всѣми этими наружными различіями и сознаетъ, что жизнь всѣхъ исходитъ изъ одного и того же источника, что всѣ люди—члены одной великой семьи.

Признаніе всеобщаго Братства и стремленіе осуществить его въ земной жизни является такимъ сильнымъ двигателемъ для развитія высшей природы человѣка, что это признаніе сдѣлано единственнымъ обязательнымъ условіемъ для вступленія въ Теософическое Общество, единственнымъ „предметомъ вѣры“, который всѣми вступающими въ Общество долженъ быть принятъ безусловно. Осуществленіе этой вѣры въ жизни, хотя бы и въ незначительной степени, уже вызываетъ очищеніе сердца и расширеніе духовнаго кругозора; совершенное же ея осуществленіе вырываетъ съ корнемъ всѣ темные слѣды разъединенія и позволяетъ чистому свѣту единаго Я озарять насъ подобно свѣту, проходящему черезъ прозрачное стекло. Никогда не слѣдуетъ забывать, что Братство *существуетъ* какъ фактъ, все равно отрицаетъ ли его человѣкъ, или признаетъ. Человѣческое невѣдѣніе не мѣняетъ законовъ природы и не можетъ измѣнить ни на одну іоту ея неизмѣннаго и непреодолимаго движенія. Законы ея уничтожаютъ все, что противится имъ, и разбиваютъ вдребезги нежелающаго согласоваться съ ними. Поэтому ни одинъ народъ не имѣетъ

прочнаго будущаго, который допускаетъ поруганіе Братства, ни одна цивилизація, построенная на его противоположномъ началѣ, не можетъ продолжаться. Намъ нечего создавать Братство, оно уже существуетъ. Намъ нужно только привести наши жизни въ согласіе съ нимъ, если мы хотимъ, чтобы дѣла наши не погибли.

Можетъ показаться страннымъ, что духовная сфера (Буддическій планъ) — нѣчто совершенно не реальное и туманное для многихъ—вліяетъ въ такой степени на всѣ остальные міры, и что силы ея могутъ даже разбивать вдребезги все, что съ ними не гармонируетъ въ низшихъ мірахъ. А между тѣмъ это такъ, ибо этотъ міръ есть выраженіе духовныхъ силъ, и онѣ-то и являются тѣми руководящими и формирующими энергіями, которыя все проникаютъ и медленно, но вѣрно подчиняютъ себѣ все сущее. Поэтому-то Братство, какъ духовное явленіе, несравненно болѣе реальная вещь, чѣмъ всякая внѣшняя организація; оно — жизнь, а не форма, оно — „мудрый и добрый порядокъ всѣхъ вещей". Оно можетъ проявляться подъ безконечнымъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ, соотвѣтствующихъ данному времени, но *жизнь*, ихъ одушевляющая, остается все та же, и счастливы тѣ, которые различаютъ ея присутствіе и которые дѣлаютъ себя проводниками ея живой силы.

Читатель имѣетъ теперь передъ собою составныя части человѣка и тѣ области, которымъ эти составныя части соотвѣтствуютъ; краткое повтореніе всего изложеннаго поможетъ ему получить ясную идею обо всемъ сложномъ цѣломъ.

Человѣческая Монада и есть *Atmâ-Buddhi-Manas* или, выражаясь иначе, Духъ, Духовная Душа и Душа человѣческая. Тотъ фактъ, что всѣ три являются лишь аспэктами Божественнаго Я, дѣлаетъ возможнымъ вѣчное существованіе человѣка, и хотя всѣ три аспэкта проявляются врозь и послѣдовательно, ихъ единство по существу дѣлаетъ возможнымъ, чтобы человѣческая душа сливалась съ Духовной Душой, отдавая послѣдней драгоцѣнную сущность своей индивидуальности, а послѣдняя, ставъ индивидуальной, сливалась съ Духомъ, причемъ она окрашиваетъ послѣдній—если такое выраженіе допустимо—тѣми оттѣнками, которые присущи ея индивидуальности, оставляя при этомъ неприкосновеннымъ свое существенное единство со всѣми другими лучами Логоса и съ Самимъ Логосомъ. Эти три аспэкта образуютъ седьмое, шестое и пятое начала человѣка, а субстанція, которая ограничиваетъ или облекаетъ ихъ, т. е. которая дѣлаетъ ихъ проявленіе возможнымъ, принадлежитъ соотвѣтственной пятой (нирванической),

четвертой (буддической) и третьей (ментальной) сферамъ нашей солнечной системы. Пятое начало (Manas) образуетъ для себя тѣло въ ментальной сферѣ, дабы войти въ соприкосновенiе съ мiромъ физическихъ явленiй; при этомъ оно перемѣшивается съ четвертымъ началомъ, съ природой желанiя, или *Kâma*, которая принадлежитъ второй или астральной сферѣ. Спускаясь въ первую или физическую сферу, мы имѣемъ третье, второе и первое начала человѣка: его особую жизнь или *Prâna;* эфирный двойникъ, проводникъ Prân'ы и плотное тѣло, соприкасающееся съ наиболѣе грубыми веществами физическаго мiра. Мы уже видѣли, что иногда Prâna не разсматривается какъ отдѣльное „начало" и тогда перемѣшавшiяся между собою астральное и Ментальное тѣла называются вмѣстѣ *Kâma-Manas*; чистый разумъ получаетъ названiе *высшаго Manas*, а умственное начало, отдѣленное отъ астральнаго, именуется низшимъ *Manas*. И тогда наиболѣе вѣрнымъ понятiемъ о человѣкѣ будетъ то, которое яснѣе всего передаетъ идею объ единой неизмѣнной жизни, проявляющейся черезъ различныя формы, которыя ставятъ извѣстныя границы, извѣстныя условiя для выраженiя ея энергiи, чѣмъ и вызывается все разнообразiе проявленной жизни. И тогда мы увидимъ въ единомъ Я единую Жизнь, источникъ всѣхъ энергiй человѣка, разнообразiе же формъ мы будемъ имѣть въ буддическомъ тѣлѣ, въ тѣлѣ „причинности", въ ментальномъ, астральномъ и физическомъ (эфирное и плотное) тѣлахъ *). Соединяя обѣ точки зрѣнiя въ одно, мы можемъ построить такую таблицу:

Начала:	Жизнь:	Формы:
Atmâ. Духъ.	. . . . Atmâ.	—
Buddhi. Духовная Душа.		Тѣло блаженства.
Высшiй Manas.	Человѣческая Душа. . .	Тѣло причинности (corps causal).
Низшiй Manas.		Ментальное тѣло.
Kâma. Животная душа		Астральное тѣло.
Linga Sharîra **)		Эфирный двойникъ.
Sthrûla Sharîra.		Физическое тѣло.

*) Для читателей, привыкшихъ болѣе къ Ведантской классификацiи, даемъ другую таблицу:

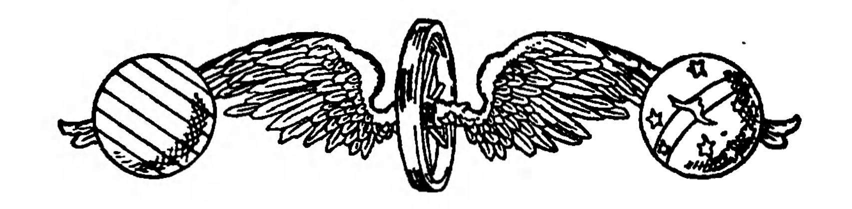
Буддическое тѣло		Anandamayakosha.
Тѣло причинности (corps causal)		Vignyânamayakosha.
Ментальное тѣло / Астральное тѣло		Manomayakosha.
Физическое тѣло	эфирное	Prânamayakosha.
	плотное	Annamayakosha.

**) Linga Sharîra, имя, которое вначалѣ давалось эфирному тѣлу, и оно не должно быть смѣшиваемо съ Linga Sharîra индусской философiи. Sthûla Sharîra есть санскритское названiе для плотнаго человѣческаго тѣла.

Мы увидимъ позднѣе, что различіе ограничивается одними названіями, и что шестое, пятое, четвертое и третье „начала" являются дѣятельностью Духа (Atmâ) въ буддическомъ, „причинномъ", ментальномъ и астральномъ тѣлахъ, тогда какъ второе и первое „начала" являются самыми низшими тѣлами. Эта система наименованія можетъ стать источникомъ замѣшательства для изучающихъ эти вопросы, но имена эти даются лишь за неимѣніемъ болѣе совершенныхъ и только какъ указанія на факты, принятые въ теософическихъ ученіяхъ.

Различныя тонкія тѣла человѣка, которыя мы изучали, составляютъ въ своемъ соединеніи то, что обыкновенно называется *аурой* человѣческаго существа. Аура имѣетъ видъ двойного свѣтящагося облака, окружающаго плотное физическое тѣло. То, что обыкновенно называется аурой, представляетъ собою лишь тѣ части тонкихъ тѣлъ человѣка, которыя распространяются за периферію плотнаго физическаго тѣла; каждое тѣло закончено въ самомъ себѣ и проникаетъ тѣ тѣла, которыя грубѣе и плотнѣе его; оно — большаго или меньшаго размѣра, соотвѣтственно своему развитію, и вся та часть его, которая выдается изъ границъ плотнаго физическаго тѣла и носитъ названіе ауры. Такимъ образомъ аура человѣка состоитъ изъ выдающихся частей эфирнаго двойника, астральнаго и ментальнаго тѣлъ, тѣла причинности (corps causal) и, въ рѣдкихъ случаяхъ, буддическаго тѣла, освященнаго сіяніемъ Атмы. Иногда аура бываетъ тусклая, грубо и нечисто окрашенная, иногда великолѣпно сверкающая чудными цвѣтовыми переливами; ея видъ зависитъ вполнѣ отъ ступени эволюціи, достигнутой человѣкомъ отъ развитія его различныхъ тѣлъ, отъ нравственнаго и умственнаго характера, который онъ успѣлъ развить въ себѣ. Всѣ его мѣняющіяся страсти, желанія и мысли записаны въ его аурѣ и формой, и окраской, и цвѣтомъ, такъ что „имѣющій очи открытыми" для подобнаго чтенія можетъ все это прочесть, взглянувъ на человѣка. Весь характеръ запечатлѣнъ здѣсь точно такъ же, какъ и всѣ мимолетныя измѣненія, и здѣсь уже невозможенъ обманъ, какъ онъ возможенъ подъ прикрытіемъ маски, именуемой нами „физическое тѣло". Увеличеніе въ размѣрѣ и въ красотѣ ауры есть безошибочный признакъ человѣческаго прогресса, и оно, несомнѣнно, говоритъ о ростѣ и очищеніи Мыслителя и его оболочекъ.

Е. П.

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра **Р. Штейнеръ.**

Глава VII *).

О нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Посвященія.

Одинъ изъ основныхъ законовъ оккультнаго знанія требуетъ, чтобы человѣкъ, посвящающій себя ему, дѣлалъ это съ полнымъ сознаніемъ. Онъ не долженъ ничего предпринимать, ни въ чемъ упражняться, о природѣ чего у него нѣтъ яснаго представленія. Учитель, дающій кому-нибудь совѣтъ или указаніе, всегда упомянетъ и о послѣдствіяхъ для тѣла, души или духа стремящагося къ высшему познанію, которыя могутъ появиться при исполненіи его указаній.

Здѣсь будутъ приведены нѣкоторыя изъ воздѣйствій посвященія на душу ученика. Лишь тотъ, кто уже знакомъ со всѣмъ, что изложено въ предыдущихъ статьяхъ, можетъ съ полнымъ сознаніемъ дѣлать упражненія, ведущія къ познанію сверхчувственныхъ міровъ. И только при этомъ условіи можетъ онъ быть истиннымъ ученикомъ оккультизма. Всякія попытки итти ощупью при истинномъ ученичествѣ строго возбраняются. Кто не идетъ съ открытыми глазами по пути своего ученичества, тотъ легко можетъ сдѣлаться медіумомъ, но не ясновидящимъ въ смыслѣ оккультнаго познанія.

У того, кто сознательно производитъ описанныя въ предъидущихъ главахъ упражненія, у того прежде всего наступаютъ извѣстныя измѣненія въ такъ-называемомъ астральномъ тѣлѣ (организмъ души). Видѣть этотъ организмъ можетъ только ясно-

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1908 г., № 9, стр. 33.

видящій. Его можно сравнить съ болѣе или менѣе свѣтящимся облакомъ, въ срединѣ котораго находится физическое тѣло человѣка. Въ этомъ астральномъ тѣлѣ видимы стремленія, желанія, страсти и представленія человѣка. Чувственныя желанія, напримѣръ, видимы въ немъ въ темно-красныхъ излученіяхъ опредѣленной формы. Чистая, благородная мысль выражается въ красновато-фіолетовомъ излученіи. Отчетливое понятіе логически мыслящаго человѣка является какъ желтоватая фигура съ совершенно опредѣленными контурами. Неясныя мысли неопредѣленно думающаго являются фигурой съ неопредѣленными очертаніями. Мысли же человѣка съ односторонними, закоренѣлыми взглядами выражаются въ очертаніяхъ, рѣзко очерченныхъ и неподвижныхъ, тогда какъ мысли, легко поддающіяся вліянію постороннихъ взглядовъ, видимы въ подвижныхъ и перемѣнчивыхъ фигурахъ и т. д.

Чѣмъ дальше человѣкъ подвигается впередъ въ своемъ душевномъ развитіи, тѣмъ правильнѣе организуется его астральное тѣло. У человѣка съ неразвитой душевной жизнью оно имѣетъ неопредѣленный и нерасчлененный видъ. Но и въ такомъ нерасчлененномъ астральномъ тѣлѣ ясновидящій увидитъ опредѣленное очертаніе, ясно отдѣляющееся отъ окружающаго. Оно простирается отъ головы до середины физическаго тѣла и имѣетъ видъ самостоятельнаго тѣла, имѣющаго извѣстные органы. Тѣ органы, о которыхъ здѣсь будетъ рѣчь, находятся вблизи слѣдующихъ физическихъ частей тѣла: первый—между глазами; второй—близъ гортани, третій—въ области сердца, четвертый—вблизи желудочной впадины, пятый и шестой—въ области живота. Эти образованія названы эзотериками „колесами" (чакрамами) или же „цвѣтами лотоса". Они называются такъ по ихъ сходству съ колесами или цвѣтами; но само собой разумѣется, что подобное выраженіе настолько же приблизительно, насколько, напримѣръ, приблизительно названіе обѣихъ частей легкаго „легочными крыльями". Ясно, что это только сравненіе. Эти „цвѣты лотоса" у неразвитаго человѣка темно окрашены и неподвижны. Но у ясновидящаго они въ движеніи и окрашены свѣтящимися цвѣтовыми оттѣнками. Также и у медіума замѣчается нѣчто подобное, хотя и въ другомъ родѣ. Когда оккультный ученикъ начинаетъ свои упражненія, у него начинаютъ свѣтиться „цвѣты лотоса", позднѣе они начинаютъ и вращаться. Когда наступаетъ вращеніе, тогда открывается и способность ясновидѣнія, ибо эти „цвѣты" суть органы чувствъ души, и ихъ вращеніе служитъ выраженіемъ того, что человѣкъ воспринимаетъ въ сверхчувственныхъ мірахъ.

Никто не можетъ видѣть что-либо сверхчувственное прежде, чѣмъ его астральные органы не будутъ развиты такимъ образомъ.

Астральный органъ чувства, находящійся вблизи гортани, даетъ возможность проникать ясновидѣніемъ въ *мысли* другого человѣка, онъ даетъ также болѣе глубокое проникновеніе въ истинные законы природныхъ явленій. Органъ вблизи сердца открываетъ ясновидящее познаваніе *образа мыслей* другихъ людей. Кто его развилъ, тотъ можетъ также различать скрытыя силы у животныхъ и у растеній. Благодаря органу чувства, расположенному въ углубленіи надъ желудкомъ, достигается знаніе *способностей* и *талантовъ* людей; можно съ его помощью провидѣть, какая роль предоставлена животнымъ, растеніямъ, камнямъ, металламъ, атмосферическимъ явленіямъ и т. под. въ экономіи природы.

Органъ вблизи гортани имѣетъ шестнадцать „лепестковъ или спицъ", вблизи сердца—двѣнадцать, въ желудочномъ углубленіи—десять.

Извѣстныя душевныя упражненія связаны съ развитіемъ этихъ органовъ чувствъ. И кто въ нихъ упражняется опредѣленнымъ образомъ, тотъ вноситъ нѣчто въ развитіе соотвѣтствующаго астральнаго органа. Восемь лепестковъ изъ „шестнадцатилепестного цвѣтка лотоса" уже были развиты на ранней ступени человѣческой эволюціи въ отдаленнѣйшемъ прошломъ. Въ развитіе *этихъ* „лепестковъ" человѣкъ ничего не внесъ самъ. Онъ получилъ ихъ какъ даръ природы, когда сознаніе его было еще въ состояніи тупой дремоты. На тогдашней ступени человѣческаго развитія они были уже въ дѣйствіи, но дѣятельность ихъ соотвѣтствовала неясному, дремотному состоянію сознанія. Когда же сознаніе прояснилось, лепестки потемнѣли, и ихъ дѣятельность прекратилась. Остальныя восемь человѣкъ можетъ самъ развить путемъ сознательныхъ упражненій. Благодаря этому и весь цвѣтокъ лотоса сдѣлается свѣтящимся и вращающимся. Отъ развитія каждаго изъ шестнадцати лепестковъ зависитъ пріобрѣтеніе опредѣленной способности. Но, какъ уже сказано, человѣкъ можетъ только восемь изъ нихъ развить сознательно, остальные восемь появятся тогда сами собой.

Развитіе совершается слѣдующимъ образомъ. Человѣкъ долженъ сосредоточить вниманіе и заботу на опредѣленныхъ душевныхъ процессахъ, къ которымъ онъ обыкновенно относится беззаботно и невнимательно. Существуетъ восемь процессовъ такого рода. Первый заключается въ томъ способѣ, какимъ усваиваются представленія. Обыкновенно человѣкъ предоставляетъ этотъ спо-

собѣ случаю. Онъ слушаетъ и то и это, видитъ одно или другое, и изъ этого матеріала образуетъ свои понятія. Пока это продолжается, его шестнадцатилепестной цвѣтокъ лотоса остается совершенно бездѣятельнымъ. Когда же онъ беретъ въ свои руки собственное развитіе въ указанномъ направленіи, цвѣтокъ начинаетъ проявлять дѣятельность. Для достиженія этой цѣли онъ долженъ относиться съ большимъ вниманіемъ къ своимъ представленіямъ. Каждое представленіе должно пріобрѣсти для него новое значеніе. Онъ долженъ видѣть въ каждомъ опредѣленную вѣсть о вещахъ внѣшняго міра и не удовлетворяться представленіями, не имѣющими такого значенія. Онъ долженъ весь міръ своихъ понятій строить такимъ образомъ, чтобы онъ былъ вѣрнымъ отраженіемъ внѣшняго міра. Невѣрныя же представленія необходимо удалять.—Второй душевный процессъ, къ которому нужно относиться подобнымъ же образомъ, касается всѣхъ принимаемыхъ рѣшеній. Ученикъ долженъ даже къ самому незначительному своему рѣшенію прилагать обдуманное основаніе. Далеки отъ его души должны быть всѣ необдуманныя дѣйствія, всѣ лишенные смысла поступки. Ко всему онъ долженъ имѣть зрѣло обдуманное основаніе; все же, не имѣющее основательныхъ причинъ, должно быть оставлено.—Третій процессъ касается рѣчи. Только то, что имѣетъ смыслъ и значеніе, должно исходить изъ устъ ученика. Всякій разговоръ ради разговора сводитъ его съ пути. Обыкновеннаго способа разговора, когда люди мѣняются другъ съ другомъ малосодержательными и пестрыми фразами, ученикъ долженъ избѣгать. Но при этомъ онъ отнюдь не долженъ отдѣляться отъ своихъ ближнихъ. Именно въ общеніи съ людьми рѣчи его и должны получить значеніе. Онъ долженъ говорить съ каждымъ и каждому отвѣчать, но дѣлать это онъ долженъ съ полнымъ смысломъ, обдумавъ свои слова всесторонне. Не слишкомъ много и не слишкомъ мало словъ должно заключаться въ его рѣчи.—Четвертый *душевный* процессъ заключается въ регулированіи *внѣшнихъ* поступковъ. Ученикъ долженъ стараться направлять свои дѣйствія такъ, чтобы они согласовались съ дѣйствіями его ближнихъ и съ окружающими условіями; онъ долженъ стремиться направлять свою дѣятельность такъ, чтобы она гармонически внѣдрялась въ его окружающую обстановку и въ жизненное его положеніе. Если его побуждаетъ къ дѣйствію нѣчто постороннее, онъ долженъ заботиться, чтобы какъ можно лучше согласовать свои дѣйствія съ побудительной причиной; если-же онъ дѣйствуетъ изъ собственнаго побужденія, тогда онъ долженъ взвѣ-

сить какъ можно точнѣе всѣ послѣдствія своего поступка.—*Пятое условіе* для успѣха заключается въ правильномъ распредѣленіи всей жизни ученика. Онъ долженъ жить въ гармоніи съ природой и съ законами духа. Онъ не долженъ торопиться и не долженъ отставать. Торопливость и вялость должны быть одинаково чужды ему. Онъ долженъ смотрѣть на жизнь какъ на средство для приложенія своихъ силъ и согласно этому долженъ управлять собой. Уходъ за здоровьемъ и всѣ его привычки направляются имъ такимъ образомъ, чтобы въ результатѣ получилась гармоническая жизнь.—*Шестое условіе* касается внутреннихъ стремленій. Испытывая свои способности и свои познанія, ученикъ не долженъ дѣлать ничего, выходящаго за предѣлы его силъ, но также и не упускать ничего, что находится въ ихъ предѣлахъ, и, въ то же время, онъ долженъ ставить себѣ цѣли, связанныя съ идеалами и съ сверхличными обязанностями человѣка. Онъ не долженъ чувствовать себя лишь колесомъ въ общемъ механизмѣ человѣчества, а стараться понять свои задачи, поднимаясь надъ повседневной жизнью.—*Седьмое условіе* его душевной жизни касается стремленія возможно большему научиться отъ жизни. Ничто не должно проходить мимо ученика, не давая ему повода пожать полезный для его жизни опытъ. Если онъ пережилъ что-либо неправильно или неполно, это послужитъ для него поводомъ нѣчто подобное пережить въ другой разъ иначе, болѣе совершенно. Видитъ ли онъ другихъ людей дѣйствующими, онъ долженъ наблюдать ихъ съ этой же цѣлью. Онъ долженъ собрать богатое сокровище опытовъ, всегда заботливо свѣряясь съ нимъ, не дѣлая ничего, не оглянувшись на переживанія, которыя могли бы оказать ему помощь при его рѣшеніяхъ и выполненіи намѣченнаго.—Наконецъ, *восьмое условіе* слѣдующее: ученикъ долженъ отъ времени до времени направлять взоры въ свой внутренній міръ; онъ долженъ погружать себя въ себя самого, заботливо съ собой совѣтоваться, вырабатывать и провѣрять свои жизненные принципы, мысленно пробѣгать свои знанія, взвѣшивать свои обязанности, размышлять о содержаніи и о цѣли жизни и т. д. Всѣ эти вопросы уже обсуждались въ предшествовавшихъ главахъ, здѣсь они перечисляются снова лишь по отношенію къ развитію шестнадцатилепестнаго лотоса. Послѣдній становится все совершеннѣе и совершеннѣе по мѣрѣ того, какъ ученикъ достигаетъ упомянутыхъ свойствъ, ибо отъ такихъ упражненій зависитъ развитіе ясновидѣнья. Чѣмъ болѣе все, что человѣкъ думаетъ и говоритъ, совпадаетъ съ фактами внѣшняго міра, тѣмъ быстрѣе развивается

этотъ даръ. Кто думаетъ или говоритъ неправду, тотъ убиваетъ нѣчто въ самомъ зародышѣ шестнадцатилепестнаго цвѣтка. Правдивость, искренность и честность являются въ этомъ отношенiи силами созидательными, лживость же, притворство, недобросовѣстность—силами разрушительными. И ученикъ долженъ знать, что при этомъ мало одного „добраго намѣренія", что здѣсь силу имѣетъ лишь дѣйствительное достиженіе. Если мысли или слова въ чемъ-либо не согласны съ дѣйствительностью, въ такомъ случаѣ у думающаго или говорящаго неправду въ астральномъ органѣ чувствъ нѣчто разрушается, если даже при этомъ у него были и хорошія намѣренія. Происходитъ это по такому же непреложному закону, по какому ребенокъ, хватаясь за огонь, обжигается, хотя онъ и дѣлаетъ это по незнанію.

Достиженіе перечисленныхъ душевныхъ навыковъ вызываетъ въ шестнадцатилепестномъ лотосѣ переливы прекрасныхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ и правильное движеніе. Но при этомъ все же нужно имѣть въ виду, что даръ ясновидѣнія можетъ открыться не ранѣе, чѣмъ будетъ достигнута опредѣленная ступень развитія души. До тѣхъ поръ, пока для ученика еще трудно вести жизнь по намѣченнымъ линіямъ, даръ этотъ не проявится. Это доказываетъ, что необходимая зрѣлость еще не достигнута. Пока человѣкъ не достигнетъ того, чтобы описанное отношеніе къ себѣ и къ жизни превратилось у него въ привычку, до тѣхъ поръ у него не проявятся первые признаки ясновидѣнія. Надо, чтобы не ощущалось никакого принужденія, чтобы прошла необходимость постоянно наблюдать за собой, чтобы весь порядокъ жизни происходилъ легко—какъ бы самъ собой.

Есть и иные способы, развивающіе „шестнадцатилепестной цвѣтокъ лотоса", но всѣ они отвергаются истинной оккультной наукой, ибо они ведутъ къ разрушенію тѣлеснаго здоровья и къ нравственной погибели. Они легче осуществляются, чѣмъ описанный способъ, который продолжительнѣе и труднѣе, но зато ведетъ вѣрно къ цѣли и можетъ только укрѣпить нравственно.

(Знакомый съ этимъ предметомъ замѣтитъ, что перечисленныя душевныя упражненія соотвѣтствуютъ тому, что въ буддизмѣ описывается какъ „путь о восьми ступеняхъ". Здѣсь дается связь этого пути съ образованіемъ астральныхъ органовъ чувствъ).

Если ко всему вышеописанному присоединится еще и соблюденіе извѣстныхъ предписаній, которыя ученикъ можетъ получить отъ учителя только устно, тогда въ развитіи „шестнадцатилепестного лотоса" наступаетъ ускореніе. Но такія указанія не могутъ

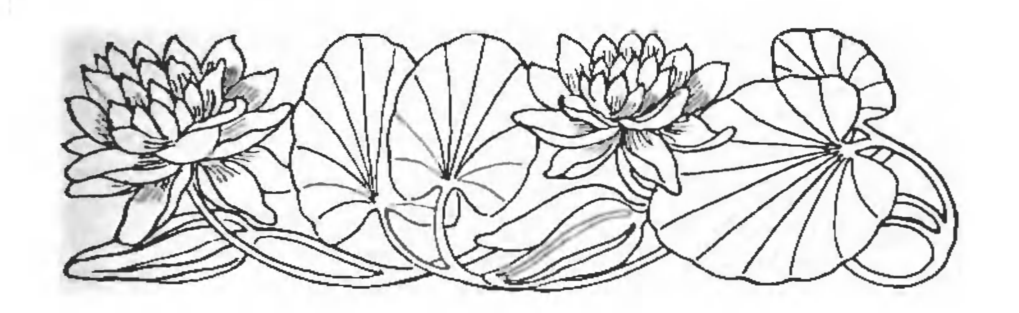
быть даваемы внѣ оккультной школы. Но и для того, кто не хочетъ или не можетъ принадлежать къ оккультной школѣ, устроеніе жизни въ указанномъ направленіи окажетъ большую пользу, ибо воздѣйствіе на астральное тѣло совершится во всякомъ случаѣ, хотя и медленно. Для ученика же оккультной школы соблюденіе этихъ основныхъ законовъ совершенно необходимо. Если бы онъ приступилъ къ оккультному обученію, не соблюдая ихъ, онъ вступилъ бы въ высшіе міры безъ вѣрнаго внутренняго руководительства и, вмѣсто познанія истины, подвергся бы многимъ ошибкамъ и иллюзіямъ. Въ извѣстномъ смыслѣ онъ сталъ бы еще болѣе слѣпымъ, чѣмъ прежде, ибо ранѣе онъ, по крайней мѣрѣ, крѣпко стоялъ въ предѣлахъ чувственнаго міра и имѣлъ въ немъ извѣстную точку опоры; теперь же онъ взираетъ за его предѣлы и начинаетъ ошибаться и въ немъ, не успѣвъ еще укрѣпиться въ высшемъ мірѣ. И можетъ случиться, что, не будучи болѣе въ состояніи отличить истины отъ заблужденія, онъ и совсѣмъ потеряетъ всякое направленіе въ жизни. Именно по этой причинѣ во всѣхъ такихъ достиженіяхъ такъ необходимо *терпѣніе*. Нужно всегда помнить, что учитель не можетъ заходить далеко со своими наставленіями, пока у ученика не имѣется полной готовности къ правильному развитію астральныхъ органовъ. Развились бы истинно уродливыя формы этихъ органовъ, если ихъ выгонять искусственнымъ образомъ ранѣе, чѣмъ они спокойнымъ образомъ не достигнутъ присущей имъ формы, ибо указанія и наставленія учителя способствуютъ ихъ *созрѣванію*, *форма* же придается имъ вышеописаннымъ строемъ жизни.

Искаженное развитіе „цвѣтка лотоса“, въ случаѣ развитія ясновидѣнія, можетъ имѣть послѣдствіемъ не только иллюзіи и фантастическія представленія, но и различныя уклоненія и неустойчивость въ обыкновенной жизни. Благодаря такому неправильному развитію можно сдѣлаться пугливымъ, завистливымъ, тщеславнымъ, надменнымъ, своевольнымъ и т. д.—даже если раньше этихъ свойствъ совсѣмъ не было. Было уже сказано, что восемь лепестковъ изъ „шестнадцатилепестного лотоса“ уже были развиты въ отдаленнѣйшемъ прошломъ и что они проявляются сами собой при оккультномъ воздѣйствіи. Поэтому все вниманіе должно быть обращено на восемь другихъ лепестковъ. При неправильномъ воздѣйствіи весьма легко начинаютъ выступать лишь ранѣе развитые лепестки, а вновь образующіеся остаются неразвитыми. Это возможно особенно тогда, когда при оккультной подготовкѣ мало придаютъ значенія логическому, разумному мышленію.

Весьма большое значеніе представляетъ для оккультнаго ученика, чтобы онъ былъ человѣкомъ разумнымъ, съ яснымъ мышленіемъ. Большое имѣетъ значеніе и то, чтобы онъ въ рѣчи своей достигъ большой ясности. Люди, начинающіе ощущать нѣчто сверхчувственное, охотно говорятъ объ этихъ вещахъ. Благодаря этому задерживается ихъ правильное развитіе. Чѣмъ меньше говорить объ этихъ вещахъ, тѣмъ лучше, и во всякомъ случаѣ не ранѣе пріобрѣтенія извѣстной ясности пониманія можно говорить о нихъ. Въ началѣ оккультнаго обученія ученики склонны удивляться, какъ мало любопытства проявляетъ учитель къ разсказамъ объ ихъ переживаніяхъ. Лучше всего было бы, если бы они совершенно умалчивали о своемъ внутреннемъ опытѣ и говорили только о томъ, удалось имъ провести свои упражненія или не удалось и насколько удачно они слѣдовали указаніямъ учителя, ибо оккультный учитель имѣетъ совершенно другіе источники для сужденія объ ихъ успѣхахъ, чѣмъ ихъ прямыя сообщенія. Развивающійся астральный органъ (шестнадцатилепестной лотосъ) отъ такихъ сообщеній всегда немного грубѣетъ, между тѣмъ какъ лепестки его должны быть пластичными и гибкими. Приведемъ примѣръ, чтобы пояснить сказанное, но для ясности возьмемъ его изъ обыкновенной, а не сверхчувственной жизни. Предположимъ, что я слышу какое-либо извѣстіе и составляю по нему немедленно свое сужденіе. Черезъ короткое время я получаю дальнѣйшее извѣстіе о той же вещи, не согласующееся съ первымъ. Благодаря этому я принужденъ измѣнить уже составленное сужденіе. Послѣдствіемъ этого будетъ неблагопріятное вліяніе на мой „шестнадцатилепестной цвѣтокъ лотоса". Совсѣмъ иначе было бы, если бы я сначала воздержался отъ сужденія, если бы и внутренно, въ мысляхъ, и внѣшнимъ образомъ, на словахъ, я *молчалъ*, пока не получилъ совершенно вѣрной основы для своего сужденія. Осмотрительность въ сужденіяхъ и въ высказываніи ихъ дѣлается постепенно отличительнымъ признакомъ ученика. И въ то же время выростаетъ его воспріимчивость къ впечатлѣніямъ и опытамъ, которые онъ переживаетъ молча, стараясь пріобрѣсти какъ можно больше основаній для правильнаго сужденія. Благодаря такой выдержкѣ въ лепесткахъ лотоса появляются голубовато-красные или розовато-красные оттѣнки, тогда какъ при невоздержанности оттѣнки получаются темно-красные и оранжевые.

О другихъ „цвѣтахъ лотоса" и о дальнѣйшихъ подробностяхъ посвященія будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Перев. В. Лалетинъ.

Воспитаніе ребенка
съ эзотерической точки зрѣнія *).

Продолженіе.

Когда наука духа (Теософія) будетъ призвана руководить искусствомъ воспитанія, она и въ этой области въ состояніи дать драгоцѣнныя указанія, ибо ей извѣстны реальныя соотношенія вещей. Къ силамъ, которыя формируютъ физическіе органы, принадлежитъ—слѣдовательно—и радость, довольство окружающихъ, веселыя лица воспитателей, а главное искренняя, непритворная любовь. Любовь, которая какъ бы грѣющими лучами проникаетъ все окружающее ребенка, играетъ относительно формированія физическихъ органовъ ту же роль, какую теплота насѣдки оказываетъ на яйцо. Если въ такой проникнутой любовью атмосферѣ имѣются и примѣры для подражанія, тогда можно сказать, что ребенокъ находится въ надлежащей средѣ. Строго - поэтому—надо слѣдить за тѣмъ, чтобы въ присутствіи ребенка не дѣлалось ничего, чему онъ не долженъ подражать. Не надо дѣлать ничего

*) По недосмотру, статья „Воспитаніе ребенка съ эзотерической точки зрѣнія" была напечатана безъ имени автора, д-ра Рудольфа Штейнера. Его лекціи о воспитаніи вызвали такой интересъ въ Германіи, что по просьбѣ слышавшихъ эти лекціи д-ръ Штейнеръ изложилъ ихъ въ статьѣ, которую мы и даемъ въ переводѣ въ нашемъ журналѣ. Статья эта переведена на многіе языки. (Прим. Редакціи).

такого, о чемъ приходилось бы говорить ребенку: этого ты дѣлать не долженъ. До какой степени ребенокъ склоненъ къ подражанію, можно убѣдиться, наблюдая, какъ онъ старается срисовать буквы раньше, чѣмъ узнаетъ ихъ. И это хорошо, если ребенокъ сначала рисуетъ буквы, а потомъ уже узнаетъ ихъ смыслъ, ибо способность подражанія принадлежитъ періоду развитія физическаго тѣла, тогда какъ смыслъ явленій относится уже къ эфирному тѣлу, а на него слѣдуетъ дѣйствовать не ранѣе, какъ наступаетъ перемѣна зубовъ, когда оно освобождается отъ окружавшей его внѣшней эфирной оболочки. Въ этотъ періодъ подражательности особенно хорошо учить языкамъ. Слушая, ребенокъ легко выучивается говорить правильно, а правила и искусственное обученіе въ этомъ возрастѣ безцѣльны. Въ раннемъ дѣтствѣ особенно важно, чтобы такія воспитательныя средства, какъ, напримѣръ, дѣтскія пѣсни, производили на чувство какъ можно болѣе красивое ритмическое впечатлѣніе. Не такъ важенъ смыслъ пѣсни, какъ красота ея напѣва.

Чѣмъ живительнѣе дѣйствуетъ что-нибудь на глазъ или ухо, тѣмъ лучше. Не надо умалять и значеніе танцевъ; ритмическія движенія подъ музыку дѣйствуютъ благотворно на физическое развитіе.

Съ перемѣною зубовъ эфирное тѣло сбрасываетъ съ себя внѣшнюю эфирную оболочку, и съ этого момента оно дѣлается доступнымъ воспитательнымъ вліяніямъ внѣшняго міра. Необходимо уяснить: что же, собственно, дѣйствуетъ извнѣ на эфирное тѣло? Подъ преобразованіемъ и ростомъ эфирнаго тѣла слѣдуетъ подразумѣвать преобразованіе и развитіе привычекъ, совѣсти, характера, памяти, темперамента. На эфирное тѣло слѣдуетъ дѣйствовать образами, примѣрами, сознательнымъ направленіемъ фантазіи. Какъ до семилѣтняго возраста надо давать ребенку физическіе примѣры, которымъ онъ могъ бы подражать, такъ и въ среду, окружающую развивающагося человѣка, должно быть въ періодъ отъ перемѣны зубовъ до половой зрѣлости внесено все то, что своимъ внутреннимъ смысломъ и достоинствомъ могло бы дать ему вѣрное направленіе. Все, дѣйствующее посредствомъ уподобленія и образно, теперь полно смысла и у мѣста. Сила эфирнаго тѣла развивается, когда фантазія ребенка питается тѣмъ, что онъ угадываетъ въ живыхъ образахъ и уподобленіяхъ, и что можетъ служить для нея руководящимъ началомъ. Не отвлеченныя понятія дѣйствуютъ надлежащимъ образомъ на растущее эфирное тѣло, но все наглядное и притомъ не чувственно, а *духовно-наглядное*.

Духовно-наглядное — вотъ наиболѣе вѣрное воспитательное средство для этого возраста. Поэтому въ этомъ возрастѣ важнѣе всего, чтобы растущій человѣкъ былъ окруженъ воспитателями, которые своими свойствами наглядно вліяли бы на него, вызывая въ немъ, какъ отраженіе, желательныя интеллектуальныя и нравственныя силы. Какъ въ первые годы дѣтства *подражаніе и примѣръ*, такъ въ этомъ возрастѣ магическими средствами воспитанія являются: *послушаніе* и *авторитетъ*. Естественнымъ, не вынужденнымъ авторитетомъ должна быть та окружающая молодого человѣка духовная наглядность, по которой онъ можетъ выработать свою совѣсть, наклонности, привычки, по которой его темпераментъ войдетъ въ упорядоченное русло, и глазами которой онъ будетъ разсматривать явленія міра. Прекрасныя слова поэта: „Каждый долженъ выбрать себѣ своего героя и по его слѣдамъ прокладывать себѣ путь на Олимпъ“ имѣютъ наибольшее значеніе именно для *этого* возраста. Чувство почтенія и преклоненія— силы, съ помощью которыхъ эфирное тѣло развивается правильнымъ образомъ. И кому не приходилось въ этомъ возрастѣ испытывать къ опредѣленному лицу безграничнаго почитанія, для того вся послѣдующая внутренняя жизнь окажется несравненно болѣе скудной. Гдѣ нѣтъ чувства преклоненія, тамъ глохнутъ живыя силы эфирнаго тѣла. Представимъ себѣ дѣйствіе такого эпизода на юную душу: восьмилѣтній мальчикъ слышитъ разсказы о необыкновенныхъ, поразительныхъ свойствахъ опредѣленной личности. Все, что онъ о ней слышитъ, внушаетъ ему то, что можно бы назвать священнымъ трепетомъ. И вотъ приближается день, когда мальчикъ впервые долженъ увидать потрясшаго его воображеніе человѣка. Дрожь благоговѣнія пробѣгаетъ по немъ, когда онъ берется за ручку двери, за которой находится тотъ, котораго онъ увидитъ сейчасъ. Прекрасныя чувства, переживаемыя въ такой моментъ, остаются на всю жизнь, и счастливъ тотъ человѣкъ, который не въ однѣ только торжественныя минуты жизни, но повседневно можетъ взирать на своихъ воспитателей и учителей, какъ на естественный авторитетъ. Къ этимъ живымъ авторитетамъ слѣдуетъ присоединять и авторитеты историческіе. Великіе историческіе образы, разсказы о героическихъ мужахъ и женахъ могутъ направить совѣсть и умъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ отвлеченныя нравственныя правила, вліяніе которыхъ становится дѣйствительнымъ лишь тогда, когда съ достиженіемъ половой зрѣлости астральное тѣло освободится отъ своей астральной, защищающей оболочки. Чрезвычайно важно, чтобы изученіе исторіи

велось именно съ этой цѣлью. До перемѣны зубовъ сказки и разсказы, предлагаемые дѣтямъ, должны вызывать лишь удовольствіе, радость, веселье. Въ послѣдующемъ же періодѣ надо стремиться къ тому, чтобы изображаемыя картины вызывали въ молодой душѣ желаніе поступить такимъ же образомъ. Не надо забывать и того, что многія дурныя привычки могутъ быть искоренены, если ихъ своевременно изображать въ видѣ отталкивающихъ картинъ. Насколько увѣщанія мало помогаютъ при дурныхъ наклонностяхъ и привычкахъ, настолько легко подѣйствовать на юношескую фантазію живымъ образомъ человѣка съ дурными наклонностями и картиной того, къ чему дурныя привычки могутъ привести его. Отвлеченныя представленія не дѣйствуютъ на развивающееся эфирное тѣло, на него вліяютъ наглядно изображенныя жизненныя картины. Но всѣ эти воздѣйствія требуютъ большого такта, и при разсказѣ все дѣло въ самомъ разсказчикѣ. Поэтому нельзя считать равнозначущими личный разсказъ и чтеніе, и замѣнять одно другимъ. Есть еще причина, по которой очень важно, чтобы всѣ представленія въ періодъ отъ перемѣны зубовъ до половой зрѣлости являлись въ видѣ картинъ и образовъ. Необходимо, чтобы растущій человѣкъ воспринималъ въ себя тайны природы и законы жизни не черезъ разсудочныя понятія, а въ видѣ символовъ. Духовныя взаимоотношенія должны проходить передъ душой въ такихъ уподобленіяхъ, чтобы за этими уподобленіями закономѣрность бытія скорѣе угадывалась и чувствовалась, чѣмъ воспринималась въ разсудочныхъ понятіяхъ. „Все преходящее не болѣе какъ символъ"—такова должна быть руководящая нить воспитанія въ этомъ возрастѣ. Необычайно важно, чтобы человѣкъ воспринялъ тайны бытія въ уподобленіяхъ, прежде чѣмъ онѣ проникнутъ въ его сознаніе какъ законы природы. Возьмемъ примѣръ. Представимъ себѣ, что съ мальчикомъ или дѣвочкой говорятъ о безсмертіи души и объ ея исхожденіи изъ тѣла. Вести разговоръ объ этомъ надо путемъ уподобленія, надо сравнить душу, напримѣръ, съ бабочкой, выходящей изъ куколки. Какъ бабочка вылетаетъ изъ куколки, такъ и душа освобождается послѣ смерти отъ тѣла.

Ни одинъ человѣкъ не сможетъ обнять истинную сущность отвлеченныхъ понятій, если онъ не воспринялъ ихъ первоначально въ такихъ образахъ. Посредствомъ такихъ символовъ дѣйствуютъ не только на разумъ, но и на чувства и на всю душу. Человѣкъ, котораго въ дѣтствѣ вели такимъ путемъ, подходитъ съ совсѣмъ другимъ настроеніемъ къ этимъ вопросамъ, когда они ему позднѣе

сообщаются какъ отвлеченныя понятія. Въ виду этого необходимо, чтобы у воспитателя имѣлись уподобленія для всѣхъ законовъ природы и міровыхъ тайнъ.

Чрезвычайно ясно въ данномъ случаѣ, какъ плодотворно можетъ дѣйствовать Теософія въ практической жизни. Если кто-нибудь начнетъ заимствовать свои уподобленія изъ своихъ матеріалистически разсудочныхъ воззрѣній и съ ними обратится къ молодежи, они, навѣрно, произведутъ мало впечатлѣнія.

Это будутъ уподобленія выдуманныя, вымученныя.

Когда человѣкъ говоритъ образами, на слушающаго дѣйствуетъ не только то, что онъ говоритъ, но отъ него исходитъ какъ бы тонкій духовный токъ, проникающій въ того, кто слушаетъ. Если говорящій самъ не проникнутъ теплотой глубокой вѣры въ свое уподобленіе, онъ не произведетъ впечатлѣнія на того, кто его слушаетъ, Чтобы дѣйствовать на другихъ, нужно проникаться своими уподобленіями какъ живой дѣйствительностью. А это возможно только для науки духа, когда само уподобленіе почерпнуто изъ науки духа. Настоящему оккультисту не придется вымучивать изъ себя вышеприведенное уподобленіе о выходѣ души изъ тѣла, ибо для него это—истина. Для него выхожденіе бабочки изъ куколки является на низшей ступени бытія дѣйствительно тѣмъ же самымъ процессомъ, который на высшей ступени и при высшемъ развитіи повторяется въ видѣ выхожденія души изъ тѣла. Онъ съ силою вѣритъ въ это, и эта сильная вѣра, истекая таинственными потоками изъ говорящаго, передается слушающему и вызываетъ въ немъ убѣжденіе. Непосредственная жизнь переливается при этомъ отъ воспитателя къ воспитаннику и обратно. Но для достиженія такого жизненнаго воздѣйствія, воспитатель долженъ черпать изъ глубокаго оккультнаго источника, чтобы его слова и все, что отъ него исходитъ, были проникнуты чувствомъ, теплотой и свѣтомъ истиннаго духовнаго знанія. Тогда откроются великія свѣтлыя перспективы на все дѣло воспитанія. Оно исполнится свѣтлой разумной жизни, и тогда прекратятся тѣ дѣйствія ощупью, которыя такъ обычны въ этой области.

Душевная способность, на которую въ этотъ періодъ развитія человѣка должно быть обращено вниманіе, это—память. Развитіе памяти связано съ формированьемъ эфирнаго тѣла. Такъ какъ оно вырабатывается въ періодъ между перемѣной зубовъ и половой зрѣлостью, то именно въ этотъ періодъ и слѣдуетъ воздѣйство-

вать извнѣ какъ можно полнѣе на развитіе памяти. Пропущенное въ этотъ періодъ позднѣе вернуть уже нельзя.

Разсудочно-матеріалистическое воззрѣніе на воспитаніе можетъ сдѣлать въ этомъ направленіи много ошибокъ. Основанная на немъ система воспитанія легко приходитъ къ предубѣжденію противъ усвоенія одной только памятью. Она не устаетъ ратовать противъ простого тренированія памяти и изобрѣтаетъ самые хитроумные методы, чтобы юноша никоимъ образомъ не бралъ памятью того, *что ему еще не понятно*. И далось же имъ это пониманіе! Разсудочно-матеріалистическое воззрѣніе глубоко убѣждено въ томъ, что проникнуть въ суть вещей возможно только посредствомъ отвлеченныхъ понятій, и ему трудно будетъ проникнуться сознаніемъ, что и другія силы души по меньшей мѣрѣ такъ же нужны для постиганія вещей, какъ и разумъ. Когда говорятъ, что можно также постигать сердцемъ, чувствомъ и душой, какъ и разумомъ, то это не простое фигуральное выраженіе. *Понятіе*—только одно изъ средствъ для постиженія окружающаго міра. Лишь матеріалисты считаютъ его единственнымъ; хотя не мало и такихъ людей, которые *не* причисляютъ себя къ матеріалистамъ и тѣмъ не менѣе не признаютъ иного способа познаванія кромѣ разсудочнаго. Такіе люди считаютъ свое міровоззрѣніе, можетъ быть, идеалистическимъ или даже спиритуалистическимъ, но относятся они къ нему въ душѣ какъ матеріалисты. Ибо разсудокъ— орудіе души для пониманія однѣхъ только матеріальныхъ вещей. Какъ указаніе на болѣе глубокія основы пониманія, приведемъ здѣсь одно мѣсто изъ вышеупомянутой книги о воспитаніи Жанъ-Поль Рихтера. Вообще, это произведеніе содержитъ въ себѣ драгоцѣнныя воззрѣнія на воспитаніе и заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ ему оказываютъ. Упомянутое мѣсто гласитъ: „Не бойтесь непониманія даже цѣлыхъ предложеній; ваше выраженіе лица, ваша интонація и желаніе изъ предвидѣнія идущее желаніе ученика понять освѣтятъ одну половину сказаннаго, а съ помощью этой половины со временемъ освѣтится и другая. Интонація для дѣтей, какъ для китайцевъ и для свѣтскихъ людей, составляетъ половину рѣчи. Не забывайте, что дѣти, такъ же какъ взрослые, греческій или иной языкъ научаются сначала понимать, а потомъ уже говорить на немъ. Нужно больше полагаться на время и на связь вещей, которыя помогутъ ребенку разобраться въ слышанномъ. Пятилѣтній ребенокъ понимаетъ слова: „но, хотя, однако, конечно“, но попробуйте объяснить ихъ и не ребенку, а его отцу! Въ одномъ словѣ „хотя“ сидитъ цѣлая

маленькая философія. Если рѣчь восьмилѣтняго ребенка съ его выработаннымъ языкомъ хорошо понимается трехлѣтнимъ, почему же взрослому низводить свой языкъ до его лепета? Съ ребенкомъ нужно говорить на нѣсколько лѣтъ впередъ (говорятъ же съ нами въ книгахъ геніи, опережающіе насъ на нѣсколько столѣтій); съ годовымъ ребенкомъ говорите какъ съ двухлѣтнимъ, съ послѣднимъ какъ съ шести лѣтнимъ, такъ какъ различія въ развитіи уменьшаются обратно пропорціонально годамъ. Слѣдовало бы воспитателю, который вообще черезчуръ склоненъ все ученіе приписывать учителямъ, не забывать, что ребенокъ носитъ уже въ себѣ половину своего духовнаго міра, напримѣръ—нравственныя и метафизическія представленія уже готовыми и выученными, и что поэтому рѣчь, снабженная одними только тѣлесными подобіями, не можетъ дать духовнаго пониманія, а можетъ лишь намекать на него.

Свѣтлость и опредѣленность рѣчи въ разговорѣ съ дѣтьми слѣдуетъ заимствовать отъ ихъ собственной опредѣленности и ясности. Можно научиться у нихъ рѣчи, точно такъ же учить ихъ черезъ рѣчь: они часто дѣлаютъ смѣлые и совершенно правильные словопроизводства. Напримѣръ: пѣтухъ, пѣтухиня, кипятятникъ и т. д.".

Хотя это мѣсто о способности ребенка понимать раиѣе, чѣмъ его разсудокъ созрѣетъ, относится не къ той области, о которой у насъ теперь идетъ рѣчь, но все сказанное Жанъ-Полемъ Рихтеромъ объ языкѣ можетъ быть цѣликомъ примѣнено и къ нашему вопросу. Какъ ребенокъ воспринимаетъ въ свой душевный организмъ строеніе языка, такъ и юноша долженъ для развитія памяти учить вещи, разсудочное пониманіе которыхъ онъ усвоитъ лишь впослѣдствіи. И даже лучше понимается современемъ именно то, что въ *этомъ* возрастѣ усваивается одной памятью, такъ же, какъ лучше всего усваиваются правила того языка, на которомъ уже говоришь. Толки о вредѣ заучиванья на память не болѣе, какъ матеріалистическій предразсудокъ. Юношѣ надо, напримѣръ, показать на нѣсколькихъ примѣрахъ самые необходимые законы умноженія, для чего не нужно никакой счетной машины, а лучше всего пользоваться пальцами, и затѣмъ ему нужно твердо заучить на память таблицу умноженія. Поступая такъ, мы дѣйствуемъ сообразно съ природой развивающагося человѣка. Наоборотъ, мы грѣшимъ противъ нея, если въ то время, когда слѣдуетъ развивать память, мы черезчуръ напрягаемъ разумъ.

Разумъ—душевная сила, рождающаяся только съ половой зрѣлостью, и до наступленія этой поры надо ее оберегать отъ

внѣшнихъ вліяній. До этой поры юноша долженъ памятью усвоить себѣ тѣ сокровища, надъ которыми думало человѣчество, и затѣмъ уже наступитъ время проникнуть разумомъ во все то, что предварительно хорошо запечатлѣлось въ памяти.

Слѣдовательно, человѣкъ долженъ не только примѣчать то, что понялъ, но онъ долженъ вполнѣ понимать тѣ вещи, которыя уже *знаетъ*, т. е. которыми онъ настолько же овладѣлъ памятью, насколько дитя языкомъ, на которомъ говоритъ. Эту мысль надо примѣнять въ самомъ широкомъ смыслѣ. Такъ, сначала простое запоминаніе историческихъ событій, а затѣмъ уже сознательное облеченіе ихъ въ понятія.

Сначала хорошее усвоеніе памятью географическихъ данныхъ, и затѣмъ уже пониманіе ихъ взаимоотношенія и т. д. Въ извѣстномъ смыслѣ построеніе всѣхъ понятій должно бы было совершаться надъ богатствами, скопленными въ памяти. Чѣмъ болѣе юноша знаетъ на память прежде, чѣмъ онъ приступитъ къ образованію понятій, тѣмъ лучше... Само собой разумѣется, что все, только-что сказанное относится *только* къ возрасту, о которомъ идетъ рѣчь, а не къ позднѣйшему.

Если же кто-либо запоздалъ въ пріобрѣтеніи знаній и учится уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, тогда, конечно, обратный путь будетъ правильнымъ и желательнымъ, хотя и здѣсь много будетъ зависѣть отъ душевныхъ свойствъ учащагося.

Но и черезчуръ наглядное обученіе, основанное только на однихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, исходитъ тоже изъ матеріалистическаго міровоззрѣнія. Всякое наглядное обученіе въ этомъ возрастѣ должно быть одухотворяемо. Напримѣръ, нельзя довольствоваться тѣмъ, что покажешь ребенку растеніе, сѣмя, цвѣтокъ. Все должно служить символомъ для духовныхъ образовъ. Сѣмя не есть только то, чѣмъ оно представляется глазу. Въ немъ невидимо кроется все будущее растеніе. И то обстоятельство, что ребенокъ видитъ передъ собой гораздо болѣе того, что доступно для его чувствъ, должно быть живо схвачено его чувствомъ, фантазіей, душой. У него должно пробуждаться предчувствіе тайнъ природы. И не надо думать, что благодаря этому можетъ пострадать чистая наглядность; наоборотъ, ограничиваясь одной внѣшней наглядностью, никогда не узнаешь истиннаго содержанія вещей. Вѣдь вся дѣйствительность каждой вещи состоитъ изъ духа и матеріи, и не менѣе старательны должны быть наблюденія и тогда, когда въ дѣйствіе приведены *всѣ душевныя силы*, а не одни только физическіе органы чувства. Если бы люди могли

видѣть, какъ это видитъ оккультистъ, сколько глохнетъ въ душѣ и тѣлѣ отъ исключительно внѣшняго нагляднаго обученія, они бы на немъ такъ не настаивали. Какая польза въ высшемъ смыслѣ для юноши отъ того, что ему показываютъ всевозможные минералы, растенія, животныхъ, физическіе опыты, если они не служатъ, какъ чувственные символы, къ проникновенію въ тайны одушевляющей ихъ жизни? Человѣкъ матеріалистическихъ воззрѣній не сумѣетъ, конечно, взяться за дѣло въ томъ духѣ, на который мы указали. Для оккультиста это совершенно ясно, но онъ понимаетъ и то, что истинное, жизненное искусство воспитанія не можетъ руководиться матеріалистическими воззрѣніями. Какъ оно ни кажется практичнымъ, въ дѣйствительности оно совсѣмъ не достигаетъ практическихъ результатовъ, когда дѣло касается того, чтобы охватить жизнь во всей ея жизненной полнотѣ. Передъ лицомъ истинной дѣйствительности матеріалистическое воззрѣніе—фантазія. Но понятно и то, что для матеріалиста фантазіей должны представляться соотвѣтственныя разъясненія науки Духа.

И, тѣмъ не менѣе, разъ ихъ основа истина, они проникнутъ въ культуру и дадутъ ей новое, высшее содержаніе.

Только ясно сознавая, какимъ образомъ извѣстные пріемы воспитанія дѣйствуютъ на юношу, воспитатель будетъ владѣть вѣрнымъ тактомъ, чтобы въ каждомъ случаѣ примѣнять вѣрное средство. Такъ, необходимо сознательно обращаться съ душевными силами, мышленіемъ, чувствомъ и волей, такъ чтобы ихъ развитіе дѣйствовало отраженнымъ образомъ на эфирное тѣло, пока это послѣднее, въ періодъ отъ перемѣны зубовъ до половой зрѣлости, складывается все опредѣленнѣе подъ воздѣйствіями, идущими извнѣ. Основаніе для развитія сильной воли кладется правильнымъ примѣненіемъ изложенныхъ принциповъ воспитанія въ первые семь лѣтъ. Такая воля прежде всего должна опираться на хорошо развитыя формы физическаго тѣла. Съ перемѣны зубовъ важно, чтобы развивающееся въ это время эфирное тѣло доставляло физическому тѣлу тѣ силы, съ помощью которыхъ оно могло бы усилить и укрѣпить свои формы. То, что производитъ наибольшее впечатлѣніе на эфирное тѣло, такъ же укрѣпляетъ всего сильнѣе и физическое тѣло. Самые же сильные импульсы на эфирное тѣло производятъ тѣ чувства и представленія, благодаря которымъ человѣкъ переживаетъ и устанавливаетъ свое истинное отношеніе къ вѣчнымъ первоосновамъ вселенной; слѣдовательно, самымъ сильнымъ переживаніемъ изъ всѣхъ импульсовъ будутъ религіозныя переживанія. Никогда воля и характеръ человѣка не

получать здороваго развитія, если онъ въ этомъ возрастѣ не способенъ переживать глубоко проникающихъ религіозныхъ импульсовъ.

Въ характерѣ человѣческой воли ясно выражается то, чувствуетъ ли себя человѣкъ связаннымъ со всей вселенной. Если онъ ие чувствуетъ себя связаннымъ крѣпкими нитями съ Божественно-Духовнымъ, тогда характеръ и воля его останутся неустойчивыми.

Міръ чувства развивается у растущаго человѣка правильно, если онъ обильно питается описанными уподобленьями и символами и особенно всѣмъ тѣмъ, что можетъ дать исторія и другіе источники, выдвигая передъ нимъ благородные и выдающіеся характеры людей. Углубленіе въ тайны и красоты природы точно такъ же важно для развитія чувства. Особенно важно въ этомъ смыслѣ развитіе чувства прекраснаго и вызываніе къ жизни любви къ искусствамъ. Музыкальность сообщаетъ эфирному тѣлу чувство ритма, которое сдѣлаетъ его навсегда способнымъ находить скрытый во всѣхъ вещахъ ритмъ. У юноши отнимается многое изъ послѣдующей жизни, если въ этомъ возрастѣ не было приложено стараиія развить его музыкальность. Цѣлыя области міровой жизни останутся скрытыми навсегда для того, кто совсѣмъ лишенъ музыкальнаго чувства. Но и другими искусствами не слѣдуетъ пренебрегать. Въ правильную систему воспитанія должно входить пробужденіе вкуса къ стилямъ и формамъ въ архитектурѣ, къ пластическимъ образамъ, къ красотѣ линій рисунка, къ гармоніи красокъ. Какъ бы ни приходилось при неблагопріятныхъ условіяхъ упрощать этотъ планъ, не правъ будетъ тотъ воспитатель, который скажетъ, что ничего нельзя было сдѣлать въ этомъ направленіи. Съ самыми простыми средствами можно достигнуть многаго, если самъ воспитатель обладаетъ для этого необходимымъ смысломъ. Любовь къ жизни, жизнерадостность, упорство въ работѣ, все это вырастаетъ изъ правильно развитаго вкуса къ красотѣ и искусству. А какъ скрашиваются и облагораживаются этимъ тонкимъ чувствомъ красоты отношенія людей другъ къ другу! И нравственное чувство, которое въ эти же годы раскрывается, развиваемое то картинами жизни, то идеальными авторитетами, получаетъ крѣпость и силу, когда развитое чувство красоты соединяетъ съ понятіемъ о добрѣ впечатлѣніе прекраснаго, а съ понятіемъ о злѣ впечатлѣніе некрасиваго.

Чистое мышленіе, какъ внутреннее построеніе отвлеченныхъ понятій, совсѣмъ не должно еще имѣть мѣста въ этомъ возрастѣ.

Оно должно само собой складываться въ то время, когда душа воспринимаетъ посредствомъ уподобленія и живыхъ образовъ тайны жизни природы. Такимъ образомъ, среди другихъ душевныхъ переживаній въ періодъ между седьмымъ годомъ и половой зрѣлостью, должно постепенно вырастать и мышленіе; способность сужденія должна созрѣть къ концу этого періода настолько, чтобы человѣкъ оказался способнымъ имѣть вполнѣ самостоятельныя мнѣнія въ вопросахъ жизни и знанія. И чѣмъ меньше до этого времени дѣйствовали непосредственно на развитіе способности сужденія, чѣмъ больше дѣйствовали на умъ развитіемъ другихъ душевныхъ силъ, тѣмъ лучше это отзовется на всей последующей жизни даннаго человѣка. Не только для духовной стороны воспитанія, но и для физической эзотерическое ученіе даетъ вѣрныя указанія. Напримѣръ, оно рекомендуетъ различные виды гимнастики и юношескихъ игръ. Какъ любовь и радость должны проникать первые годы дѣтства, такъ эфирное тѣло должно, благодаря физическимъ упражненіямъ, крѣпнуть и развиваться.

Гимнастическія упражненія должны производиться такъ, чтобы при каждомъ движеніи, при каждомъ шагѣ внутри юноши возникало чувство: „моя сила растетъ". И это чувство должно владѣть душой, наполнить ее здоровымъ, радостнымъ чувствомъ благоденствія. Чтобы руководить *такими* гимнастическими упражнеіями, не достаточно точныхъ знаній анатоміи и физіологіи человѣческаго тѣла. Здѣсь необходимо интимное пониманіе, интуитивное прочувствованное знаніе взаимодѣйствія, которое существуетъ между опредѣленными положеніями и движеніями человѣческаго тѣла и чувствомъ радостнаго довольства. Руководитель гимнастическихъ упражненій долженъ личнымъ опытомъ переживать радостное ощущеніе силы, вызываемое опредѣленными положеніями человѣческаго тѣла, и знать, какія движенія влекутъ за собою какъ бы потерю силы и т. д. Чтобы вести физическія упражненія въ такомъ направленіи, воспитатель долженъ обладать тѣмъ душевнымъ настроеніемъ, которое дается истинными знаніями. Кто начнетъ правильно примѣнять ихъ, тому сама жизнь подтвердитъ ихъ истинность лучше всякихъ теорій и логическихъ основаній, ибо духовныя истины лучше всего познаются по ихъ плодамъ.

Съ достиженіемъ половой зрѣлости рождается астральное тѣло. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ послѣдняго наступаетъ пора для воздѣйствія на Я человѣка всего того, что раскрывается въ мірѣ отвлеченныхъ идей, въ способности сужденія, въ свободномъ умоза-

ключеніи. Мы уже упоминали о томъ, что эти душевныя способности должны были развиваться безъ непосредственнаго воздѣйствія на нихъ, лишь подъ вліяніемъ косвенныхъ воспитательныхъ воздѣйствій, такъ же какъ въ организмѣ матери безъ непосредственнаго вліянія свѣта и звука развиваются глаза и уши. Съ достиженіемъ половой зрѣлости наступаетъ время, когда человѣкъ созрѣваетъ для составленія собственнаго сужденія обо всемъ томъ, чему ранѣе научился. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ преждевременно вызываемое собственное сужденіе. Судить слѣдуетъ только тогда, когда предварительно заготовленъ матеріалъ для сужденія и для сравненія, въ противномъ случаѣ получаются необоснованныя сужденія. Вся односторонность жизни, всѣ пустопорожнія „вѣрованія", основанныя на кой-какихъ крохахъ знанія, съ точки зрѣнія которыхъ легкомысленно судятъ о высочайшихъ переживаніяхъ человѣчества, происходятъ отъ ошибки воспитанія въ этомъ направленіи. Прежде чѣмъ созрѣть для мышленія, надо научиться уважать то, что думали другіе. Не можетъ быть здороваго мышленія, если ему не предшествовало здоровое чувство правды, основанное на вѣрѣ въ несомнѣнные авторитеты. Если бы эта идея проводилась въ воспитаніи, не приходилось бы встрѣчать обычнаго явленія, что молодые люди, воображая себя уже достаточно созрѣвшими для самостоятельнаго сужденія, мѣшаютъ тѣмъ самымъ великому жизненному опыту воздѣйствовать на ихъ сознаніе, ибо каждое сужденіе человѣка, не построенное на естественномъ фундаментѣ душевнаго опыта, способно только испортить его жизнь, потому что разъ сужденіе составлено, человѣкъ навсегда остается подъ его вліяніемъ и не принимаетъ уже жизненныхъ явленій такъ ясно и свободно, какъ онъ ихъ принялъ, если бы его сознаніе было открытымъ. Умозаключенія должны бы складываться по поводу окружающаго лишь послѣ того, какъ высказались всѣ остальныя душевныя силы; въ началѣ роль ума должна быть посредствующая. Онъ долженъ служить только для того, чтобы воспринять видимое и чувствуемое такъ, какъ оно дается, не стремясь подчинить его своему незрѣлому сужденію. Поэтому юношѣ этого возраста лучше всего не знакомиться съ разными умозрительными теоріями. Въ этомъ возрастѣ самое важное, чтобы вся полнота жизни воздѣйствовала на него и какъ можно цѣльнѣе воспринималась молодой душой. Конечно, можно знакомить юношу съ тѣмъ, что люди думали о различныхъ явленіяхъ, но слѣдуетъ ограждать его, чтобы, благодаря преждевременному сужденію, онъ не замкнулъ свою мысль въ узкій кругъ.

Онъ долженъ умѣть выслушивать самыя разнообразныя мнѣнія, не примыкая до періода возмужалости ни къ какой партіи. Чтобы довести такую систему до конца, нужно со стороны учителя и воспитателей много такта, и именно такое углубленное міросозерцаніе, основанное на наукѣ духа, способно дать этотъ тактъ. Мы могли здѣсь изложить только нѣсколько точекъ зрѣнія на воспитаніе въ смыслѣ науки духа. Наша задача и состояла въ томъ, чтобы указать на ея культурную задачу въ дѣлѣ воспитанія. И чтобы ея воздѣйствіе оказалось дѣйствительнымъ, для этого необходимо ея распространеніе въ возможно широкихъ кругахъ. Чтобы это стало возможныхъ, необходимы два условія. Во-первыхъ, чтобы отказались отъ предразсудковъ относительно науки духа. Тотъ, кто ей довѣряется, убѣдится, что это вовсе не фантазированіе, какъ многіе все еще думаютъ. Это не упрекъ, потому что такое отношеніе вполнѣ естественно при современныхъ условіяхъ развитія, большинство *должно* смотрѣть на теософовъ какъ на фантазеровъ и мечтателей. При поверхностномъ взглядѣ иного вывода и сдѣлать нельзя, такъ какъ выступающая въ качествѣ науки духа Теософія и все, что современная культура считаетъ основаніемъ здраваго міровоззрѣнія, идутъ, повидимому, въ разрѣзъ, и только при болѣе глубокомъ изслѣдованіи раскрывается, какъ неизбѣжны противорѣчія современныхъ воззрѣній и какъ они останутся безнадежно непримиримы, если основой міросозерцанія не станетъ наука духа.

Второе, что необходимо—это правильное развитіе самой Теософіи. Только тогда, когда всюду въ теософическіе круги проникнетъ ясное сознаніе, что весь смыслъ Теософіи въ самомъ широкомъ примѣненіи ея ученій ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ, а не въ теоризированіи, тогда только для воздѣйствія Теософіи начнутъ раскрываться различныя области жизни; иначе на Теософію будутъ продолжать смотрѣть какъ на какое-то религіозное сектанство отдѣльныхъ странныхъ мечтателей. Лишь полезная, примѣнимая къ жизни духовная работа Теософіи можетъ вызвать широкое распространеніе ея ученій, способныхъ оздоровить и одухотворить всѣ области человѣческой жизни

Пер. К.

Печатая талантливую статью д-ра Р. Штейнера о воспитаніи, мы думаемъ, что открываемъ новые горизонты для правильной постановки труднаго и сложнаго педагогическаго дѣла. Эта статья, указывая на

послѣдовательное развитіе нашихъ оболочекъ, бросаетъ совершенно новый свѣтъ на задачи воспитанія. Что же касается вопроса о цвѣтѣ, которымъ слѣдуетъ окружать ребенка, то мы не можемъ не указать на научныя изслѣдованіи Э. Горбацевича (О вліяніи цвѣтныхъ лучей на развитіе и ростъ млекопитающихъ) и на труды нашихъ піонеровъ-педагоговъ (Фребель), приводящія къ инымъ выводамъ.

Прим. Ред.

ИЗРѢЧЕНІЯ ИЗЪ КОРАНА.

Четыре драгоцѣнности находятся въ человѣкѣ, но ихъ уничтожаютъ четыре вещи. Четыре драгоцѣнности суть: разумъ, религія, стыдъ-совѣсть и благочестивыя дѣла. Гнѣвъ уничтожаетъ разумъ; зависть—религію; заочная хула—благія дѣла, а корыстолюбіе уничтожаетъ стыдъ и совѣсть.

(Магометъ, О добродѣтеляхъ).

Совершенство религіи состоитъ въ желаніи добра другимъ.

(Девизъ Магомета).

Они спросятъ тебя о сущности духа. Скажи имъ: „Духъ былъ сотворенъ по повелѣнію Господа, но лишь немногіе изъ васъ обладаютъ знаніемъ этого".

(Коранъ, гл. XXVII, 87).

Есть только одинъ Богъ, и нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Живого и Неизмѣннаго.

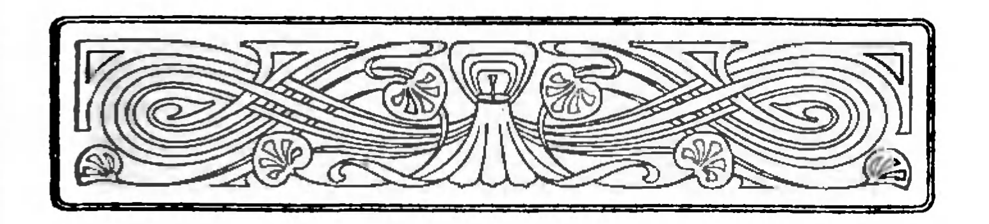
(Гл. II, 256).

Несомнѣнно, и вѣрующіе, и іудеи, такъ же какъ христіане и сабеи, словомъ всѣ, кто признаетъ Бога и день страшнаго суда, и будутъ творить добро—всѣ они получатъ награду отъ Господа.

(Гл. II, 59).

Богъ знаетъ лучше другихъ, что таится въ вашемъ сердцѣ; Онъ знаетъ, насколько вы правы.

(Гл. XXVII, 26).

Океанъ бытія.

(Оккультная сказка).

Э. Иннесъ.

Я сидѣлъ на морскомъ берегу и всматривался въ океанъ, въ необъятное, волнующееся пространство, и, по мѣрѣ того, какъ я наблюдалъ его великое движеніе, какъ волна за волной бросалась на берегъ, разбиваясь въ брызги, я почувствовалъ свое существо приливающимъ и отливающимъ вмѣстѣ съ морскимъ приливомъ и отливомъ, я почувствовалъ себя струящимся съ каждой набѣгающей волной. Съ каждымъ прибоемъ я былъ отбрасываемъ на дно своего собственнаго существованія, а затѣмъ я отступалъ назадъ, въ великій океанъ жизни. Я оставилъ мое тѣло на морскомъ берегу, чтобы слѣдовать за убѣгающимъ отливомъ, и когда я погружался въ великій океанъ матеріи, я чувствовалъ себя спускающимся въ глубины моей собственной внутренней природы. И я плавалъ тамъ подобно маленькой рыбкѣ, плавалъ въ океанѣ живого вещества, минуя морскихъ чудовищъ; нѣкоторыя изъ нихъ съѣдали меня, но я все же былъ живъ, я свободно проходилъ черезъ ихъ тѣла. Но я жаждалъ безусловной свободы; во мнѣ трепетала и меня притягивала жизнь единаго великаго океана, и мнѣ дѣла не было до чудовищъ глубины; я искалъ корня бытія, властелина океана, источника его жизни. Отливъ ослабѣвалъ, и когда онъ смѣнялся приливомъ, я чувствовалъ какъ жизнь внутри меня вздымалась и прибывала; кровь, переливавшаяся въ моихъ жилахъ, казалось мѣняла свое направленіе съ каждымъ новымъ движеніемъ водяной громады, и въ то же время перемѣщалось все мое пониманіе вещей.

Съ убывающимъ отливомъ я былъ увлеченъ въ глубины океана, и когда меня втянуло въ его бездну, я проносился мимо всѣхъ чудовищъ глубины. Теперь же, съ прибывающимъ приливомъ, я зналъ, что возвращаюсь туда, откуда исшелъ; но куда же дѣвались чудовища глубины? Ихъ болѣе не было, и я уже не проносился черезъ ихъ тѣла, я поднимался вмѣстѣ съ великой приливающей волной жизни, и я зналъ, что увеличиваюсь, расту и прибываютъ во мнѣ силы.

Я наблюдалъ теперь не матерію, а жизнь, зыбящуюся вокругъ меня, и когда я волною катился обратно къ берегамъ, я замѣтилъ странное зрѣлище. Въ водѣ не было болѣе живыхъ существъ; но я видѣлъ, какъ все тѣло океана пронизывалось лучами свѣта, словно просверленное нитями ослѣпительно золотого сіянія—сверкающая сѣтчатая ткань изъ свѣта вверху, внизу и вокругъ меня. Съ этимъ сошествіемъ свѣта, вещество океана измѣнилось; оно перестало быть веществомъ, оно стало океаномъ дыханія. Я вздохнулъ: теперь океанъ былъ *моимъ* дыханіемъ, свѣтозарная сѣть была моимъ тѣломъ, сквозь которое ритмически пульсировала моя собственная жизнь, и теперь мое тѣло, сотканное изъ свѣтовыхъ лучей, обнимало весь океанъ, волны котораго изъ водяныхъ превратились въ воздушныя. Съ возвратомъ прилива вся природа моего существа измѣнилась; я уже пересталъ существовать среди океана матеріи, я жилъ въ лучахъ свѣта, танцующихъ на поверхности воздушнаго океана, и вездѣ, гдѣ свѣтовые лучи скрещивались, я видѣлъ, словно драгоцѣнный камень ярко вспыхивалъ и сверканіе его отражалось въ моемъ маленькомъ тѣлѣ, распростертомъ на прибрежьѣ. Съ возвратомъ прилива я почувствовалъ, какъ всѣ многочисленныя существа океана слились въ одно, и это одно большое существо былъ я самъ.

* * *

День приближался къ концу, солнце быстро спускалось къ горизонту; я шелъ на западъ по полямъ, глядя на небеса, загорѣвшіяся пылающими оттѣнками заката. Когда солнце совсѣмъ исчезло за горизонтомъ, я опустился на землю и силы начали покидать меня. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ солнца—дыханіе какъ бы покинуло мое тѣло. Это былъ не обморокъ, я только пересталъ дышать и сдѣлался совершенно пассивнымъ. Но одновременно съ прекращеніемъ дыханія, странная дѣятельность возникла внутри моего тѣла. Я почувствовалъ, какъ всѣ влажные элементы внутри

меня собрались вмѣстѣ и образовали вокругъ меня какъ бы оболочку изъ паровъ. Я ощущалъ нѣжное и тонкое расцвѣтаніе какъ-бы цвѣтовъ персика на кожѣ, которая, казалось, облекала меня. Я взглянулъ на луга и увидѣлъ, какъ осенній туманъ поднимался надъ ними; я чувствовалъ, какъ онъ поднимался, но чувствовалъ это по новому, какъ никогда раньше. Я зналъ теперь, *что* испытываетъ земля, когда заходитъ солнце, извлекая изъ нея всѣ элементы влаги, ибо я пережилъ это самъ; я испытывалъ, какъ душа моя выходила изъ меня, извлекаемая заходящимъ солнцемъ, чтобы свободно носиться вокругъ меня, и ощущеніе это было восхитительно. Я не чувствовалъ болѣе границъ своего тѣла. Не было болѣе тѣхъ опредѣленныхъ очертаній, которыя облекали мое тѣло, когда солнце оставалось на небесахъ. Казалось, появился новый элементъ, промежуточный между землею и воздухомъ, и внутри меня возникла новая природа, промежуточная между веществомъ и дыханіемъ.

Но я все же продолжалъ жить, хотя дыханіе и прекратилось во мнѣ, и элементы моего тѣла сохраняли взаимную связь какимъ-то другимъ способомъ. Какъ только это пресуществленіе произошло, слабость покинула меня, и я всталъ и направился домой; но по мѣрѣ того, какъ я ступалъ по землѣ, какія удивительныя новыя ощущенія испытывалъ я! Новая способность проникновенія родилась во мнѣ, и даже не во мнѣ, а внутри моихъ ногъ.... Совершенно такъ же, какъ, поднимая глаза къ небесамъ, видишь каждый разъ всѣ свѣтила снова, и при каждомъ прикосновеніи моихъ ногъ къ землѣ во мнѣ рождалась новая способность познаванія. Я видѣлъ внутри земли, и каждый слѣдъ, оставляемый мною, превращался въ живое воспоминаніе. Я оглянулся и, по мѣрѣ того, какъ я смотрѣлъ на свои собственные слѣды, они вызывали во мнѣ рядъ впечатлѣній отъ скрытой природы земли. Казалось, что я получилъ способность видѣть ступнями внутри земли, и я увидалъ тамъ столько же драгоцѣнныхъ камней, сколько звѣздъ на небесахъ. Снова и снова наступалъ я ногами на росистую землю и каждый разъ испытывалъ новый толчекъ, подобный тому, когда неожиданно сталкиваешься съ предметомъ, котораго ранѣе не замѣчалъ.

Много новаго раскрывается въ теченіе эволюціи, но могъ ли я развить въ одинъ мигъ, въ моментъ заката, новый органъ зрѣнія въ подошвахъ моихъ ногъ? Я снова сѣлъ, чтобы разсмотрѣть свои ноги, и къ великому моему изумленію увидѣлъ на нихъ нѣчто, чего ранѣе на нихъ не было. Тамъ, на подошвахъ обѣихъ ногъ,

виднѣлся словно отпечатанный большой кругъ съ клинообразными спицами внутри. Это было какъ бы отраженіе могучаго пламеннаго свѣтила, которое, передъ исчезновеніемъ за горизонтъ оставило свой отпечатокъ на подошвахъ моихъ ногъ. Я началъ ихъ тереть, въ надеждѣ не исчезнетъ ли съ нихъ эта странная печать, но знакъ оставался неизгладимымъ. Мои ноги пылали; мало того, онѣ свѣтились красноватымъ свѣтомъ. Я продолжалъ итти, пока онѣ не заныли отъ разнообразія новыхъ впечатлѣній. Кругъ на подошвахъ обѣихъ ногъ испытывалъ все большее и большее утомленіе, подобно глазамъ, когда они устаютъ отъ слишкомъ долгаго разглядыванья интересныхъ предметовъ. Что мнѣ было дѣлать? Я долженъ былъ вернуться домой до наступленія темноты, а сумерки ужъ надвигались на меня. Я началъ ступать не подошвами, а краями моихъ ступней, и немедленно новая способность воспріятія покинула меня. Я побѣжалъ на кончикахъ ногъ—новой силы какъ не бывало. Затѣмъ я опять наступалъ всею ступней и опять видѣлъ насквозь, что творится въ нѣдрахъ земли. Что же я видѣлъ? Прежде всего я замѣтилъ, что земля была вся въ огнѣ: послѣ заката солнца, когда оно извлекло всѣ влажные элементы изъ земли, она казалось разрывалась внутри на множество живыхъ пламеней. Я увидѣлъ миріады маленькихъ огоньковъ и каждый изъ нихъ давалъ жизнь крошечному шару, помощью своего свѣта и тепла, и міровое вещество казалось раздѣлившимся, но безъ всякаго отчужденія частицъ. И новый законъ, новый порядокъ, казалось, управлялъ ихъ дѣятельностями. Произошелъ какъ-бы поворотъ, измѣнилось самое направленіе ихъ огненной жизни; сила перестала стремиться къ поверхности; она устремилась теперь къ центру. Земля уже не горѣла влеченіемъ къ великому огненному свѣтилу, существующему внѣ ея; теперь внутри ея возникло множество крошечныхъ пылающихъ свѣтилъ и каждое изъ нихъ управляло своей собственной маленькой сферой. Въ тотъ моментъ былъ отливъ внутренной жизни земли и благодаря этому душа земли могла на время освободиться, такъ же, какъ *моя* душа смогла ускользнуть изъ моего тѣла благодаря смѣнѣ жизненнаго прилива на отливъ.

Дома я опять передумывалъ мои странныя переживанія и снова осмотрѣлъ ступни моихъ ногъ; отпечатокъ солнечнаго круга исчезъ, но центральная точка исчезнувшаго колеса продолжала быть крайне чувствительной при прикосновеніи. Было такое же чувство, какъ если бы я дотрагивался до своихъ глазъ, прикрытыхъ вѣками. Нѣчто тонко чувствующее осталось тамъ.

Мои мысли обратились снова къ этимъ приливамъ и отливамъ, къ этимъ удивительнымъ дѣятельностямъ природы, къ проявленіямъ элементовъ, которые возобновляются изъ года въ годъ, изъ столѣтія въ столѣтія черезъ необозримую вѣчность. Съ какихъ поръ поднимается солнце на востокѣ и заходитъ на западѣ? Съ какихъ поръ земныя тѣла рождаются и увядаютъ? Съ какихъ поръ воздухъ служитъ дыханіемъ для этихъ тѣлъ? Съ тѣхъ поръ, какъ возникъ ростъ, возникло и время.

На другое утро, когда я сидѣлъ на морскомъ берегу и слѣдилъ за начавшимся отливомъ, я снова почувствовалъ, какъ тѣсно соединены эти жизнедѣятельности океана съ моимъ собственнымъ тѣломъ. Я зналъ, что именно благодаря имъ я буду въ состояніи возродиться въ великомъ моемъ Тѣлѣ. Не удастся ли мнѣ погрузиться въ это море матеріи, не покидая моего собственнаго маленькаго тѣла на морскомъ берегу? И въ отвѣтъ на это волны, казалось, зашептали мнѣ:

„Не оставляй своего тѣла, возьми его съ собой; одну лишь личность свою покинь на берегу. Въ тѣлѣ твоемъ—зачатокъ будущаго твоего величія; черезъ него воспринимаешь ты всѣ прикосновенія Матери-Природы, которыя тихимъ шопотомъ разоблачаютъ передъ тобой тайны вселенской жизни".

И тогда я очутился въ сторонѣ отъ своего тѣла, и я смотрѣлъ на него, какъ морякъ смотритъ на свой компасъ. Въ это утро я чувствовалъ, что плыву на поверхности океана матеріи, а не внутри его; и я держалъ въ рукахъ мое тѣло, какъ чрезвычайно чувствительный, легко отзывающійся инструментъ, вносящій въ списки каждое движеніе волнъ, каждое дуновеніе воздуха. Я почувствовалъ мое высшее Я свободнымъ, несущимъ мое маленькое „я" въ своихъ рукахъ, но давало направленіе и держало курсъ въ это утро не большое, а маленькое я. При помощи маленькаго тѣла расширенный и освободившійся разумъ и дѣлалъ свои вычисленія; безъ него большое Я затерялось бы въ океанѣ космическаго проявленія.

И тогда я призналъ въ своемъ маленькомъ тѣлѣ орудіе для опредѣленія отлива и прилива жизни души—орудіе, отмѣчающее указанія компаса и опредѣляющее границы дѣятельности разума; я видѣлъ, какъ оно удостовѣряло глубину океана и размѣръ земли, отзываясь съ такой чувствительностью на законъ притяженія, о какой человѣкъ не имѣетъ и понятія. Я увидѣлъ на моемъ маленькомъ тѣлѣ ясно начертанные пути небесныхъ свѣтилъ. Я увидалъ его связаннымъ по всѣмъ направленіямъ цѣпями,

выкованными природой; я увидалъ его плѣнникомъ во власти величественной силы и дивился, *какъ* можетъ человѣкъ толковать о свободной волѣ. И послѣ этого мое свободное большое Я подняло мое маленькое тѣло и притронулось имъ къ какой-то магической пружинѣ, и вдругъ.... всѣ связи и цѣпи порвались, я не былъ болѣе связанъ съ приливами и отливами природы; я былъ оторванъ и одинъ. Я не заносилъ болѣе въ книгу бытія дѣятельности Матери-Природы; я былъ какъ бы вынутъ изъ нея и вложенъ въ раковину или скорлупу, и эта раковина или скорлупа, въ которую было вложено мое тѣло, была моя собственная маленькая личность, выброшенная на морской берегъ волнами сверхличной жизни.

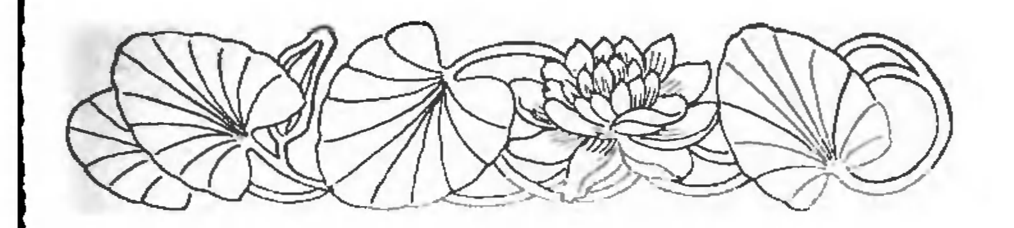
А затѣмъ, когда мое тѣло узнало продолженіе своихъ силъ, оно закричало, прося освобожденія; оно не хотѣло болѣе этихъ предѣловъ, ограничивающихъ его со всѣхъ сторонъ, не хотѣло болѣе отрыва отъ остальныхъ силъ природы; оно стремилось снова приковаться всѣми силами природы къ берегу и къ океану и жаждало еще разъ стать орудіемъ или даже игрушкой Великихъ Элементовъ.

Что же было мнѣ дѣлать? Предстояло ли мнѣ, маленькой личности, потерять мое маленькое тѣло? Слѣдовало ли мнѣ, опустѣвшей раковинѣ, быть выброшенной на берегъ и остаться опустошенной, разъ „животное“ покинуло ее, чтобы снова жить въ океанѣ бытія?

„Нѣтъ—отвѣчали волны океана,—не оставайся на берегу. Такъ же, какъ твое животное тѣло должно вернуться на родину, чтобы пребывать въ совершенномъ сочувствіи съ Великими Элементами, такъ же должна и твоя маленькая личность расширяться, пока она не достигнетъ совершеннаго сочувствія съ *Великой Личностью*. И тогда ты будешь имѣть тѣло для выполненія твоихъ приказаній и тогда оно станетъ *Великимъ тѣломъ*, заключающимъ въ себѣ множество маленькихъ жизней, послушнымъ твоему голосу и знающимъ свое Имя“.

Перев. съ англійскаго **Е. П.**

Теософія въ Болгаріи.

Болгары никогда не были народомъ особенно религіознымъ, даже тогда, когда они еще были подъ игомъ турокъ. За послѣдніе же годы, подъ вліяніемъ Запада, вѣяніе матеріализма охватило все болгарское общество; давно оторванная отъ церкви, интеллигенція совершенно ушла въ позитивизмъ. Эта крайность вызвала реакцію. Началось тревожное исканіе, обнаружившееся впервые въ увлеченіи спиритизмомъ и его теоріями. Но спиритизмъ не удовлетворилъ духовныхъ исканій болгаръ, хотя и многихъ отвратилъ отъ грубаго матеріализма. Исканіе продолжалось. Когда явились первые піонеры Теософіи, то это ученіе сразу возбудило большой интересъ и всеобщее сочувствіе.

Теософское движеніе въ Болгаріи ведетъ свое начало съ 1900 г. Въ 1903 г. въ Софіи была учреждена первая болгарская теософская вѣтвь, а въ слѣдующемъ году были организованы еженедѣльныя публичныя лекціи. Чтенія были также предприняты и въ другихъ городахъ Болгаріи, и интересъ къ Теософіи сталъ быстро возрастать. Въ октябрѣ 1904 г. вышелъ первый № болгарскаго теософскаго журнала „Бѣлгарски Теософски ПрАгледъ", выходившій ежемѣсячно въ теченіе трехъ лѣтъ. Затѣмъ онъ прикончилъ свое существованіе, но его скоро замѣнилъ новый журналъ подъ названіемъ „Путь въ тебѣ". Этотъ маленькій журналъ главнымъ образомъ знакомитъ съ богатой теософской литературой и даетъ рядъ интересныхъ очерковъ по міровой мистикѣ. Онъ также задается цѣлью знакомить съ духовною жизнью другихъ народовъ и даетъ изящные очерки и психологическіе этюды, которые раскрываютъ намъ съ самой задушевной стороны сердца азіатскихъ и африканскихъ народовъ.

Въ настоящее время въ Софіи уже двѣ теософическія вѣтви міровогo общества и нѣсколько десятковъ членовъ разсѣяны въ провинціи. На болгарскомъ языкѣ уже изданъ цѣлый рядъ теософскихъ книгъ, главнымъ образомъ переводы съ англійскаго и французскаго языковъ.

Теософское движеніе въ Болгаріи носитъ по преимуществу научно-философскій, а не религіозный характеръ, и большинство лекцій посвящается научному обсужденію теософскихъ вопросовъ. Такія чтенія и бесѣды привлекаютъ въ Софіи многочисленную публику и Теософія замѣтно распространяется. Интересно, что большинство примыкающихъ къ движенію — бывшіе атеисты и матеріалисты. Это объясняетъ, почему теософское движеніе въ Болгаріи носитъ болѣе научно-философскій, чѣмъ религіозный характеръ. Наиболѣе интересуются въ Болгаріи вопросомъ о сложной человѣческой сущности и независимостью духовнаго міра отъ физическаго. Ученія о вибраціяхъ, о духовной эволюціи, о возможности познать сверхчувственные міры вызываютъ самый живой интересъ. Спиритизмъ, дающій конкретныя доказательства въ пользу реальности загробнаго міра, сыгралъ большую роль въ дѣлѣ подготовки почвы въ воспріятію Теософіи въ Болгаріи *). Большую услугу оказала также Теософіи научная критика господствующей теоріи о подборѣ и наслѣдственности,—теоріи, признанной въ настоящее время уже во многихъ отношеніяхъ несостоятельной. Какъ извѣстно, эта теорія не въ состояніи объяснить происхожденіе таланта и генія. Ученіе о перевоплощеніи и кармѣ, бросающее столь яркій свѣтъ на всѣ задачи жизни, пользуется огромной популярностью въ Болгаріи и является связующимъ звеномъ между теософическими кружками и позитивистически настроенной интеллигенціей.

Больше всего теософовъ въ Софіи, гдѣ происходятъ регулярныя собранія и дѣятельная работа. За послѣдніе годы выпущено не менѣе 10 названій теософическихъ книгъ и брошюръ въ Софіи**). Въ другихъ городахъ еще нѣтъ теософическихъ центровъ,

*) Прим. Ред.: Пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ отмѣтить блестящія заслуги спиритизма въ борьбѣ съ матеріализмомъ. Методы работы Теософіи иные, но цѣли тѣ же: одухотвореніе жизни и изученіе духовныхъ законовъ, управляющихъ вселенной. Теософія, объединяющая въ своемъ синтезѣ всѣ духовныя исканія человѣчества, не можетъ не признать заслугъ спиритизма.

**) Это число очень немаленькое, если вспомнить, что болгарскіе теософическіе кружки не обладаютъ никакими капиталами и что движеніе растетъ исключительно благодаря самоотверженной и энергичной работѣ піонеровъ.

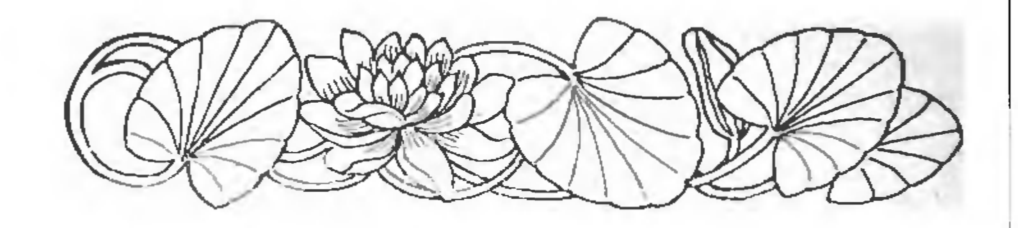
но есть много интересующихся. Отъ времени до времени предпринимаются теософическія турнэ по Болгаріи, благодаря которымъ и жители захолустья имѣютъ возможность познакомиться съ Теософіей.

Теософія начинаетъ проникать и въ другія славянскія земли. Въ Сербіи и въ Оберъ-Краинѣ читаются теософическія книжки и выписываются теософическіе журналы. Въ Богеміи, среди чеховъ, началось настоящее теософское движеніе, и на послѣднемъ международномъ конгрессѣ (Мюнхенъ, 1907 г.) среди представителей теософическихъ кружковъ говорилъ также и чехъ.

Мы не сомнѣваемся, что Теософія въ скоромъ времени заинтересуетъ всѣ славянскіе народы и распространится широкой волной въ славянскихъ земляхъ. Возвышенный идеализмъ и глубоко-религіозное отношеніе къ жизни, характеризующіе теософское ученіе, должны найти особенный откликъ въ сердцѣ той расы, въ которой никогда не переставало жить исканіе Бога и исканіе правды, той расы, черезъ которую по пророчеству Теософіи въ человѣчествѣ раскроется новое начало—начало духовное (Buddhi). Въ настоящее время уже раскрыты начало страстное (Kama) и начало интеллектуальное (Manas). Человѣчество готовится подняться на новую ступень сознанія; въ немъ должно раскрыться сознаніе духовное, то, которое Апостолъ называетъ „Христомъ", когда молится о „рожденіи Христа" въ нашей душѣ. Духовность (Buddhi) приведетъ человѣчество къ новой культурѣ, которая будетъ основана не на борьбѣ и обособленіи, а на братствѣ и любви.

Alba.

Обозрѣніе теософической литературы.

„Adyar Bulletin“ разсказываетъ подробно о путешествіи въ Австраліи президента Теософическаго общества, Анни Безантъ, перечисляетъ прочитанныя ею лекціи и говоритъ о радушномъ пріемѣ, всюду ей оказанномъ. Въ Пертѣ Анни Безантъ сказала рѣчь, посвященную Австраліи и ея будущему.

„Для величія націи нужны три вещи—заключила она свою рѣчь.—Нужна Мудрость, умѣющая подготовить и руководить, ибо только на мудрости зиждется истинный авторитетъ. Затѣмъ нужна Сила совершенія, чтобы выполнить то, что было подготовлено Мудростью. Третье—это Красота, ибо всякое проявленіе должно быть гармонично и соразмѣрно. На этихъ трехъ столбахъ должна молодая нація строить свою жизнь, чтобы постройка была долговѣчна: на Мудрости, Силѣ и Красотѣ...“

Въ теченіе своей мѣсячной поѣздки въ Австраліи Анни Безантъ прочла не менѣе 28 лекцій, не считая рѣчей и бесѣдъ въ теософическихъ центрахъ.

Въ іюлѣ Анни Безантъ обратилась къ общинамъ парсовъ съ горячей рѣчью, въ которой указывала имъ на необходимость учредить свою собственную школу, Центральный Коллэджъ Парсовъ, который могъ бы затѣмъ послужить образцомъ для дальнѣйшихъ учебныхъ заведеній этого рода. Въ центрѣ браманизма работаетъ уже нѣсколько лѣтъ Центральный Индусскій Коллэджъ, по образцу котораго нынѣ уже учреждено болѣе 14 такихъ учебныхъ заведеній. Настала очередь и парсовъ позаботиться о своей національной школѣ. Призывъ возбудилъ горячій откликъ въ парсахъ; набранъ уже значительный фондъ для этого дѣла и скоро будетъ приступлено къ постройкѣ образцовой школы парсовъ въ Индіи.

Еще интереснѣе свиданіе Mrs. А. Безантъ съ вице-королемъ Индіи. Анни Безантъ удалось заинтересовать вице-короля идеей національнаго университета въ Индіи, который бы пользовался полной автономіей и имѣлъ бы факультеты, которые бы явились каждый выразителемъ религіозной мысли въ Индіи, въ формѣ Индусской, Сакской, Магометанской, Парси, Буддической и Христіанской философіи. Есть надежда, что этотъ теософическій планъ богословскаго синтеза въ Индіи будетъ современемъ выполненъ.

Съ 1 сентября Анни Безантъ вернулась въ Адіаръ. Октябрь она проведетъ въ Сѣверной Индіи, а въ ноябрѣ снова вернется въ Адіаръ.

Кромѣ интересныхъ свѣдѣній о теософскомъ движеніи (въ каждомъ № прилагаются письма изъ разныхъ странъ, гдѣ идетъ теософическая работа), въ „Adyar Bulletin" помѣщаются статьи философскаго и этическаго характера. Обращаемъ вниманіе читателей, между прочимъ, на прелестный очеркъ Нилаканта Шастри о Ведахъ.

Въ „Theosophist'ѣ" (августовскомъ №) мы находимъ рядъ научныхъ статей, посвященныхъ N лучамъ, оккультной химіи и древней астрономіи.

N. Дэвидъ, на основаніи Священнаго Писанія, продолжаетъ доказывать существованіе ученія о Кармѣ и Перевоплощенія у евреевъ.

Э. Водгаузъ сопоставляетъ міровоззрѣніе грековъ индусскому міровоззрѣнію въ статьѣ „Метафизика Платона" и призываетъ теософовъ къ серьезному изученію Платона и его философіи.

Каролина Кэстъ изучаетъ Вернера „Сыны долины" и приходитъ къ убѣжденію, что забытый нѣмецкій поэтъ былъ великій мистикъ.

Въ статьѣ, подписанной нашей соотечественницей N., затрагивается очень интересный вопросъ для насъ: вопросъ о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ зарождается въ настоящее время новая раса въ Сибири, та подраса, которой, по предсказанію Е. П. Блаватской, суждено быть колыбелью VI расы будущаго. Авторъ беретъ разнообразные женскіе типы Сибири (дѣтей смѣшанныхъ браковъ между русскими и туземными народами) и нѣсколькими яркими штрихами очерчиваетъ эти смѣлые, прекрасные образы матерей грядущаго поколѣнія. Особенно выдѣляется героическій образъ Татьяны Куровѣровой, рѣшившей свою жизнь провести на маякѣ у Бѣлаго моря и соединявшей знанія врача съ самоотверженіемъ піонера.

Эта статья названа „Материнство расы".

„Revue Théosophique" (Lotus bleu) даетъ продолженіе очерковъ д-ра Паскаля „О сознаніи" и двѣ статьи Mrs. Анни Безантъ: „Мѣсто Учителей въ міровыхъ религіяхъ" и „Наука и Теософія".

Первая статья напоминаетъ, что во всѣ времена центральное мѣсто въ религіи народовъ занималъ образъ Учителя, воплощавшаго Божественную красоту, Божественное милосердіе и Божественное знаніе. У Его ногъ учились ближайшіе ученики, которымъ раскрывался религіозный эзотеризмъ; къ Нему стекались тысячныя толпы, жаждавшія услышать Слово жизни, и усталые, скорбные, больные уходили отъ Него здоровые и просвѣтленные. Каждая міровая религія имѣла своего Божественнаго Учителя; каждая ударяла свою опредѣленную ноту въ зависимости отъ времени и отъ характера народа, среди котораго раскрывалась Духовная Истина. Какъ человѣчеству нужно было для расцвѣта современной культуры погрузиться въ крайнее обособленіе (расцвѣтъ интеллекта идетъ рука объ руку съ культурой личности), такъ и народамъ надо было пройти черезъ ступень полной индивидуализаціи и потому каждому народу Божественное откровеніе давалось въ особенной, ему свойственной формѣ. Но человѣчеству суждено подняться на новую ступень сознанія, въ немъ должно раскрыться новое начало, духовное (Буддхи). Мы всѣ идемъ къ единенію и потому всѣ преграды, всѣ стѣны должны пасть между націями и индивидами. Теософія есть вѣстникъ этого свѣтлаго будущаго, вѣстникъ новой культуры и новой обновленной жизни, основанной на любви и на взаимопомощи, а не на соперничествѣ и борьбѣ. Теософія не приноситъ новой вѣры, но она сметаетъ пыль вѣковъ съ богатыхъ наслѣдій прошлаго и, раскрывая духовныя истины, лежащія въ эзотеризмѣ всѣхъ религій, приводитъ насъ къ признанію единства этихъ истинъ, а слѣдовательно и къ признанію братства всего человѣчества.

Въ статьѣ „Наука и Теософія" авторъ бросаетъ взглядъ на современное состояніе науки и на новыя гипотезы и открытія въ сферѣ физики, химіи, физіологіи и психологіи. Освѣщая современныя научныя задачи въ сферѣ Теософіи, А. Безантъ указываетъ, какую помощь Теософія приноситъ человѣчеству, какъ она новымъ пониманіемъ озаряетъ всѣ сферы знанія и человѣческой дѣятельности. Она, между прочимъ, останавливается на извѣстномъ мнѣніи о близости генія къ умопомѣшательству. Дѣйствительно, мозгъ генія часто теряетъ уравновѣшенность, а потеря уравновѣшенности ведетъ за собой опасность безумія; объясненій этому факту позитивистическая наука не въ силахъ дать. Въ чемъ же

дѣло? Сверхсознаніе геніальнаго человѣка силится проявиться черезъ грубый аппаратъ, не подготовленный еще къ болѣе тонкимъ и быстрымъ вибраціямъ. Отсюда рядъ измѣненій въ нервной системѣ и возможность утери равновѣсія. Теософія указываетъ на тѣ условія, при которыхъ высшія способности человѣка безопасно могутъ развиться; она даетъ опредѣленную систему и опредѣленные методы, основанные на знаніи космическихъ законовъ и человѣческой природы.

„Theosophical Review" разсказываетъ о послѣднихъ засѣданіяхъ Парижской Академіи Наукъ, на которыхъ M. Poincarré читалъ докладъ „О положительныхъ электронахъ" (до сихъ поръ были извѣстны только отрицательные электроны), открытіе которыхъ приводитъ его къ вопросу: не является ли электричество переходнымъ веществомъ между эфиромъ и матеріей?

Гг. Georges и Gustave Laudet демонстрировали свое открытіе о возможности фотографировать звукъ, при чемъ они пользуются не электричествомъ, а новымъ техническимъ пріемомъ, о которомъ пока умалчиваютъ.

Статья T. Cube посвящена силѣ воли. Авторъ убѣжденъ, что сила воли можетъ развиться только тогда, когда человѣкъ, просвѣтленный внутреннимъ трудомъ, достигаетъ полнаго душевнаго равновѣсія и перестаетъ что-либо желать для себя. Это сверхличное состояніе духа примѣнимо къ Евангельскому изреченію: „Чистые сердцемъ Бога узрятъ".

Очеркъ „Изъ записной книжки сестры милосердія" (Н. Гернетъ) даетъ рядъ психологическихъ картинъ изъ переживаній русско-японской войны. Очеркъ заканчивается переводомъ извѣстной статьи Тургенева „На порогѣ".

К. Кэстъ посвящаетъ статью разбору недавно появившейся утопіи, Г. Вельса, въ которой центральное мѣсто занимаетъ японское представленіе о Сверхчеловѣкѣ, Самураи (Samurai). По плану этой утопіи въ государствѣ долженъ быть классъ особыхъ одаренныхъ людей, живущихъ сверхличной жизнью и готовыхъ отдать всѣ свои силы на служеніе ближнимъ. Такимъ людямъ (Самураи) должна быть предоставлена широкая свобода дѣятельности, но государство должно ихъ обезпечить, не позволяя имъ тратить свои духовныя силы на заработокъ куска хлѣба. Оно должно такъ обставить ихъ, чтобы ихъ работа была наиболѣе продуктивна для всѣхъ. Самураи должны имѣть возможность ежегодно уходить на нѣсколько времени въ полное одиночество, чтобы среди тишины лѣсовъ и горныхъ ущелій собрать новыя силы и новое вдохно-

веніе для своего служенія на благо всѣмъ. При такихъ условіяхъ сверхсознаніе будетъ все болѣе и болѣе проявляться въ человѣчествѣ и сверхчеловѣческая эволюція получитъ реальное осуществленіе.

Г. Платнауръ пишетъ о еврейской мистикѣ, доказывая, что еврейская религія живая, а не мертвая вѣра, полная неизвѣданныхъ еще духовныхъ сокровищъ. Авторъ указываетъ на Филона, на Каббалу, на Зоаръ, на Исаака Лурія, на Соломона Габирола и на Моисея Мендельсона, воскресившаго ученіе Платона.

Разсказъ М. Вуда „Сонъ профессора" рисуетъ потрясающія переживанія человѣка, въ которомъ внезапно раскрылась память одного изъ прежнихъ воплощеній. Разсказъ написанъ съ тѣмъ художественнымъ чутьемъ, которое характеризуетъ Микаэла Вуда.

Въ сентябрьскомъ № этого журнала помѣщенъ другой ея разсказъ „Созерцатель", затрагивающій мистическій вопросъ о грѣхѣ и объ искупленіи.

Статья Лансонъ посвящена разсказу о переживаніяхъ семьи, переѣхавшей въ замокъ, въ которомъ оказались привидѣнія. Всѣ событія точно записаны и засвидѣтельствованы рядомъ лицъ, принимавшихъ участіе въ ихъ изслѣдованіи.

Въ статьѣ „Истинныя основы воспитанія" Мэри Ридутъ высказываетъ мысль, что наши неудачи въ сферѣ воспитанія происходятъ отъ того, что мы не даемъ нашимъ дѣтямъ достаточно могущественныхъ мотивовъ для работы воли. На первомъ планѣ лежитъ механическое выполненіе тѣхъ или иныхъ задачъ, тогда какъ дѣтямъ слѣдовало бы давать работу, польза которой была бы имъ вполнѣ ясна.

Во имя этой важной психологической задачи авторъ горячо ратуетъ за введеніе ручного труда въ общеобразовательныя учебныя заведенія. Ремесло не только дастъ разумную и вполнѣ доступную цѣль дѣятельности ребенка, но можетъ также дать исходъ тому избытку нервной энергіи, которая такъ безполезно и часто нежелательно проявляется въ дѣтскихъ шалостяхъ, когда дѣти отъ искусственной собранности въ классѣ переходятъ къ полной необузданности въ часы рекреацій.

„Annales Théosophiques"—новый теософическій журналъ, выходящій 4 раза въ годъ, даетъ въ послѣднемъ № двѣ интересныя статьи: Экспериментальный спиритуализмъ Леона Дени и статью Л. Ревела: Медіумичность, оккультизмъ и Теософія.

Знаменитый философъ-спиритъ Л. Дени противопоставляетъ въ своей статьѣ Западъ Востоку. Востокъ—говоритъ онъ—это

страна созерцанія, страна глубокаго размышленія, тамъ внутренняя жизнь на первомъ планѣ. Человѣкъ на Востокѣ больше всего интересуется религіозными и психологическими переживаніями; внѣшній міръ его гораздо меньше интересуетъ. Западъ же—это страна борьбы и интенсивной дѣятельности; здѣсь внѣшній міръ и внѣшнія явленія занимаютъ центральное мѣсто въ жизни. Лихорадочная дѣятельность человѣка на Западѣ вся обращена на матеріальныя цѣли; цивилизація Запада, какъ сказалъ Гамбетта, есть „варварство, освѣщенное газомъ и электричествомъ". Западно-Европейская культура далека отъ той истинной цивилизаціи, которая создаетъ, культивируетъ, и развиваетъ истиннаго, т. е. внутренняго человѣка. Съ этимъ фактомъ надо считаться. Если все вниманіе Запада обращено на внѣшнія явленія и на достиженіе матеріальныхъ благъ, то и борьба съ матеріализмомъ должна носить характеръ болѣе или менѣе грубо-матеріальный. Съ этой точки зрѣнія Леонъ Дени талантливо защищаетъ тезу спиритизма и указываетъ на тѣ послѣдствія въ наукѣ, къ которымъ привело изученіе спиритизма такихъ ученыхъ, какъ В. Круксъ, Р. Веллесъ, О. Лоджъ, Ломброзо и др. Соглашаясь съ опасностью, сопровождающею занятія практическимъ спиритизмомъ, онъ въ то же время указываетъ на пользу, приносимую спиритизмомъ человѣчеству въ борьбѣ съ матеріализмомъ, и видитъ въ этомъ фактѣ такую величину, которая перевѣшиваетъ всѣ отрицательныя его стороны *).

Работа Л. Ревеля **) стремится строго разграничить область медіумизма отъ серьезнаго оккультизма. Онъ справедливо замѣчаетъ, что подводить подъ вліяніе медіумизма величайшихъ мистиковъ всѣхъ временъ на ряду съ профессіональными медіумами, часто людьми очень неразвитыми, торгующими своими способностями и находящимися иногда подъ самыми нежелательными вліяніями, по меньшей мѣрѣ вещь неосторожная, ведущая къ полному смѣшенію понятій. Медіумомъ можетъ быть каждый человѣкъ, обладающій нѣкоторымъ психизмомъ, независимо отъ его нравственнаго облика. Мистиками же, являющимися посредниками между землею и высшими мірами, могутъ быть только люди духовно просвѣтленные, чистые, съ опредѣленной нравственной физіономіей, поднимающей ихъ значительно надъ обыкновеннымъ

*) Эта лекція была прочитана въ Теософическомъ Обществѣ, въ Парижѣ 5 апрѣля 1906 г.

**) Эта лекція была прочитана въ Парижѣ 3 мая 1908 г. въ Теософическомъ Обществѣ.

уровнемъ. Можно, конечно, играя словами, и Іоаину д'Аркъ, и Сократа, и Е. Блаватскую, и даже Іисуса Христа назвать въ этомъ смыслѣ медіумами, но это сопоставленіе слишкомъ шаткое и не выдерживаетъ серьезной критики. Въ томъ смыслѣ, въ которомъ обыкновенно употребляется слово „медіумъ", оно совершенно не примѣнимо къ такому высокому порядку явленій. Какъ посредники (медіумъ буквально означаетъ посредникъ), конечно всѣ мистики медіумы, но это чисто внѣшній признакъ, абсолютно не опредѣляющій внутренней цѣнности явленія. Всякая кликуша медіумична, но такіе великіе оккультисты, какъ тѣ, что основываютъ новыя религіи и новыя духовныя теченія, оккультисты, которые знаютъ, съ какими силами они имѣютъ дѣло и совершенно сознательно подчиняютъ себя ихъ свѣтлому вліянію, такіе оккультисты являются не въ каждомъ столѣтіи и должны мѣриться инымъ масштабомъ. Это настоящіе религіозные геніи, въ которыхъ вполнѣ раскрылось сверхсознаніе и черезъ которыхъ говорятъ съ нами Высшія Силы. Серьезные спириты знаютъ, сколько огорченій и разочарованій готовитъ этотъ эспериментальный методъ тѣмъ, кто имъ посвящалъ много времени и кто ищетъ въ спиритизмѣ нѣчто болѣе, чѣмъ поднятіе и опусканіе мебели, стуковъ въ стѣнѣ и витающихъ огоньковъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна брошюра графини Вахтмейстеръ, „Le spiritisme à la lumière de la Théosophie". Гр. Вахтмейстеръ долго сама занималась спиритизмомъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Она знала почти всѣхъ извѣстныхъ медіумовъ и болѣе 50 выдающихся спиритическихъ кружковъ. На основаніи своихъ наблюденій она приходитъ къ заключенію, что медіумичность чаще всего бываетъ худшаго рода одержимостью, и что весь спиритизмъ, какъ ученіе, является не болѣе, какъ частью великой системы, къ которой спиритизмъ открываетъ лишь двери.

Чтобы быть хорошимъ медіумомъ, надо развить въ себѣ полную пассивность, что объясняетъ безволіе большинства профессіональныхъ медіумовъ. Чтобы быть мистикомъ-оккультистомъ, надо выработать активную и могучую волю, одновременно способную совершать подвиги и безгранично отдавать себя Высшей Волѣ. Въ этомъ вся разница.

Очертивъ всѣ отрицательныя стороны экспериментальнаго метода, Л. Ревель, тѣмъ не менѣе, отдаетъ дань уваженія заслугамъ спиритизма и привѣтствуетъ его, какъ друга, въ борьбѣ съ матеріализмомъ. Какъ всякій экспериментальный путь, онъ вспахалъ почву; ему удалось расшатать скептицизмъ агностиковъ и

невѣріе ученыхъ; онъ, несомнѣнно, сыгралъ крупную роль въ исторіи мысли XIX вѣка.

„Hindu College Magazine“ даетъ статью Анни Безантъ „О вліяніи природы“, въ которой авторъ протестуетъ противъ ненормальнаго строя городской жизни и горячо зоветъ на лоно природы. Въ Англіи, какъ реакція противъ городской жизни, явились garden-cities (города въ садахъ), устроенныя въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крупныхъ центровъ *). Авторъ видитъ въ этомъ явленіи хорошее предзнаменованіе. Отъ статьи вѣетъ прохладой лѣсовъ и ароматомъ полей.

Двѣ хорошенькія индусскія легенды рисуютъ тонкую психологію индуса.

„Школа на открытомъ воздухѣ“ разсказываетъ объ интересной попыткѣ въ Англіи обновить школьный режимъ, „вынести школу на воздухъ“. Для пробы было выбрано 80 отсталыхъ дѣтей, страдающихъ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ; нѣкоторыя были слѣпыя, нѣкоторыя—не совсѣмъ ослѣпшія, нѣкоторыя—глухія и нѣмыя. Расписаніе дня было сдѣлано слѣдующее:

6.30. Вставаніе, умываніе, чистка шалашей.

7.30. Физическія упражненія и игры.

8. Завтракъ.

8.30. Приведеніе въ порядокъ, общая уборка лагеря.

9. Физическія упражненія, гимнастика дыханія до начала ученія.

9.15. Занятія на воздухѣ (обученіе языку).

10.30. Купаніе или гимнастика.

11.15. Ученіе (ариѳметика).

12. Рекреакція, закуска.

12.30. Обѣдъ.

1.15. Уборка.

2. Ученіе.

3. Гуляніе съ обязанностью наблюдать за природой, иногда еще купаніе.

4. Приготовленіе чая.

5. Чай для учителей и дѣтей, вечернія игры.

8. Ужинъ и дѣти ложатся спать.

Въ 8.30 в. всѣ дѣти были въ постели, а двери шалашей были раскрыты всю ночь, такъ что дѣти не переставали купаться въ чистомъ кислородѣ. Результаты получились блестящіе. По словамъ

*) Такая Garden-city существуетъ близъ Манчестера.

отчета самые неспособныя, вялыя и отсталыя дѣти стали выказывать интересъ къ жизни животныхъ, замѣчали приливъ и отливъ *) морской, движеніе лодокъ и пароходовъ и интересовались расцвѣтомъ и увяданіемъ растеній. Одно маленькое дитя, которое совершенно почти лишено дара рѣчи и исключительно объяснялось жестами, однажды подъ вліяніемъ нахлынувшихъ впечатлѣній, вдругъ заговорило; оно схватило руку учительницы и на своемъ косноязычномъ языкѣ съ трудомъ проговорило: „Здѣсь на морѣ, въ морѣ, много новыхъ вещей"... Разсказывая объ этомъ удивительно интересномъ экспериментѣ, Анни Безантъ призываетъ педагоговъ всѣхъ странъ работать въ этомъ направленіи и скорѣй выносить школу изъ душныхъ городскихъ стѣнъ на лоно матери-природы.

Въ статьѣ Лаксми Чанда „Нужды Индіи" авторъ обращаетъ вниманіе читателей на необходимость поднять народное образованіе. Онъ намѣренно не касается политики, которая, конечно, имѣетъ большое вліяніе на состояніе дѣла просвѣщенія, и взываетъ къ общественной инициативѣ, блестящій примѣръ которой уже много лѣтъ даетъ въ Индіи Теософическое Общество. Онъ напоминаетъ, что при самомъ демократическомъ строѣ народъ имѣетъ мало шансовъ подвинуться впередъ, если въ немъ не зародилась серьезная духовная жизнь, и высказываетъ убѣжденіе, что отъ постановки дѣла народнаго образованія зависитъ все будущее страны.

Въ статьѣ „Нѣкоторыя стороны политической эволюціи", Ф. Корлей дѣлаетъ анализъ нашему современному представленію о демократическихъ учрежденіяхъ и пониманію таковыхъ древними. Сочувствуя стремленію человѣчества выработать болѣе здоровыя и справедливыя нормы жизни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на опасность слишкомъ эмоціональнаго рѣшенія сложной соціальной проблеммы,—того настроенія, при которомъ легко и незамѣтно можно внести элементъ насилія въ осуществленіе самыхъ свободныхъ учрежденій. Еще Руссо говорилъ объ опасности „заставить человѣка быть свободнымъ".

Статья „Что такое жена", Анада Празадъ Гошъ, есть настоящій гимнъ, сложенный въ честь женской духовной силы и духовной ея красоты.

Очень интересна статья Субба Рао, въ которой онъ предлагаетъ, чтобы учащаяся молодежь училась непосредственно сопри-

*) Этотъ школьный лагерь былъ устроенъ на морскомъ берегу.

касаться съ жизнью, такъ чтобы активное отношеніе къ ея недочетамъ образовалось у нея съ раннихъ лѣтъ. Авторъ дѣлаетъ съ этой цѣлью два конкретныхъ предложенія: 1) чтобы въ каждой школѣ образовались союзы, которые брали бы на себя какую-нибудь просвѣтительную задачу или человѣколюбивое дѣло; напримѣръ, старшіе ученики могли бы брать на себя обученіе грамотѣ дѣтей бѣдныхъ или устраивать сборы для помощи голодающему населенію; 2) чтобы устраивались особыя собранія учащихся, на которыхъ могли бы свободно обсуждаться всѣ вопросы, интересующіе учащихся (за исключеніемъ политики, которую не слѣдуетъ вносить въ школьныя стѣны, по мнѣнію автора).

Нѣмецкій журналъ „Isis" переводитъ статью Ж. Мида *) „Реальное Мистическое", въ которой авторъ опредѣляетъ мистическое сознаніе, какъ „сознаніе единства, сознаніе единства во множественности и множественности въ единомъ". Онъ напоминаетъ объ опасности уходить всецѣло въ отвлеченную работу мысли, игнорируя задачи физическаго плана. По его мнѣнію, задача мистики состоитъ въ томъ, чтобы вдохновеніе, почерпнутое въ высшихъ сферахъ, внести въ работу жизни, ибо всѣ планы бытія сливаются воедино и земное наше существованіе не должно быть въ сознаніи оторвано отъ болѣе тонкихъ сферъ. Таково, по его мнѣнію, практическое разрѣшеніе задачи мистика, который долженъ своей жизнью доказать реальность того единства, которое онъ исповѣдуетъ.

Въ статьѣ „Двигатели человѣческой дѣятельности и свобода воли", Ф. Гартманъ характеризуетъ космическія силы, дѣйствующія на матерію какъ инерція (Tamas), движеніе (Rajas) и гармоническое равновѣсіе (Sattva), Гунасы, и приходитъ къ заключенію, что человѣкъ освобождается отъ ига матеріи (Tamas и Rajas) только тогда, когда онъ сознательно подчиняетъ свою дѣятельность воздѣйствію третьей силы природы, Satva, при помощи которой все приходитъ въ гармонію, въ сознательный и просвѣтленный покой. При такомъ душевномъ настроеніи силы человѣка могутъ особенно продуктивно быть использованы на любую работу, не тратясь на постоянныя личныя, эмоціональныя переживанія.

Въ „Дневникѣ Теософа" (C. Desiderius), мы находимъ нѣкоторыя глубокія мысли о духовной жизни. Приводимъ одну изъ нихъ: „Религія не есть нѣчто внѣшнее, она есть внутреннее состояніе. Я называю религіознымъ человѣкомъ того, кто постоянно

*) Редактора-издателя Theosophical Review.

стремится къ болѣе высокому внутреннему состоянію. Религія есть рядъ внутреннихъ дѣлъ, постоянное сліяніе съ Вѣчнымъ. Когда религія есть, то она направляетъ всю жизнь. Она не знаетъ компромиссовъ съ жизнью. Только тотъ человѣкъ воистину религіозенъ, который всю свою жизнь строитъ на основаніи своего познанія, не взирая ни на какія затрудненія, готовый даже порвать со всѣмъ, что его окружаетъ, если этого требуетъ исполненіе его долга".

Идетъ также статья Анни Безантъ „Задачи Теософическаго Общества", „Исканіе Св. Грааля", д-ра Грэвеля, и „Религія нашихъ прадѣдовъ", А. фонъ-Ульрихъ.

Въ статьѣ „Задачи Теософическаго Общества" Анни Безантъ вспоминаетъ исторію нашего движенія и нѣсколькими могучими штрихами очерчиваетъ планъ теософической работы по линіямъ свободнаго духовнаго творчества.

Д-ръ Грэвель мечтаетъ о религіозномъ и гармоничномъ воспитаніи. Задачи воспитанія, по его мнѣнію, должны были бы быть въ рукахъ мистиковъ. Онъ сравниваетъ разныя системы воспитанія (нѣмецкую и англійскую главнымъ образомъ) и находитъ, что во всѣхъ нихъ есть какіе-то важные пробѣлы. Наиболѣе высоко онъ ставитъ англійскую систему, которая даетъ не только здоровое развитіе, но и кладетъ основаніе тѣмъ психологическимъ элементамъ, изъ которыхъ складывается въ человѣкѣ серьезный, сильный и правдивый характеръ.

А. фонъ-Ульрихъ даетъ рядъ краткихъ историческихъ изслѣдованій, касающихся происхожденія славянскихъ народовъ. Объ этихъ интересныхъ очеркахъ мы поговоримъ впослѣдствіи, когда они будутъ закончены.

Журналъ для юношества „Lotus Journal" даетъ біографію Бетховена (съ красивыми иллюстраціями), путешествіе Свенъ Гедина, маленькій психологическій очеркъ А. Безантъ о „религіозномъ сознаніи" и разсказъ „Исторія стоячей воды", Т. Пола.

„Теософическое Обозрѣніе" (іюль—августъ), кромѣ продолженія „Идиліи Бѣлаго Лотуса", даетъ рядъ интересныхъ статей.

Статья „Позитивистъ и Мистикъ" (памяти И. С. Тургенева), Н. Носкова, справедливо указываетъ на то, что въ русскомъ позитивизмѣ всегда гдѣ-нибудь да скрывается не вполнѣ сознанное мистическое настроеніе. На основаніи цѣлаго ряда сочиненій Тургенева авторъ приходитъ къ убѣжденію, что Тургеневъ, несомнѣнно, былъ мистикъ. Характерны въ этомъ отношеніи послѣднія сочиненія великаго писателя: „Стихотворенія въ прозѣ" и особенно

„Клара Миличъ“, въ которой такъ ярко выражена мысль, что „любовь сильнѣе смерти“. Не менѣе поразительно и то, что раціоналистъ Тургеневъ создалъ глубоко-религіозный образъ Лизы. Авторъ заканчиваетъ свою интересную статью вопросомъ: „Не свидѣтельствуетъ ли все это о многогранной широтѣ творческаго духа Тургенева, который не уживался, какъ орелъ въ клѣткѣ, въ ограниченныхъ рамкахъ одного реалистическаго мышленія, бывшаго однимъ изъ свойствъ его славянскаго, великаго генія?!“

Въ статьѣ объ утилитаризмѣ А. Синайскій замѣчаетъ, что, выкидывая изъ мотивовъ человѣческой дѣятельности безкорыстное нравственное чувство, совѣсть, т. е. чистоту побужденія, мы лишаемъ человѣка нравственнаго достоинства. Изъ мутнаго же источника не можетъ течь чистая вода. Внѣшнее общественное благоустройство будетъ стоять прочно только тогда, когда сама нравственность будетъ зиждѣться на религіи и на религіозномъ отношеніи къ жизни.

Статья „Моя ложь“ предпринимаетъ любопытное психологическое изслѣдованіе по вопросу, насколько часто и по какимъ мотивамъ мы въ жизни уклоняемся отъ правдивости. Къ статьѣ приложенъ опросный листокъ. Предполагается собрать полученные отвѣты и, сдѣлавъ имъ общую сводку, дать читателямъ полученные выводы.

Въ дѣтскомъ отдѣлѣ два коротенькихъ разсказа: „О чемъ каркалъ воронъ“, Ф. Потѣхина, и „Въ тайнѣ“.

Въ научномъ отдѣлѣ разсказывается объ опытахъ знаменитаго д-ра Барадюкъ (dr. Baraduc) съ фотографіей вибрацій человѣческаго тѣла, о которыхъ недавно онъ читалъ лекцію въ Лондонѣ въ Теософическомъ Обществѣ. Послѣ лекціи онъ показалъ фотографическіе снимки этихъ вибрацій, удержанныхъ чувствительной пластинкой съ того или другого нервнаго центра. Вибраціи испытуемаго субъекта переходили на пластинку въ видѣ соотвѣтствующихъ волнъ, въ такомъ же легкомъ отпечаткѣ, какой получается черезъ стекло въ камерѣ. Такимъ образомъ, были показаны разнообразныя состоянія чувствъ: гнѣвъ, грусть, радость, состояніе молитвеннаго созерцанія. Одна фотографія представляла вибраціи телепатическаго общенія въ видѣ свѣтлыхъ, какъ будто привязанныхъ лучей. Д-ръ Барадюкъ еще не дѣлаетъ выводовъ, но думаетъ, что въ природѣ есть много неизвѣданныхъ тайнъ, ключъ къ которымъ, можетъ быть, дастъ намъ Востокъ.

Проф. Эсперанто разсказываетъ о международномъ конгрессѣ эсперантистовъ, бывшемъ въ 1907 г. въ Кембриджѣ. Несомнѣнно

что идея о всемірномъ, общедоступномъ языкѣ все больше и больше находитъ себѣ адептовъ.

Среди всѣхъ этихъ интересныхъ и симпатичныхъ статей (мы забыли упомянуть еще объ очеркѣ Осіяннаго „Жизнь и Смерть") дисгармоническую ноту вноситъ очеркъ Б. Санина „Духовныя легенды индусовъ". Мы уже высказывались о томъ, какъ мало подходитъ такое заглавіе для Теософическаго изслѣдованія: для теософа каждое религіозное сказаніе есть символъ духовной реальности; сказанія же о великихъ Посвященныхъ имѣютъ за собой и вполнѣ обоснованную историческую почву. Съ такимъ же правомъ могли бы народы Востока говорить о Новомъ Завѣтѣ, какъ о „духовныхъ легендахъ Европы", что, конечно, очень больно бы задѣло наше религіозное чувство. Кромѣ того, нельзя, давая очерки по такому важному вопросу, опираться на сомнительные европейскіе источники, окрашенные, къ сожалѣнію, слишкомъ часто тѣмъ непониманіемъ Востока, которое явно указываетъ на то, что эти авторы никогда не соприкасались съ восточнымъ эзотеризмомъ, и что духовная жизнь восточныхъ народовъ для нихъ закрытая книга. Всѣ разсужденія о кастахъ, объ упадкѣ и чуть не полномъ увяданіи геніальнаго народа, отъ котораго родились всѣ арійскія культуры, свидѣтельствуютъ о коренномъ непониманіи этихъ сложныхъ вопросовъ, давно серьезно разрабатываемыхъ въ теософической литературѣ *). Мы не отрицаемъ, что въ Индіи, какъ и вездѣ, по мѣрѣ отдаленія отъ тѣхъ славныхъ дней, когда было дано Божественное Откровеніе, религіозное вѣдѣніе въ массѣ затуманилось и матеріализировалось (тотъ же процессъ мы наблюдаемъ и въ другихъ религіяхъ), но живая струя эзотеризма не переставала бить живымъ ключомъ, и у этого родника пьютъ живую воду не одни индусы, а весь міръ. Для того, чтобы оцѣнить глубоко-духовную культуру народа, который Р. Дэвидсъ назвалъ истинными „дѣтьми солнца", нужно глубже познакомиться и съ ихъ литературой, и со всѣмъ строемъ ихъ жизни. Если бы поверхностный наблюдатель, пріѣхавшій съ Востока, сталъ на основаніи нашей грубой европейской жизни дѣлать выводы, связывая нашу культуру съ породившимъ ее (по видимостямъ) христіанствомъ, то не пришелъ ли бы онъ къ заключенію о нашемъ варварствѣ и о несостоятельности христіанства? Въ нашихъ столичныхъ трущобахъ нетрудно найти факты пострашнѣе обездо-

*) Secret Doctrine, H. P. Blavatsky; The science of peace, B. Das. Four religions, Annie Besant. Dharma, A. Besant. The wisdom of the Upanishads, A. Besant. Commentaries on Bhagavat Gita, Subba Rao и многія другія.

ленной жизни индусскихъ паріевъ... Что же касается до „возможнаго" возрожденія Индіи, то оно совершается на нашихъ глазахъ съ поразительной силой. Отсылаемъ читателя къ „Hindu College Magazine", въ которомъ ярко отражается эта обновляющаяся жизнь, ибо возрожденіе народа прежде всего сказывается въ его духовномъ подъемѣ и въ подъемѣ народнаго образованія. Въ свое время мы посвятили этому явленію цѣлую статью въ нашемъ журналѣ (см. февраль, „Теософія въ Индіи").

Обозрѣвая лѣтній № „Теософской жизни", мы должны также отмѣтить рядомъ, со многими интересными мыслями, нѣсколько съуживающую тенденцію журнала, который склоненъ обезцѣнивать духовныя теченія Востока и представляетъ ихъ односторонне, часто въ искаженномъ свѣтѣ. Особенно въ этомъ отношеніи грѣшитъ статья Рышковскаго „Индивидуальность и безсмертіе", въ которой авторъ совершенно смѣшиваетъ факира (обыкновеннаго психика) съ іогомъ (подвижникомъ). Намъ кажется, что такое грубое смѣшеніе на страницахъ теософическаго журнала крайне нежелательно. Оно указываетъ на коренное непониманіе вопроса, не говоря о томъ, что легкій поверхностный и нѣсколько высокомѣрный тонъ по отношенію къ религіознымъ вѣрованіямъ другихъ народовъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ духомъ Теософіи, съ духомъ истиннаго христіанства.

Горячо сочувствуя духовной работѣ нашихъ Смоленскихъ братьевъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны имъ напомнить, что знамя Теософіи, которое они рѣшились поднять, требуетъ самаго терпимаго, серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ вѣропониманію каждаго человѣка и каждаго народа, какъ бы чуждо оно намъ съ перваго взгляда ни казалось. Богатая теософическая литература даетъ ключъ къ такому духовному пониманію, освѣщая съ самой глубокой стороны непонятные намъ символы, обряды и обычаи.

Alba.

Научное обозрѣніе.

ВИВИСЕКЦІЯ.

Было время, когда осужденныхъ на казнь передавали въ руки врачей, предоставляя послѣднимъ возможность продѣлывать свои опыты надъ живыми людьми. Въ исторіи упоминается о подобныхъ экспериментахъ, произведенныхъ Эразистратомъ и Герофиломъ во времена египетскихъ царей Птоломеевъ.

Однажды великій герцогъ Тосканскій прислалъ Фаллопу, читавшему въ XVI столѣтіи курсъ анатоміи въ Пизанскомъ университетѣ, преступника съ разрѣшеніемъ лишить его жизни, предварительно подвергнувъ его какимъ угодно изслѣдованіямъ. Такъ какъ у преступника была лихорадка, то Фалоппъ рѣшилъ испытать на немъ сильныя дозы опія; принявъ вторую дозу, приговоренный умеръ. Въ 1474 году солдатъ изъ Медона, страдавшій каменной болѣзнью, былъ приговоренъ къ смерти, а потому переданъ въ полное распоряженіе врачей, которые сдѣлали ему нѣсколько операцій. Солдатъ выздоровѣлъ и получилъ помилованіе.

Иниціаторомъ идеи живосѣченія животныхъ считается извѣстный греческій врачъ Галіенъ, жившій во второмъ вѣкѣ по Р. Хр., въ царствованіе Императора Адріана. Свои опыты онъ производилъ главнымъ образомъ на обезьянахъ и на молодыхъ свиньяхъ. Съ тѣхъ поръ къ вивисекціи прибѣгали многіе извѣстные врачи, какъ-то Графъ, Гарвей и др., но главными распространителями живосѣченія, введшими его въ систематическое употребленіе, какъ опредѣленный научный методъ, были во Франціи физіологъ Magendie *), умершій въ 1855 году, и его знаменитый послѣдова-

*) Magendie первый установилъ съ достовѣрностью, что передніе корешки спинного мозга завѣдуютъ движеніями, а задніе—чувствительностью.

тель Claude Bernard (жившій отъ 1813 по 1878 г.), прозванный творцомъ общей физіологіи и экспериментальной медицины. Какъ Magendie, такъ и Claude Bernard были ярыми детерминистами, не признававшими никакого внѣматеріальнаго начала, а слѣдовательно враги виталистической школы.

Въ настоящее время подъ словомъ вивисекціи надо подразумѣвать всякія изслѣдованія надъ живыми животными, а именно прививки, фармакологическіе опыты и болѣе или менѣе глубокія пораненія, нанесенныя животному съ цѣлью провѣрить, какимъ частямъ организма соотвѣтствуютъ извѣстныя функціи. Сюда относится удаленіе по частямъ или цѣлаго органа, различные способы выведенія секретовъ (продуктъ выдѣленія железъ) наружу, перерѣзка сосудовъ и нервовъ, вырываніе, перекручиваніе, раздавливаніе ихъ всякими инструментами, разрушеніе различныхъ участковъ нервной системы и проч. Въ наше время ни одна лекція физіологіи не обходится безъ подобныхъ опытовъ.

Не отрицая жестокости самаго метода изслѣдованія, медики защищаютъ его какъ орудіе, безъ котораго не могла бы создаться физіологія и безъ котораго закрылись бы всѣ возможности будущаго для медицины. Кромѣ того всѣ вивисекторы оправдываютъ свои дѣйствія однимъ и тѣмъ же мотивомъ, т. е. существованіемъ въ мірѣ еще болѣе жестокихъ и дурныхъ вещей (кромѣ, конечно, главной цѣли: принести добытыми такимъ путемъ свѣдѣніями пользу человѣчеству).

„Если человѣчество до сихъ поръ терпитъ охоты на животныхъ—говоритъ профессоръ И. И. Павловъ, т. е. ихъ страданія и смерть ради развлеченія, если существуетъ убой животныхъ для прокорма людей, если самихъ людей тысячами на войнѣ подвергаютъ страданіямъ и смерти, то какъ возставать противъ принесенія животныхъ въ жертву одному изъ высочайшихъ стремленій человѣка къ знанію, одной изъ великихъ идей, идеи истины. Безъ опытовъ и наблюденій надъ животными у человѣческаго ума нѣтъ средствъ познать законы органическаго міра. Этимъ все и безапелляціонно рѣшается въ вопросѣ о законности живосѣченія".

Когда въ 1841 году на лекцію профессора Magendie явился американскій квакеръ и, обращаясь къ ученому на „ты", сталъ упрекать его въ отнятіи стольких жизней, то, выставивъ обычный рядъ возраженій, Magendie задумчиво добавилъ: „вотъ, въ борьбѣ съ охотой мы сошлись бы съ вами".

Въ своемъ введеніи къ изученію экспериментальной медицины Claude Bernard высказываетъ слѣдующую мысль: въ наукѣ, какъ

въ морали, какъ и во всемъ, только идея даетъ фактамъ ихъ цѣнность и значеніе. Одинаковые матеріальные факты могутъ имѣть противоположное нравственное значеніе, смотря по идеѣ, которая въ нихъ вложена. Низкій убійца, герой и воинъ одинаково вонзаютъ кинжалъ въ грудь своихъ ближнихъ. Что же различаетъ ихъ какъ не побужденіе? Хирургъ, физіологъ и Неронъ одинаково наносили поврежденія живымъ существамъ. Что же опять-таки отличаетъ ихъ другъ отъ друга, какъ не мотивъ дѣйствія? Отказаться отъ вивисекціи значило бы приговорить науку къ вѣчному statu quo.

Намъ кажется, что жертвой можно назвать только добровольный актъ отреченія или лишенія, а не отдачу того, что намъ не принадлежитъ. Поэтому, въ области медицины жертва приносится тогда, когда врачи экспериментируютъ сами надъ собой, дѣлая себѣ болѣзнетворныя прививки и принимая внутрь ядовитыя вещества. Въ „Запискахъ врача" Вересаева указанъ цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ. На такомъ же основаніи тотъ ученый, который добровольно легъ бы подъ ножъ вивисектора, принесъ бы несомнѣнную жертву на алтарь той истинѣ, которой онъ служитъ. Однако, въ анналахъ врачебной науки мы подобнаго случая не встрѣчаемъ.

Трудно не согласиться съ постановкой вопроса Cl. Bernard. Конечно, мотивъ очень важенъ; безъ сомнѣнія, между убійствомъ прохожаго для грабежа и убійствомъ на дуэли въ защиту оскорбленной чести огромная разница; но это вѣдь не значитъ, чтобы дуэль была хороша сама по себѣ и что ее слѣдуетъ оправдывать. „Низкіе убійцы", о которыхъ говоритъ французскій ученый, были осуждаемы и караемы во всѣ вѣка; что же касается идеи героизма, практикуемаго на войнѣ, во время которой „люди вонзаютъ кинжалы въ грудь своихъ ближнихъ", то она съ каждымъ днемъ теряетъ все больше и больше адептовъ, и недалеко, быть можетъ, то время, когда отрезвѣвшіе народы съ отвращеніемъ откажутся отъ такого способа защиты своихъ, увы, очень часто мнимыхъ правъ. Также точно и методъ живосѣченія не можетъ быть оправданъ, потому что онъ опирается на ложный принципъ. Если бы человѣчество дѣйствительно признало, что цѣль оправдываетъ средства, то оно вернулось бы назадъ на многіе вѣка, ибо вѣдь нѣтъ такого насилія, которое не творилось бы во имя кажущагося блага: принудительный трудъ, принудительный бракъ, принудительное служеніе чужимъ идеаламъ, принудительное изгнаніе, однимъ словомъ, всякое принужденіе давно превратилось въ тѣсную

одежду, которую духовно возмужалое человѣчество нетерпѣливо начинаетъ срывать со своихъ плечъ.

Мы отнюдь не стремимся доказать, что результаты, достигнутые путемъ вивисекціи, ничтожны для той науки, которая смотритъ на человѣка только какъ на искусно сложенный механизмъ. Такая постановка вопроса, при которой, выступая противъ творимаго зла, отрицаются данныя, добытыя при его помощи, намъ кажется ошибкой. Нельзя фактически отрицать существованія огромныхъ и доходныхъ колоній, пріобрѣтенныхъ цѣной кровавыхъ войнъ, повиновенія и смиренія избитыхъ рабовъ, удобствъ, получаемыхъ сельскими хозяевами отъ кастрированія половины домашнихъ животныхъ, изготовленія въ старину чудеснѣйшихъ кружевъ цѣлыми поколѣніями ослѣпшихъ надъ ними крѣпостныхъ дѣвушекъ и пр. и пр. Такъ же точно и возраженія противъ врачебной оцѣнки результатовъ вивисекціи кажутся блѣдными и слабыми при умалчиваніи о корнѣ вопроса, о допустимости самого метода живосѣченія *). Вѣдь всякіе опыты, повторяемые сотни и тысячи разъ въ какой бы то ни было области техники или промышленности, дадутъ въ концѣ концовъ какіе-нибудь результаты; такъ и сотни тысячъ животныхъ, которымъ по кусочкамъ вырѣзывали мозгъ, дробили и жгли нервы, пробивали черепа, дали возможность создать почти всю физіологію нервной системы, а въ послѣдніе годы—открыть связь между многими другими функціями и ихъ центрами. И это не можетъ и не должно удивлять насъ; наоборотъ, насъ удивили бы отрицательные результаты. Если завтра человѣчество издастъ законъ, въ силу котораго хилыя дѣти (которыхъ въ Аѳинахъ сбрасывали со скалы въ море), преступники, извѣстный процентъ медиковъ (по жребію), какъ наиболѣе цѣнныхъ наблюдателей, будутъ ежегодно подвергаться нѣсколькимъ опытамъ живосѣченія, то можно заранѣе сказать, что результаты получатся еще болѣе блестящіе, въ особенности въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ для правильнаго анализа переживаемыхъ ощущеній

*) Кромѣ всего сказаннаго, важно отмѣтить, что существуетъ иной путь для знакомства съ внутренней стороной человѣческаго организма: это путь непосредственнаго наблюденія, такъ-называемое ясновидѣніе, которому суждено раскрыться въ будущихъ расахъ и которое было уже извѣстно немногимъ въ древности. Недавно была найдена тибетская книга о медицинѣ (древность которой установлена въ 1200 лѣтъ). Петербургская академія нашла въ ней точное описаніе числа костей, нервовъ, поръ человѣческаго тѣла, функціи сердца, его отношенія къ легкимъ, роль печени и пр. Въ ней тоже говорится, что болѣзнь есть продуктъ нашихъ страстей и что недоброжелательныя мысли отзываются на дѣятельности сердца и печени. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ теософическомъ ученіи.

важно знакомство съ той отраслью знанія, результаты которой изучаешь.

Уже въ своемъ сочиненіи „Основы нравственности" Шопенгауэръ съ негодованіемъ отмѣчаетъ жестокое обращеніе европейцевъ съ животными. Онъ упоминаетъ о томъ, что въ Азіи религіозное чувство обезпечиваетъ животному помощь и покровительство. Когда Королевское Общество въ Калькуттѣ получило тотъ экземпляръ Ведъ, которымъ оно владѣетъ, то лишь подъ условіемъ не переплетать его, согласно европейскому обычаю, въ кожу; вотъ почему онъ красуется въ названной библіотекѣ въ шелковомъ футлярѣ.

Въ то время какъ европейцы мнимой пользой оправдываютъ жестокость, другіе народы доводятъ свое состраданіе къ животнымъ до готовности принести ему въ жертву свою жизнь; такъ было въ одинъ изъ неурожайныхъ годовъ прошлаго столѣтія въ Индіи, когда европейскіе чиновники, желая спасти народъ отъ голода, указали ему, какъ на спасеніе, на его многочисленныя стада. Индусы съ негодованіемъ отвергли подобное предложеніе, предпочитая свою смерть отнятію жизни у невинныхъ животныхъ, кормившихъ ихъ и ихъ дѣтей. Такова разница въ психологіи и въ тонкости чувствъ людей Востока и Запада. Въ то время какъ состраданіе къ животнымъ все больше и больше проникало нравы однихъ, въ Европѣ оно шло такимъ же скорымъ, но регрессивнымъ путемъ.

Среди вопросовъ, обращенныхъ къ буддійскому послушнику, принимающему монашество, стоитъ слѣдующій: не убилъ ли ты какое-нибудь животное? такъ какъ убійство живой твари является однимъ изъ главныхъ препятствій къ постриженію. „Обращайся кротко съ животными; не спугивай птицъ съ вѣтки" говорится въ одной изъ наиболѣе распространенной въ Китаѣ книгѣ, въ такъ называемой „Книгѣ наградъ". Въ золотыхъ правилахъ Пиѳагора мы читаемъ: „не наноси удара беззащитному животному". Всѣ основатели религіозныхъ системъ, учившихъ человѣчество добру и любви, упоминали о состраданіи къ низшимъ тварямъ. Только Западъ обратилъ себя въ безжалостнаго палача *звѣрей*. Въ сущности, живосѣченіе является только послѣдней ступенью въ длинномъ рядѣ мучительствъ, которымъ подвергаются представители всего животнаго царства: охота, убой, дрессировка для забавы и зрѣлищъ, искусственное скрещиваніе уродливыхъ особей для извлеченія пользы изъ этого уродства (напр. жировой наростъ у курдюковъ), варварское оскопленіе мучительнѣйшими способами двухъ

третей домашнихъ животныхъ—вотъ та цѣпь, послѣднее кольцо которой хранится въ рукахъ ученаго Запада. Не забудемъ, что каждое изъ переименованныхъ мучительствъ имѣетъ легіоны своихъ защитниковъ, ибо, какъ мы уже говорили, нѣтъ такого зла, которое не совершалось бы во имя призрачнаго блага: и уничтоженіе лѣсовъ, и памятниковъ древности, и цѣлыхъ племенъ дикарей, и нивъ и храмовъ на войнѣ, все это оправдывается хотя-бы и временной, но насущной потребностью. Являясь послѣдней ступенью жестокости по отношенію къ животнымъ, вивисекція въ то же время является и первымъ шагомъ къ нравственному огрубѣнію человѣка въ отношеніи своего ближняго. Опытъ показалъ, что отъ операціи надъ живымъ кроликомъ врачи легко переходятъ къ экспериментамъ надъ неимущими посѣтителями клиникъ, что не разъ имѣло мѣсто въ судебной хроникѣ послѣднихъ лѣтъ (напр. въ Вѣнѣ) и о чемъ имѣются указанія въ той же книгѣ Вересаева „Записки врача".

Признавъ только *свое* право на радостное существованіе, человѣкъ присвоилъ себѣ титулъ царя природы, но съ жестокостью этого властелина не могутъ сравниться злобныя причуды ни одного земного владыки. Передъ тайной жизни ученые стоятъ въ глубокомъ раздумьи и, не будучи въ состояніи ни дать, ни возвратить это начало, разъ оно отнято ими, они въ досадѣ его отрицаютъ. Жизнь не что иное, какъ соединеніе извѣстныхъ химическихъ и физическихъ законовъ; стоитъ уловить ихъ и искусственно полученная протоплазма оживетъ въ ихъ рукахъ. Съ этой точки зрѣнія животныя являются только годнымъ матеріаломъ, цѣнность жизни которыхъ очень незначительна. Только такимъ воззрѣніемъ можно объяснить себѣ то огромное количество опытовъ, къ которымъ ежегодно прибѣгаютъ во всѣхъ научныхъ центрахъ и число которыхъ не оправдывается даже съ точки зрѣнія надобностей науки. Такъ же точно, какъ химикъ ежегодно показываетъ студентамъ, какъ отъ соединенія водорода и кислорода получается вода, такъ и на одной изъ первыхъ лекцій физіологіи, во всѣхъ университетахъ земного шара, нѣсколькихъ морскихъ свинокъ отравляютъ окисью углерода, а другихъ углекислотой, чтобы показать различное дѣйствіе этихъ газовъ на кровь; и это повторяется изъ года въ годъ; сотнямъ собакъ, кроликовъ и кошекъ производятъ вскрытіе брюшной полости, отводятъ желчь наружу, раздражаютъ обнаженные нервы, чтобы убѣдить учащихся въ справедливости произведенныхъ учеными наблюденій. Кромѣ того, каждое изслѣдованіе ученаго требуетъ

сотенъ опытовъ: прямыхъ, обратныхъ, повторныхъ, контрольныхъ, совершаемыхъ какъ изслѣдователемъ, такъ и его учениками, ассистентами, послѣдователями и наконецъ всѣми изслѣдователями другихъ странъ.

Въ Англіи Общество борьбы съ вивисекціей періодически печатаетъ скорбную и длинную хронику мучительствъ, которымъ врачи систематически подвергаютъ животныхъ въ своихъ клиникахъ, и снабжаетъ ее соотвѣтствующими иллюстраціями. Но мы считаемъ излишнимъ наносить страданіе нашимъ читателямъ изложеніемъ многихъ опытовъ живосѣченія; однако для полноты нашей статьи мы приведемъ одинъ изъ нихъ, инициаторъ котораго хорошо извѣстенъ всему ученому міру. „Недавно профессоръ Мантегацца изслѣдовалъ вліяніе боли на дыхательные органы. Лучшій методъ для вызыванія боли состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы вонзать большое количество гвоздей въ мясо животнаго, сдѣлавъ его совершенно неподвижнымъ, такъ какъ всякое движеніе усиливаетъ его боль. Искусный приборъ, спеціально изобрѣтенный для этой цѣли, давалъ профессору возможность схватывать каждую отдѣльную часть тѣла при помощи щипцовъ съ желѣзными зубцами, давить, растягивать и разрывать жертву, вызывая боль во всѣхъ направленіяхъ. Вынеся такую страшную пытку, маленькая морская свинка (въ послѣдней степени беременности) впала въ конвульсіи, такъ что наблюденія оказались невозможными. Во второй серіи опытовъ пострадало 28 животныхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были отняты отъ кормленія своихъ дѣтенышей. Ихъ подвергали часовой и двухчасовой пыткѣ, затѣмъ давали имъ отдохнуть одинъ часъ и вновь помѣщали въ приборъ для давленія и разрыва тѣла на время отъ 2 до 6 часовъ. Въ приложенныхъ и составленныхъ профессоромъ таблицахъ всѣ эти случаи подраздѣляются на категорію: „сильной боли“ и на категорію „чрезвычайной боли“, при чемъ у жертвъ послѣдней „всѣ части тѣла были пронизаны гвоздями“. Эти опыты продѣлывались съ большимъ терпѣніемъ и увлеченіемъ. („О дѣйствіи боли“ профессора Мантегацца, Миланъ 1880).

Изложеніемъ этого опыта мы закончимъ нашу статью. Мы думаемъ, что рѣдкое сердце, даже закаленное видомъ чужихъ страданій, не содрогнется отъ ужаса при чтеніи столь чудовищныхъ пытокъ, творимыхъ въ двадцатомъ столѣтіи жрецами европейской науки.

М. К.

Въ дополненіе къ нашей статьѣ о *живосѣченіи* извлекаемъ изъ послѣдняго номера Revue Scientifique (отъ 19 Сент. 1908 г.) слѣдующую замѣтку: „Частые случаи отравленія такъ называемой руанской уткой (canard rouennais) обратили на себя вниманіе парижскихъ властей, которыя рѣшили строго слѣдить за тѣмъ, чтобы убитыя указаннымъ способомъ животныя продавались только въ самомъ свѣжемъ видѣ, такъ какъ ихъ мясо портится гораздо скорѣе, чѣмъ мясо другихъ животныхъ. Въ чемъ же заключается руанскій способъ убоя? Молодыхъ утокъ сажаютъ въ обширныя помѣщенія, въ которыхъ ихъ откармливаютъ въ теченіе 8—12 дней, при чемъ каждый день ихъ переводятъ изъ одного отдѣленія въ другое, пока онѣ не достигнутъ того изъ нихъ, изъ котораго онѣ уже идутъ на смерть. Убой же ихъ, практикуемый самыми варварскими способами (раздраженіе мозга помощью булавки, удлиненіе и перекручиваніе спинного мозга въ шейной области, повѣшеніе и захватъ шеи двумя пластинками, постепенно сжимаемыми при помощи винта) имѣетъ цѣлью сохранить всю кровь въ тѣлѣ и заставить ее разлиться во всѣ ткани. Поэтому, во время агоніи мучимаго животнаго ему, кромѣ того, вырываютъ перья на животѣ и бьютъ его рукой или спеціально приспособленными деревянными лопатками; вслѣдствіе этого, отличительнымъ признакомъ руанскихъ утокъ является присутствіе въ нихъ, при вскрытіи грудной или брюшной полости, во-первыхъ, сильныхъ поврежденій органовъ, какъ-то: переломъ реберъ, разрывъ печени и сосудовъ, а во-вторыхъ—и это главное—присутствіе одного или нѣсколькихъ „*красивыхъ*“ кровяныхъ сгустковъ, которыхъ никогда не бываетъ въ тѣлѣ утки, зарѣзанной обыденнымъ путемъ. Авторъ замѣтки, не безъ основанія, спрашиваетъ себя: не являются ли случаи отравленія руанскими утками местью истерзанныхъ животныхъ?

М. К.

Письма къ читателямъ.

Немного найдется вопросовъ, которые бы вызывали такія противорѣчивыя рѣшенія и такую путаницу въ понятіяхъ, какъ вопросъ объ аскетизмѣ. Мрачный фанатизмъ темнаго монаха и сознательное воздержаніе духовно-развитаго мыслителя, безцѣльныя самоистязанія индусскихъ факировъ и проповѣдь о самоусовершенствованіи нашего Льва Николаевича Толстого—все это сводится къ одному, къ одной и той же идеѣ „аскетизма". И передъ этой идеей одни простираются во прахъ, признавая въ ней величайшій подвигъ, другіе же смѣшиваютъ ее съ грязью, считая враждебной истинному прогрессу. Среди безконечныхъ оттѣнковъ мнѣній, относящихся до аскетизма, на двухъ противоположныхъ концахъ стоятъ: церковный взглядъ и взглядъ матеріалистическій. Первый видитъ въ монашескомъ аскетизмѣ только духовный подвигъ, не останавливаясь на его отрицательныхъ сторонахъ, второй, наоборотъ, отыскиваетъ однѣ только отрицательныя стороны, проходя безъ всякаго вниманія мимо психологіи тѣхъ великихъ подвижниковъ, къ которымъ нельзя относиться безъ глубокаго уваженія, и какъ бы не замѣчая, что къ такому явленію не слѣдуетъ подходить съ одной только общественной мѣркой, что его нельзя рѣшать безъ пониманія тѣхъ глубокихъ душевныхъ процессовъ, изъ которыхъ возникаетъ тяга къ уединенію, исканіе подвижничества, потребность созерцательной жизни.

Если разсматривать монашескій аскетизмъ съ серьезнымъ вниманіемъ, передъ нами развернется длинный рядъ его ступеней, начиная съ вершины, на которой, сіяя совершенствомъ, стоятъ святые всѣхъ временъ и народовъ, и кончая мрачными потемками, гдѣ притаились изувѣрство и человѣконенавистничество. И если исключить великихъ подвижниковъ, психологія которыхъ сама по

себѣ представляетъ такой глубокій интересъ, что ее не хотѣлось бы затрагивать мимоходомъ, а съ другой стороны—всѣхъ, кто только внѣшнимъ образомъ примыкаетъ къ монастырю, есть въ монашескомъ аскетизмѣ одна общая черта, которая основана на невѣрномъ представленіи о тѣхъ интимныхъ процессахъ, которые совершаются въ борющейся душѣ аскета. Черта эта—стремленіе *уничтожить* низшую природу, заклясть, побороть ее постомъ и молитвами, и это стремленіе играетъ такую первенствующую роль въ монашескомъ аскетизмѣ, что вся его психологія сводится, въ сущности, къ *непрестанной брани* съ низшими влеченьями, инстинктами и страстями человѣка. Что эта „непрестанная брань" не проходитъ безслѣдно, какъ не проходитъ безслѣдно ни одно активное усиліе человѣка, тѣмъ болѣе когда оно проявляется въ области духа, объ этомъ мы будемъ говорить позднѣе, а теперь мнѣ хотѣлось бы освѣтить причину, *почему* борьба съ низшей природой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, остается безплодной, и съ какой бы силой ни подавлялись ея проявленія, она продолжаетъ снова и снова оживать къ великому смущенію и ужасу аскета. Можно цѣлыми годами держать свою низшую природу въ суровомъ повиновеніи, но стоитъ лишь ослабить напряженіе, разсѣяться, уклониться на время отъ борьбы съ ней, какъ она опять, со всѣмъ упорствомъ стихійной мощи, овладѣваетъ человѣкомъ. Всѣ исповѣди монаховъ переполнены этимъ мучительнымъ безсиліемъ въ борьбѣ со своими природными влеченіями, особенно съ сильнѣйшимъ изъ нихъ—съ половою страстью.

Теософія, проникающая своими знаніями въ несравненно бóльшія глубины человѣческой души чѣмъ западная психологія, даетъ объясненіе этому кажущемуся безсилію человѣка. Въ дѣйствительности, безсиленъ не самъ человѣкъ, а лишь его способъ борьбы со своей низшей природой. Пока та или другая страсть еще не изжита, безполезно изгонять ее: несмотря на всѣ усилія, она остается въ человѣкѣ, иногда притаившаяся въ скрытномъ мѣстѣ; уничтожить ее нельзя, потому что по закону духа наши страсти подлежатъ не *уничтоженію*, а *преображенію*.

Каждая человѣческая страсть имѣетъ два полюса: одинъ коренится въ животной природѣ человѣка и въ его самости, другой, противоположный, въ его божественной природѣ. Сознательное передвиженіе всѣхъ стремленій и желаній, свойствъ и страстей съ низшаго полюса къ высшему и составляетъ содержаніе внутренняго прогресса человѣка, его движенія къ духовности, къ богочеловѣчеству. Безошибочный признакъ того, что чело-

вѣкъ все еще стоитъ внизу—въ эгоистичности его страстей, и такой же безошибочный признакъ его приближенія къ верхнему полюсу—въ сверхличности его страстей, въ потребности выковать изъ нихъ сильное орудіе для служенія *не себѣ* и своему личному благополучію, а Богу, человѣчеству, всему міру, смотря по тому, на которую изъ этихъ идей устремлено сознаніе человѣка. Нижній полюсъ тянетъ къ разобщенію, къ самоутвержденію, къ принесенію всего и всѣхъ въ жертву своей личности. Верхній полюсъ ведетъ къ единенію, къ самоотреченію, къ принесенію себя и своихъ интересовъ въ жертву интересамъ цѣлаго, будетъ ли это „цѣлое“ являться человѣку какъ Богъ, какъ вселенная или какъ человѣчество. И вверху страсть остается той же страстью, могучимъ стимуломъ для дѣятельности, напрягающимъ всѣ силы человѣка, устремляющимъ его къ героической борьбѣ ради достиженія желаннаго. И только полное невѣдѣніе жизни духа и ея законовъ могло создать наивное представленіе о духовныхъ переживаніяхъ какъ о чемъ-то блѣдномъ, безкровномъ, противоположномъ „захватывающей красотѣ яркихъ земныхъ страстей“. Въ дѣйствительности, самыя яркія земныя страсти—лишь блѣдное отраженіе тѣхъ пламенныхъ переживаній, которыя опаляютъ человѣческое сердце на горнихъ высотахъ духа, сжигая въ немъ все личное и преобразуя его въ могучій очагъ непреодолимой нравственной силы и сверхличной любви. Вотъ почему безполезно *убивать* страсти. Страсти безсмертны, онѣ могутъ лишь очищаться и подниматься, изъ животныхъ преображаться въ человѣческія, изъ человѣческихъ въ божественныя, и это достигается или постепенно, черезъ страданія и радости, черезъ борьбу и испытанія многочисленныхъ земныхъ воплощеній человѣка, или же черезъ ускоренный и, вслѣдствіе этого, страшно напряженный внутренній трудъ, быстро сжигающій всѣ нечистыя примѣси страстей, на что способны лишь немногіе сильные духомъ, далеко опередившіе остальныхъ людей. Для этихъ немногихъ сильныхъ, проходящихъ черезъ процессъ очищенія съ невѣроятнымъ для обыкновеннаго человѣка напряженіемъ *всѣхъ* жизненныхъ силъ, аскетизмъ необходимъ: иначе организмъ не выдержитъ напряженія. Но прошедшіе черезъ такой огонь не проклинаютъ человѣческую природу, они любятъ и все прощаютъ, потому что все понимаютъ, и лишь зовутъ людей на высоту, гдѣ злая борьба и разъединеніе замѣняются чуднымъ миромъ, любовью и прощеніемъ. Всѣ же проклинающіе земную жизнь, всѣ человѣконенавистники самымъ настроеніемъ своимъ доказываютъ, что они не достигли цѣли, не

смогли убить своихъ эгоистическихъ страстей и, побѣжденные, возненавидѣли самую природу человѣческую. Для этихъ еще не пробилъ часъ, и они еще такъ далеки отъ преображенія въ божественную чистоту, что для нихъ полезнѣе было бы устремить свои силы на *очеловѣченіе* своихъ страстей, а это достигается легче всего благодаря земнымъ привязанностямъ, черезъ семью и бракъ, черезъ сильную любовь къ близкимъ и особенно къ женщинѣ. Въ этой сильнѣйшей изъ страстей человѣческихъ особенно ярко выражается ступень, до которой достигла совѣсть человѣка: для дикаря съ еле пробудившимся сознаніемъ исключительно чувственное отношеніе къ женщинѣ не вызоветъ угрызенія совѣсти, но какъ только человѣкъ поднялся надъ стихійною жизнью животнаго, такое отношеніе становится грѣхомъ, потому что онъ *можетъ относиться лучше.*

Какъ часто приходится слышать со всѣхъ сторонъ жалобы на тяжесть жизни, на море несправедливости, на сгущающуюся тьму... Въ отвѣтъ на всѣ эти жалобы хотѣлось бы посовѣтовать всѣмъ недовольнымъ провѣрить этимъ точнѣйшимъ изъ всѣхъ показателей состояніе своей собственной совѣсти... Пока большинство находитъ терпимымъ сохранять въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ несправедливость и грѣхъ, до тѣхъ поръ и вся жизнь не можетъ подняться и очеловѣчиться, потому что *въ этомъ* корень и основа общественной этики.

Пока человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ (и обратно) стремится къ собственной усладѣ, онъ еще не поднялся на человѣческую ступень. На человѣческой ступени животная страсть преображается въ личную любовь, которая стремится прежде всего къ счастью и удовлетворенію любимаго существа и лишь черезъ это счастье и удовлетвореніе получаетъ свою усладу. На слѣдующей, высшей ступени личная страсть уже не въ состояніи удовлетворить расширившееся и просвѣтленное сердце: она преобразуется въ сверхличную любовь, чаще всего къ божественному Идеалу, иногда къ человѣчеству, ко всему міру. Сила, вѣрность и блаженство этой преображенной страсти превышаютъ личную страсть на столько же, насколько послѣдняя превышаетъ животную. Въ поэмѣ *Іоаннъ Дамаскинъ* дается намёкъ на силу и восторгъ такой сверхличной страсти; здѣсь передъ нами уже побѣдитель, переплавившій всѣ личныя влеченія въ одну необъятную радость достигнутаго сліянія частичной своей жизни съ жизнью всего міра. „О, еслибъ могъ всю жизнь смѣшать я, всю душу вмѣстѣ съ вами слить... о, еслибъ могъ въ мои объятья, я васъ, враги,

друзья и братья, и всю природу заключить!" А далѣе поэтъ такъ выражаетъ пламенное стремленіе любящаго сердца, его жажду отдать себя: „Зачѣмъ я не могу нести, о, мой Господь, Твои оковы, Твоимъ страданіемъ страдать и крестъ на плечи Твой пріять и на главу вѣнецъ терновый! О, еслибъ могъ я лобызать лишь край святой Твоей одежды, лишь пыльный слѣдъ Твоихъ шаговъ, о, мой Господь, моя надежда, моя и сила и покровъ... Тебѣ хочу я всѣ мышленья, Тебѣ всѣхъ пѣсней благодать, и думы дня, и ночи бдѣнья, и сердца каждое біенье, и душу всю мою отдать!" Не отраженіемъ ли этого чистаго восторга служатъ лучшія земныя переживанія человѣка, его жажда отдать себя, свои силы, свою нѣжность и „сердца каждое біенье", которыя онъ испытываетъ на зарѣ чистыхъ радостей своей первой любви? Это тѣ моменты, когда человѣку удается на мгновенія разрушить стѣны, отдѣляющія его личное я отъ жизни другого я—моменты, которые даютъ лишь слабое понятіе объ огненной силѣ, могучей полнотѣ и блаженствѣ истинной жизни, когда индивидуальность сливается съ жизнью остального міра и, содрогаясь отъ ея безбрежности, принимаетъ въ свои объятья „и въ полѣ каждую былинку и въ небѣ каждую звѣзду!"

Такимъ образомъ выясняется, что прямая цѣль монашескаго аскетизма, уничтоженіе страстей, не можетъ быть достигнута: по законамъ духа человѣческія страсти не уничтожаются, а преображаются или очень медленнымъ путемъ естественной эволюціи, или же огромнымъ напряженіемъ и такой героической борьбой, на какую способны лишь очень немногія, исключительныя натуры. Но, какъ я уже упомянулъ, ни одно усиліе человѣческой воли не проходитъ безслѣдно, и монашескій аскетизмъ, несмотря на всю его видимую безплодность, все же оставляетъ большіе и цѣнные слѣды въ невидимой лабораторіи внутренняго творчества. Если принять ученіе Теософіи о многочисленныхъ существованіяхъ на землѣ, тогда становится яснымъ, что аскетизмъ монаха, вся его трудная борьба съ своеволіемъ своей временной личности, то что называется „послушаніемъ", а такъ же и точное соблюденіе строгаго устава жизни, должны отразиться въ будущемъ воплощеніи сильно выросшей волей, самообладаніемъ и настойчивостью въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, а мы знаемъ, насколько эти свойства дѣлаютъ земную дѣятельность болѣе цѣнной и болѣе энергичной; можно навѣрно сказать, что чѣмъ искреннѣе, неуклоннѣе

и строже былъ аскетизмъ монаха, тѣмъ энергичнѣе и активнѣе будетъ его земная дѣятельность въ слѣдующемъ воплощеніи.

Насколько великъ трудъ истиннаго монаха, въ этомъ мы можемъ убѣдиться каждый разъ, когда намъ приходится отвыкать отъ какой нибудь установившейся привычки, или когда что либо заставляетъ насъ упорядочить сызнова строй нашей жизни. Иногда нездоровье требуетъ полной перемѣны въ распредѣленіи нашего дня, и мы всѣ знаемъ, до чего трудно бываетъ справляться со своими недисциплинированными желаніями. Сейчасъ мнѣ вспоминается знакомый, очень дѣятельный инженеръ, которому врачъ— какъ спасеніе отъ развивающейся болѣзни—прописалъ правильное вставаніе и утреннюю прогулку; забавно было слышать, какъ этотъ энергичный, всегда властный человѣкъ стоналъ: „Это хуже всякого Мукдена! Легче неприступную крѣпость взять, чѣмъ продѣлывать надъ собой такое насиліе!“ И отказался, объявилъ что *не* въ состояніи превозмочь себя.

Аскетическій строй жизни со строгой дисциплиной и постояннымъ принужденіемъ себя не къ тому, чего хочется, вырабатываетъ чрезвычайно цѣнный *ритмъ* въ организмѣ; и рядомъ съ этимъ, постоянная борьба аскета съ нежелательными мыслями и эмоціями, и необходимая для этого *внутренняя собранность* является такимъ могучимъ средствомъ для развитія воли, равнаго которому не найти въ современной жизни. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы монастыри, въ какую бы форму они ни вырождались, были явленіемъ желательнымъ. Въ нихъ, рядомъ съ положительной стороной, которая достигается одинаково и внѣмонастырскимъ аскетизмомъ, развилось столько отрицательныхъ сторонъ, что враждебное отношеніе къ нимъ сознательной части общества вполнѣ заслужено. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, монастыри имѣютъ огромное значеніе: пока монастыри еще существуютъ и продолжаютъ притягивать къ себѣ народъ, необходимо понять, *въ чемъ* заключается тайна этого притяженія. Тайна эта въ томъ, что только сверхличныя, т. е. религіозныя идеи имѣютъ силу вдохновлять людей, вести ихъ впередъ, утолять ихъ духовный голодъ. И пока стремящіеся обновить русскую жизнь и двинуть ее впередъ не внесутъ въ народную жизнь сверхличныхъ, т. е. религіозныхъ идей, народъ будетъ проходить мимо нихъ, жадно розыскивая хлѣбъ жизни въ скитахъ и монастыряхъ.

Въ предпослѣднемъ письмѣ мнѣ приходилось говорить съ моими читателями о томъ, какое великое значеніе Теософія придаетъ земной дѣятельности человѣка; но въ то же время она

учитъ, что нравственно недисциплинированный человѣкъ, не подчинившій свою личную волю *авторитету сверхличныхъ идей*, ничѣмъ не огражденъ отъ того, чтобы его дѣятельность не приняла характеръ эгоистическій, а слѣдовательно и неправедный. Вотъ почему во всѣхъ эзотерическихъ школахъ, гдѣ посвященнымъ ученикамъ довѣрялись опредѣленные методы духовнаго саморазвитія и передавались тѣ ученія, которыя въ наше время обнародованы впервые подъ именемъ теософическихъ, аскетизмъ, несмотря на то, что ученикъ оставался въ мірѣ, входилъ всегда какъ необходимое условіе духовнаго роста. Въ главныхъ своихъ чертахъ онъ совпадаетъ съ высшими ступенями аскетизма, которому слѣдовали и христіанскіе подвижники, но цѣль его опредѣляется иначе: личное усовершенствованіе признается не цѣлью, а лишь *средствомъ для служенія міру*. Въ кругъ такого аскетизма входитъ одинаково какъ очищеніе тѣла, такъ и очищеніе мыслей и чувствъ человѣка. Для очищенія тѣла требуется полное воздержаніе отъ мясной пищи и отъ алкоголя; это—первая ступень, не перейдя которую нельзя вступить въ область истинно духовной жизни: нельзя уже потому, что мясная пища и алкоголь вызываютъ въ тѣлѣ грубыя вибраціи, убивающія тонкія проявленія жизни духа, и построенные изъ грубыхъ матеріаловъ, мозгъ и нервная система не въ состояніи стать хорошими проводниками энергичныхъ и быстрыхъ вибрацій высшей жизни. Кромѣ того, расширяющееся сознаніе ученика, сильно раздвигая границы его сочувствія, вызываетъ такое бережное отношеніе ко всякой чужой жизни, при которомъ убивать животное для своего питанія или косвенно содѣйствовать этому убійству становится уже *невозможнымъ*. Рядомъ съ чистой пищей и умѣренностью въ ѣдѣ требуется и опредѣленный ритмъ жизни, строгій порядокъ въ чередованіи бодрствованія и сна, работы и отдыха. Безъ введенія строгаго порядка въ дѣятельности организма послѣдній не можетъ стать послушнымъ орудіемъ духа. Чѣмъ безпорядочнѣе и произвольнѣе образъ жизни, тѣмъ деспотичнѣе становится тѣло, что мы и видимъ въ высшихъ классахъ общества, которые привыкаютъ жить въ полномъ рабствѣ у своихъ физическихъ вкусовъ, прихотей и влеченій и отдаютъ большую часть своего времени и силъ на ихъ удовлетвореніе. Здѣсь мы опять имѣемъ двѣ сходящіяся крайности: монашество грѣшитъ тѣмъ, что оправдываетъ *недѣланье* ради *усмиренія* своей плоти, а современный матеріалистическій строй грѣшитъ тѣмъ, что оправдываетъ *чрезмѣрное дѣланіе* ради *удовлетворенія* своей плоти. И то, и другое одинаково чуждо

истинной духовности. Истинная духовность требуетъ не *гоненія* на плоть и не *обожествленіе* плоти, а *преображенія* ея въ совершенное и послушное орудіе духа. Изъ полнаго подчиненія тѣла духовному началу человѣка въ немъ выростаетъ такая могучая сила, о размѣрахъ которой мы можемъ судить лишь приблизительно по тѣмъ святымъ подвижникамъ и великимъ основателямъ религій, которые, побѣдивъ себя, становились учителями и руководителями человѣчества. И все же, несмотря на всю свою самоотверженную любовь къ людямъ, и они стремились въ уединеніе и всѣ избѣгали людского шума. Останавливаюсь на этой чертѣ потому, что такъ часто раздаются несправедливые упреки: *почему* святые предпочитаютъ спасаться въ лѣсахъ и пустыняхъ вмѣсто того, чтобы жить въ тѣсномъ общеніи съ людьми? На *очень* высокой ступени развитія это не возможно, потому что у вполнѣ очистившагося человѣка развивается такая утонченная чувствительность, которая дѣлаетъ для него невыносимыми грубыя вибраціи большихъ городовъ. Даже Францискъ Ассизкій, весь горѣвшій нѣжнѣйшей любовью къ людямъ, особенно къ угнетеннымъ и грѣшникамъ, и тотъ не могъ оставаться среди городского шума, а выбралъ для себя и своихъ учениковъ уединенную хижину вдали отъ города, поближе къ „carceri“, къ тѣмъ лѣснымъ гротамъ, высѣченнымъ природой въ городѣ Субозіо, которые были почти недоступны по крутизнѣ вьющихся къ нимъ тропинокъ; туда онъ удалялся отъ времени до времени, чтобы остаться наединѣ съ Богомъ и съ своей душой. Иначе физическій организмъ, потрясаемый грубыми вибраціями окружающей жизни, не смогъ бы удержать ту собранную цѣльность и гармонію и тотъ тихій свѣтъ сверхличной любви, которымъ живетъ побѣдившій духъ человѣка. Безъ этихъ признаковъ нѣтъ истинной духовности, безъ нихъ не достигнута еще побѣда. Побѣдитель свѣтитъ своей ясностью и своей любовью. Словами яснаго Франциска Ассизкаго и закончу это письмо къ моимъ читателямъ. Онъ не любилъ мрачныхъ лицъ и, замѣтивъ грустное лицо у своего ученика, сказалъ ему: „если ты совершилъ какой-либо грѣхъ, раскаивайся въ немъ, когда останешься наединѣ съ Богомъ. Съ людьми же сохраняй ясность духа, ибо не должно имѣть угрюмаго лица, когда находишься на службѣ у Господа“.

Другъ читателя.

Zentralblatt für Okkultismus. Monatsschrift für Erforschúng der gesammten Geheimwissenschaften. Herausgegeben von **Karl Brandler-Pracht** in Lahr in B. Organ des Vereins „Kosmos", Verband deutscher Astrologen. Erscheint jeden Monat. Abonementspreis jahrlich Mk. 6.

Ежемѣсячный журналъ по всѣмъ вопросамъ оккультныхъ наукъ, выходящій съ іюля 1907 года. Редакція намѣревается давать читателю полный обзоръ по всѣмъ вопросамъ оккультизма; воззрѣнія всѣхъ направленій, ученій и системъ найдутъ въ немъ свое мѣсто въ равной степени. Оккультизмъ, по мнѣнію редакціи, ничто иное, какъ расширенная трансцендентальная естественная наука, опирающаяся на особомъ и преимущественномъ развитіи *метафизическаго* образа мышленія. Какъ органъ союза нѣмецкихъ астрологовъ „Космоса", журналъ будетъ обращать особенное вниманіе на научную астрологію, на эту, какъ ее раньше называли „царственную науку". Этимъ Редакція надѣется восполнить нынѣ существующій пробѣлъ въ текущей литературѣ по вопросамъ астрологическимъ. Къ этому ее побуждаетъ въ особенности то обстоятельство, что подъ видомъ астрологіи корысть и невѣжество преподносятъ публикѣ свои суррогаты, дискредитируя славное имя астрологіи. При сотрудничествѣ выдающихся ученыхъ, журналъ ставитъ себѣ задачей научно обосновывать оккультизмъ и знакомить читателя съ его отдѣльными отраслями и съ его исторіею; всѣ явленія сверхфизическія, психическіе феномены и оккультныя явленія найдутъ въ немъ строгую научно-критическую оцѣнку. Особенное же вниманіе будетъ удѣлено *астрологіи, алхиміи, хиромантіи, физіогноміи, металоскопіи* и *дивинаціи*—этимъ теперь нѣсколько забытымъ отраслямъ оккультизма. Журналъ будетъ также отвѣчать интересамъ *бездогматной (?*) теософіи, индусской мистики* и вопросамъ *развитія оккультныхъ*

*) Вопросительный знакъ сдѣланъ референтомъ (Н. Б.).

силъ въ человѣкѣ. Читатель будетъ знакомиться съ *практическимъ оккультизмомъ* и съ *мудростью востока* и найдетъ въ журналѣ *вѣрнаго руководителя* по *пути къ адептизму*. Не будутъ также забыты интересы *спиритуализма, сомнамбулизма, гипнотизма, магнетизма, спиритизма* и *всѣхъ прочихъ родственныхъ имъ наукъ*.

Вмѣстѣ съ этимъ Редакція, стоя на почвѣ *гармоничнаго міросозерцанія*, постарается давать читателю указанія для *правильнаго образа жизни* и связаннаго съ нимъ *усиленнаго развитія внутренняго человѣка*, что одно только въ состояніи повести къ истинному познанію и къ полной свободѣ духа.

Такова многообѣщающая программа этого широко задуманнаго журнала, который въ каждой книжкѣ большого октавформата содержитъ слѣдующіе семь отдѣловъ: I. Научный оккультизмъ, съ двумя подраздѣленіями: 1) теорія и критика и 2) экспериментальный и практическій оккультизмъ. II. Спиритуализмъ, теософія, индусская мистика, буддизмъ и родственныя области. III. Спиритизмъ, магнетизмъ, естественый образъ жизни и прочее. IV. Беллетристика. V. Сообщенія со всего свѣта. VI. Вопросы и отвѣты читателей (Съ 7-го номера подъ этимъ отдѣломъ печатаются „психологическіе діагнозы“ д-ра Рейнгардта изъ Бремена). VII. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Въ I-мъ отдѣлѣ помѣщены слѣдующія статьи: „Индивидуальность въ оккультизмѣ“, Вальтера Шёнъ. „Сновидѣнія и ихъ отношеніе къ оккультизму“, Эрнста Фидлера. „Физика гадательнаго жезла“, Альберта Книпфа. „Оккультизмъ, разсматриваемый какъ расширенная естественная наука“ (Der Okkultismus als erweiterte Naturwissenschaft), Е. Добберкау. „Астрологическія дирекціи“, Карла Брандлера-Прахтъ. „Астрологія въ примѣненіи къ событіямъ политическимъ“ (Mundan-Astrologie), Альберта Книпфа. „Изъ міра эфира“, В. Е. Фидлера. „Къ вопросу о морскомъ приливѣ и отливѣ“, Г. В. Суріа. „Къ исторіи развитія астрологіи“, Георгія Серса (Seers). „О френологіи“, Адольфа Симона. Оккультныя письма: I. „Хиромантія“, В. Е. Фидлера. „Астрологическое вычисленіе домовъ по естественному способу“ (Häuserberechnung nach natürlicher Manier), Эрнста Тиде. „Тайны душевной жизни“, В. Е. Фидлера. „Божественный великій планъ мірозданія“, д-ра фил. Эд. Рейха, „Кое-что объ астро-философіи“, г-жи Бойль (Ginia Boyle). „Оккультныя силы минераловъ и металловъ“, Г. В. Суріа. „Тріумфъ алхиміи“ (трансмутація металловъ). Г. В. Суріа. „Существуетъ ли безсмертіе?“, В. Е. Фидлера. „За кулисами: по поводу „случая Гау“, г-жи Бойль. „Еврейская мистика“, Вал. Шёна. „За кулисами“: II. Фр. Ницше“, Фр. Швабъ. „О забытомъ борцѣ противъ вѣры, основанной на авторите-

тахъ", Г. В. Сурiа. „Спираль универсальной исторiи", Людовика Дейнгарда. „Астро-метеорологiя", Альб. Книпфа.

Содержанiе II-го отдѣла: „Философiя Шопенгауера и эзотерическое ученiе индусовъ", проф. Юл. Нестлера. „Жизнь и ученiе Розенкрейцеровъ", Р. Шнейдера. „Важные и жизненные вопросы о Богѣ, безсмертiи и посмертномъ существованiи", I. Б. Виденманна. „О мистицизмѣ", д-ра В. Франкля. „Спиритуализмъ какъ первобытная религiя индо-германцевъ", проф. д-ра А. Клаусъ. „Какой путь ведетъ къ истиннымъ Розенкрейцерамъ и Франкъ-массонамъ?", Р. Шнейдера. „Объ обязанностяхъ", Франца Петчара (Petschar).

Содержанiе III-го отдѣла: „Старое и новое о человѣческомъ магнетизмѣ", К. Петрона. „Мистика буквъ", Г. В. Сурiа. „Мамутова пещера въ Кентуккахъ", его-же. „Какъ намъ слѣдуетъ жить? I. Правильное питанiе", К. Петрона. „Злополучная полярная экспедицiя Веллмана и мы оккультисты", Г. В. Сурiа. „Астральное тѣло человѣка", Е. В. Добберкау. „Двое ясновидящихъ въ полномъ соотвѣтствiи", проф. д-ра А. Клауса. „Феноменъ матерiализацiи. I. Психологическая сторона. II. Физическая его сторона", Iос. Петера. „Медiумичность и полъ", Ганса Фреймарка. „Сеансы съ матерiализацiей", Iосифа Петера.

Въ отдѣлѣ IV-мъ, беллетристикѣ, самъ редакторъ, извѣстный своими печатными трудами по астрологiи и своимъ „руководствомъ для развитiя оккультныхъ силъ въ человѣкѣ", печатаетъ занимательный и нелишенный интереса оккультный разсказъ „Famulus" (ученикъ) изъ временъ средневѣковья. Обзоръ книгъ и журналовъ ведется толково, объективно и со знанiемъ дѣла.

Популярный журналъ этотъ въ общемъ производитъ очень хорошее впечатлѣнiе по своему благородному направленiю и по своей несомнѣнной искренности. Правда, обѣщанiя, выставленныя въ программѣ его, многимъ не безъ основанiя покажутся широковѣщательными и походящими на рекламу, но, судя по тѣмъ десяти №№, что у насъ подъ рукою, журналъ нельзя назвать иначе какъ серьезнымъ и дѣльнымъ. Большинство статей составлено съ знанiемъ дѣла и объективно; изложенiе ихъ толковое, логичное, и читаются они легко. Многiя изъ нихъ представляютъ также несомнѣнный интересъ для ревнителя теософiи. Какъ на таковыя, можно указать на всѣ статьи Г. В. Сурiа, автора прекраснаго, полнаго захватывающаго интереса романа „Современные Розенкрейцеры". Далѣе очень хороши по своему популярному, ясному и вѣрному изложенiю небольшая статья „О Богѣ, безсмертiи и потусторонней жизни", I. Б. Виденманна. Не менѣе интересенъ рельефный „Очеркъ жизни и ученiй Розенкрейцеровъ", Рудольфа Шнейдера; пространная же научно-философская статья проф. Ю. Нестлера „О фило-

софіи Шопенгауера и эзотерическомъ ученіи индусовъ", настолько хороша, что послужила бы украшеніемъ любого теософическаго журнала. Поэтому думаемъ, что всякій, интересующійся оккультизмомъ и родственными съ нимъ науками, найдетъ немало поучительнаго въ богатомъ содержаніи этого новаго журнала.

Д-ръ мед. Н. К. Боянусъ.

Среди загадокъ бытія. С. В. Москва, 1907 г. Цѣна 60 коп.

Въ книгѣ собраны только факты изъ области спиритизма, гипнотизма и др. оккультныхъ наукъ, лично испытанные и пережитые авторомъ въ періодъ 25 лѣтъ его жизни. Факты эти привели его къ заключенію, что „Безмолвный не всегда безмолвенъ: надо умѣть вѣрить Ему и научиться слушать и понимать Его. Языкъ Его многоразличенъ, какъ сама окружающая природа" (стр. 65).

Авторъ, несомнѣнно, свѣдущъ въ вопросахъ оккультизма. Литература, указываемая имъ, заслуживаетъ вниманія. Къ сожалѣнію, авторъ указываетъ ее не при каждомъ отдѣлѣ.

Les formes-pensées (мысле-образы). Leadbeater (Ледбитера).

Книга написана на основаніи показаній двухъ ясновидящихъ, которые утверждаютъ, что всякая мысль принимаетъ въ пространствѣ опредѣленную форму, контуры которой болѣе или менѣе рѣзко очерчены, въ зависимости отъ силы мысли. Кромѣ того, формы эти окрашены въ различные цвѣта, въ зависимости отъ тѣхъ эмоцій, которыя породили эти „мысле-образы". Книга обильно иллюстрирована рисунками, которые отлично исполнены въ краскахъ и помогаютъ читателю реально представить себѣ то обиліе и характеръ тѣхъ формъ, которыми мы постоянно окружены. Становится понятнымъ, почему народъ представляетъ себѣ діавола обязательно чернымъ и съ когтями. Это представленіе дошло до насъ по традиціи отъ тѣхъ временъ, когда раса была психичнѣе и видѣла дѣйствительныя очертанія и окраску каждой дурной мысли. Если вспомнить при этомъ ученіе Розенкрейцеровъ о томъ, что каждая мысль порождаетъ особаго рода вихрь—движеніе, сила котораго пропорціональна силѣ воли породившаго ее лица, и что этотъ вихрь можетъ двигаться въ указанномъ ему направленіи, то всѣ наши мысли оживутъ въ качествѣ служебныхъ, подчиненныхъ человѣку существъ, и станутъ понятны всѣ явленія гипноза, телепатіи и возможности какъ дурно, такъ и хорошо вліять на разстояніи. Вся книга наводитъ на много новыхъ мыслей и заслуживаетъ самаго серьезнаго

изученія. Въ равной мѣрѣ рекомендуемъ книгу того же автора: „L'homme visible et invisible", цѣна 7 фр. Обѣ книги имѣются только на англій-скомъ и французскомъ языкахъ.

Исповѣдь. М. Горькій (Сборникъ товарищества „Знаніе". СПБ. 1908 г. Книга XXIII. Цѣна 1 руб.

Все произведеніе проникнуто чувствомъ глубокой любви и жалости къ человѣку. Повѣсть интересна обиліемъ сценъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни, богатствомъ идей, взглядовъ, афоризмовъ, касающихся почти исключительно вѣры, религіи и ея разнообразныхъ жрецовъ и служителей. Всѣ эти афоризмы, несомнѣнно, плодъ глубокаго, серьезнаго размышленія, но самое интересное философское разсужденіе заслуживаетъ быть приведеннымъ въ подлинникѣ:

„Началась эта дрянная и недостойная разума человѣческаго жизнь съ того дня, какъ первая человѣческая жизнь оторвалась отъ чудотворной силы народа, отъ массы, матери своей, и сжалась со страха передъ одиночествомъ и безсиліемъ своимъ въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, комокъ, который нареченъ былъ „я". Вотъ это самое „я" и есть злѣйшій врагъ человѣка" (стр. 163), приводящій къ „хаосу разобщенія всѣхъ со всѣми" (стр. 124).

Спасеніе человѣчества авторъ видитъ въ стремленіи „открыть въ каждомъ единое со всѣми" (стр. 174), въ сознаніи единства каждаго со всѣми: „всякое горе нынѣ — мое горе" (стр. 198), „въ сліяніи съ могучимъ духомъ народа, творящимъ чудеса"... (стр. 148, 204).

Наиболѣе сильно и ярко у автора подчеркнуто „горестное одиночество человѣка", „тихое смятеніе одинокихъ душъ" (стр. 110), „тревога богоисканія" и пытливое стремленіе человѣка „понять законы, по которымъ строится жизнь людей" (стр. 126).

Жаль, что принципіально отрицательное отношеніе М. Горькаго къ монахамъ и монастырямъ заставило его представить одни только отрицательные типы. Типы эти обрисованы во всей своей неприглядной наготѣ. Онъ не далъ ни одного типа, искренно преданнаго вѣрѣ и ищущаго въ монастырскомъ аскетизмѣ спасенія души. Чудный типъ—дьячекъ Ларіонъ, человѣкъ рѣдкой сердечной доброты, рѣдкаго своеобразнаго взгляда на Бога, на зло и на діавола.

Вся повѣсть написана образнымъ, живымъ народнымъ языкомъ, съ обиліемъ прибаутокъ, и полна художественныхъ описаній природы.

„Исповѣдь" Горькаго безусловно крупное, выдающееся литературное произведеніе, несмотря на ея одностороннее и нѣсколько тенденціозное освѣщеніе.

XXIII. Сборникъ товарищества „Знаніе“. СПБ. 1908 г. Цѣна 1 руб.

Весь Сборникъ затрагиваетъ вопросы религіи и духа. Помимо повѣсти М. Горькаго „Исповѣдь“, отзывъ о которой данъ выше, въ этой книжкѣ помѣщены „Сказки земли“, С. Гусева-Оренбургскаго, и „Въ старой лаврѣ“, А. Золотарева. Отличительными чертами этихъ двухъ послѣднихъ произведеній являются: въ первомъ—заключительный аккордъ всеобщаго „братства“ послѣ тяжелыхъ мукъ одиночества (стр. 281), а во второмъ — призывъ къ творчеству, къ вѣчному движенію впередъ (стр. 358). Послѣдняя повѣсть, въ общемъ, значительно слабѣе двухъ предыдущихъ.

К. Кудрявцевъ.

ИЗРЕЧЕНІЯ ИЗЪ КОРАНА.

Кротость состоитъ въ томъ, чтобы посѣщать тѣхъ, которые прекратили съ тобой всякія сиошенія, ублаготворять, оказывать щедрость тѣмъ, которые немилосердно отказали тебѣ, извинять, прощать, обласкать тѣхъ, которые по причинѣ невѣжества причинили тебѣ гнѣвъ.

(Магометъ, О кротости).

Остерегайтесь зависти: она съѣдаетъ благія дѣла, какъ ржа съѣдаетъ желѣзо.

(Магометъ, О зависти).

Богъ ни на одну изъ душъ не возложитъ тяжести, которая была бы свыше силъ ея.

(Гл. I, 286).

Богу принадлежитъ все, что есть на небесахъ и на землѣ, и все возвратится къ Нему.

(Гл. III, 105).

Поклоняйтесь Богу и ничего не приравнивайте къ Нему.

(Гл. IV, 40).

На привѣтствіе отвѣчайте еще болѣе вѣжливымъ привѣтствіемъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣмъ же. Богъ все ставитъ въ счетъ.

(Гл. IV, 88).

Самыя высокія изъ высокихъ ступеней, ведущихъ къ Богу—снисходительность и милосердіе. Безъ сомнѣнія, Богъ снисходителенъ и милосердъ.

(Гл. IV, 98).

Вопросъ: Какъ согласовать ученіе о кармѣ съ христіанствомъ, гдѣ обѣщается полное прощеніе грѣховъ при искреннемъ раскаяніи?

Отвѣтъ: Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, нужно сперва установить понятіе о „прощеніи грѣховъ". Если прощеніе грѣха понимать какъ уничтоженіе—Божескою властью—естественныхъ послѣдствій совершеннаго грѣха, то, конечно, такое понятіе не совпадаетъ съ ученіемъ о кармѣ; но оно едва ли совпадаетъ и съ понятіемъ духовно-просвѣтленнаго христіанина. Если предположить, что грѣшникъ раскаивается въ совершенномъ проступкѣ только потому, что испугался его послѣдствій, или—по восточному понятію—ожидающей его кармы, такое раскаяніе и съ христіанской точки зрѣнія не заслуживаетъ прощенія грѣха. Но если грѣшникъ не боится наказанія и въ своемъ раскаяніи проситъ Бога не о томъ, чтобы его грѣхъ остался безъ дурныхъ послѣдствій для него и ненаказаннымъ, а о томъ, чтобы ему дана была сила впередъ не нарушать божественный законъ, тогда „прощеніе грѣха" и „погашеніе кармы" вполнѣ совпадаютъ.

Вопросъ: Признаетъ или отрицаетъ теософія таинство причащенія, установленное самимъ Христомъ?

Отвѣтъ: Признаетъ. Подробный отвѣтъ интересующіеся могутъ найти въ книгѣ А. Безантъ Esoteric Christianity, имѣющейся въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ.

Вопросъ: Если изъ двухъ людей одинъ сознательно относится къ жизни, работаетъ надъ совершенствованіемъ своей души, а другой поглощенъ интересами земными, то объясняется ли это тѣмъ, что первый находился во время своей эволюціи въ болѣе благопріятныхъ усло-

віяхъ, чѣмъ второй, или тѣмъ, что душа перваго старше, чѣмъ у второго, и было время, когда она была такая, какъ у второго?

Отвѣтъ: „Сознательно относиться къ жизни" и „работать надъ совершенствованіемъ своей души" есть, несомнѣнно, признакъ извѣстной степени зрѣлости. Но такая работа должна сопровождаться добросовѣстнымъ выполненіемъ *земного* долга относительно окружающихъ, слѣдовательно, и той жизненной задачи, которая ставится передъ человѣкомъ его кармой; если этого нѣтъ, его стремленіе къ совершенствованію не принесетъ большихъ плодовъ. Точно такъ же и „поглощеніе интересами земными" можетъ быть весьма различнаго качества: можно быть „поглощеннымъ" вкусной ѣдой и красивыми туалетами, но можно быть „поглощеннымъ" и полезнымъ общественнымъ дѣломъ на благо ближнихъ.

Чтобы правильно судить о возрастѣ души, нужно, кромѣ видимыхъ проявленій, знать и мотивъ дѣятельности. Человѣкъ, поглощенный мыслью о совершенствованіи своей души, если онъ дѣлаетъ это только ради себя самого, можетъ быть при этомъ жестокимъ эгоистомъ, и стоять на очень низкой ступени духовнаго развитія; и, наоборотъ, человѣкъ, совсѣмъ не думающій о своемъ совершенствованіи, но безкорыстно работающій на пользу другихъ, можетъ стоять на очень высокой ступени.

Что касается до „благопріятныхъ условій" для внутренняго совершенствованія, то они появляются не случайно, а какъ послѣдствіе искренняго стремленія къ усовершенствованію въ предыдущихъ жизняхъ.

Вопросъ: Если всѣ люди перейдутъ въ вегетаріанство, то чрезмѣрное размноженіе животныхъ и уменьшеніе пищи не повлекутъ ли за собою новую борьбу за существованіе?

Отвѣтъ: Нѣтъ никакого основанія бояться, что когда мы перестанемъ поѣдать животныхъ, ихъ „чрезмѣрное размноженіе" вызоветъ „новую борьбу за существованіе". Имѣемъ же мы домашнихъ животныхъ, которыхъ не ѣдимъ, напр. лошадей, ословъ, собакъ и кошекъ, и они существуютъ съ пользой для насъ и никакихъ потрясеній въ экономіи природы не производятъ. Кромѣ того, существуютъ цѣлыя большія страны, какъ Индія, гдѣ считается преступленіемъ убивать домашнее животное. Индусъ, привыкшій уважать жизнь каждаго живого существа, ни за что не согласится на такое убійство. Намъ извѣстно изъ разсказа жившаго въ Индіи англичанина, какое сильное волненіе, грозившее перейти въ мятежъ, вызвалъ неопытный англійскій администраторъ, вздумавшій уговаривать индусовъ въ мѣстности, захваченной

голодомъ, чтобы они пожертвовали своими коровами и быками и ихъ мясомъ кормили своихъ голодныхъ дѣтей. Индусы, боявшіеся, что правительство *заставитъ* ихъ рѣзать животныхъ, пришли въ такое волнеиіе, что другому, болѣе опытному администратору съ трудомъ удалось успокоить ихъ. Ихъ представитель, вызванный администраторомъ, произнесъ рѣчь, въ которой, перечисливъ заслуги домашнихъ животныхъ, какъ они кормятъ человѣка своимъ молокомъ, какъ работаютъ на него вѣрой и правдой въ плугахъ и повозкахъ, заявилъ, что въ ихъ странѣ убивать своего „вѣрнаго слугу" считается черной неблагодарностью, на которую индусъ не пойдетъ даже для того, чтобы накормить своихъ голодныхъ дѣтей.

Опытъ такихъ странъ показываетъ, что намъ нечего бояться чрезмѣрнаго размноженія домашнихъ животныхъ; но возможно, что придется отказаться отъ усиленнаго размноженія, которое практикуется на скотныхъ дворахъ, гдѣ европейцы воспитываютъ домашнихъ животныхъ для того, чтобы убивать ихъ для своего стола.

ИЗРЕЧЕНІЕ ИЗЪ КОРАНА.

Совсѣмъ не въ томъ состоитъ благочестіе, чтобы обращать лица ваши къ востоку или западу. Благочестивъ вѣрующій въ Бога и въ день суда, вѣрующій въ ангеловъ и въ книгу, и въ пророковъ, изъ любви къ Богу отдающій состояніе свое близкимъ, сиротамъ, бѣднымъ, странникамъ и всѣмъ просящимъ; благочестивъ выкупающій плѣнныхъ, соблюдающій молитву, творящій милостыню, выполняющій приинятыя на себя обязательства; благочестивъ терпѣливый въ несчастіи, во времена жестокостей и гоненій. Таковы праведники, которые боятся Господа.

(Гл. I, 172).

Редакторъ-Издательница А. А. Каменская.